

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№1 ЯНВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2021

---

*О жизни и творчестве художника Эжена Делакруа
читайте на странице 65.*

Памятные места России

Георгий Кричевский **Вечность Михайловского** 4

Мир науки

Денис Логинов **Ученый от Бога** 16

Рассказ

Юрий Осипов **Дэрил и Брюс** 26

Из российской истории

Евгений Эрастов **«Красные сапоги» для царя** 37

Неизвестное об известном

Алла Зубкова **Великий и неподражаемый** 52

Евгения Гордиенко **«Служитель Аполлона»** 110

История шедевра

Ирина Опимах **Эжен Делакруа.
«Шопен и Жорж Санд»** 65

Замечательные современники

Александра Бушева **Аскольд Запашный:
«В цирке работают только
фанаты своего дела»** 72

Елена Воробьева **Алексей Конкин:
«Наша профессия воспитывает
в человеке множество
хороших качеств»** 94

Поэзия

Иван Переверзин **Стихи** 85

Итоги конкурса

Олег Визер **Прочитай и почитай** 99

Музеи России

Дмитрий Зелов **Ханты. Магические ритуалы
в таежном музее?!** 116

Детектив

Александр Аннин **Сокровища Гохрана** 122

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Даниила Пирожкова

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.12.2020

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« В своем творчестве Михаил Пришвин исследовал проблемы человеческого бытия, размышлял о смысле жизни, о религии, о нерасторжимых связях человека с природой, о тайне взаимоотношений мужчины и женщины. С прозрачными пришвинскими рассказами и сказками «О братьях наших меньших» мы знакомимся еще в раннем детстве, осваивая по ним в школе родную речь. Однако сам писатель главным и лучшим своим произведением считал сокровенные дневники, которые тайно вел на протяжении полувека.

Юрий **Осипов** «Я — храбрый заяц»

« Когда говорят об этом неординарном человеке, перед глазами неизбежно встает стереотипный и в чем-то даже карикатурный образ русского борца: громадная фигура, роскошные усы, непременное полосатое трико. Этот вид широко растиражирован, но имеет весьма отдаленное отношение к реальному Ивану Поддубному, который прожил очень долгую и очень разную жизнь.

Евгения **Гордиенко** «Жизненная сила Ивана Поддубного»

« Он говорил о себе: «Я — великий лжец» — и снимал кино, в котором люди открывали для себя великую правду искусства, красоту и милосердие. Его фильмы составили целую эпоху в истории мирового кинематографа. Он создал на экране абсолютно свой, поэтический мир, будто увиденный несколько наивным взглядом ребенка и одновременно взглядом пророка. И как всякая поэзия, всякое пророчество, фильмы Феллини не стареют, оставаясь созвучными нашей противоречивой эпохе.

Георгий **Кричевский** «Обыкновенное чудо Фредерико Феллини»

« Другого такого острова в Арктике нет. Недаром его называют осколком древней Берингии и оазисом жизни: здесь, далеко за Полярным кругом, сохранились до наших дней редчайшие виды растений и животных. А еще он — крупнейший в мире «родильный дом» белых медведей, единственное в стране гнездовье белых гусей, лежбища моржей, стаи легендарных розовых чаек и стада акклиматизированных недавно овцебыков... И все это — остров Врангеля.

Александр **Обоимов** «Там, где рождается рассвет...»

« Детектив Анны и Сергея **Литвиновых** «Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать...»

Георгий Кричевский

ВЕЧНОСТЬ

Михайловского

Места, причастные к жизни гения, несут на себе особую печать. Названия их со временем обретают значение символа, впитывают огромный исторический и культурный смысл, делаются нарицательными. Судьба этих мест, никому прежде не известных, отражается в судьбе народа, в его национальном характере и устремлениях.

Пушкинское Михайловское — книга, требующая внимательного и вдумчивого прочтения. Книга, написанная самой природой, обстановкой и вещами, окружавшими поэта. Поняв их язык, вы лучше поймете личность Александра Сергеевича, по-новому воспримите с юности знакомые стихи... И то, что казалось вам в них до этого малосущественным и незначи-

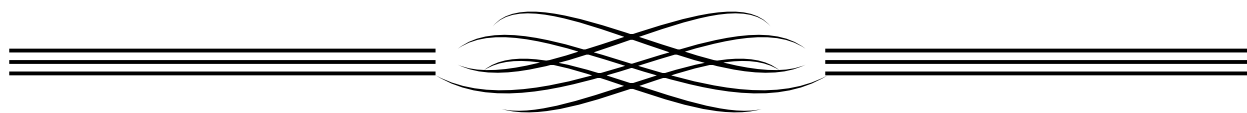
тельным, вдруг обернется значимым и существенным. Тогда холмы, озера, речка, перелески, на которых задерживался ЕГО взгляд, приоткроют вам свою тайну, зазвучат музыкой пушкинской строки.

Здесь нигде не встретишь линий электропередач, даже простых телеграфных столбов, не говоря уже о прочих приметах современной цивилизации (чего только стоило упрятать их подальше да поглубже!). Пешком сумрачной еловой аллеей Ганнибалов выходите вы к пушкинскому Дому. Деревянный, в четырнадцать окон по фасаду, он в точности такой, что когда-то приютил поэта. В строгом порядке, далеко от наивного буквализма, встречаются вам предметы обстановки, словно согретые его прикосновением. Узенький французский бильярд в два шара, потертое кожаное кресло у письменного стола, помадная банка, заменявшая ему чернильницу...

*И стол с померкшею лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет...*

По дороге в Тригорское, имение близкого Пушкину семейства Осиповых-Вульф, вам непременно захочется спуститься к «мельнице крылатой» на берегу неслышно текущей подо льдом Сороти. И долго еще в доме хозяев имения вы будете разглядывать милые вещицы, на которых отдыхал взгляд поэта, часто наведывавшегося сюда в дни его михайловского заточения. А потом вы погрузитесь в суровую атмосферу ганнибаловской усадьбы в соседнем Петровском, куда не раз приезжал Пушкин и где ему воочию являлась история его материнского рода, а с ней — история Петра.

Всем своим строем, всей своей одухотворенной сутью этот уникальный музей-заповедник убеждает, что всякий, пришедший сюда по зову сердца, может встретиться с Пушкиным.

Многое переменилось в этих краях со времени отъезда знаменитого курчавого ссыльного. Время унес-

ло неповторимые крупницы пушкинского мира. Увы, перерождаются и высыхают чудесные воды окрест-

ных озер Маленец и Кучаны, темных парковых прудов. Процесс этот начался давно. Еще в 1834 году родители поэта, жившие тогда в Михайловском, сообщали дочери в Варшаву: «Озера наши и река скоро станут твердой землей». Иссякают питавшие их родники, наносится ил, ползет ряска. Распаханы близлежащие пойменные луга. Реставрация мемориальных водоемов — работа сложная и кропотливая, но она ведется.

Хрупок заповедный уголок псковской земли, нелегко уберечь его первозданную природную гармонию. Уберечь же необходимо, ибо он вечен. Ведь Михайловское — это не только наше прошлое. И даже не только настоящее. Михайловское для нас — будущее, залог величия и неизбывности русской души. А еще Михайловское — это любовь и вера

в светлый идеал, во все лучшее в мире и в каждом из нас. Край, воспетый поэтом, место его высочайшего творческого взлета, но вместе с тем и место выпавших ему нравственных испытаний, вынести которые, по словам Вяземского, мог лишь «богатырь духовный».

Аполлон Григорьев сказал: «Пушкин — наше все». И впрямь, все!.. Вот почему Михайловское, сыгравшее исключительную роль в его судьбе, неисчерпаемо и бесконечно. И таким останется впрямь. Оно немало претерпело на своем веку. Вскоре после смерти поэта его скромная обитель дала временный приют вдове и детям Пушкина. Но господский дом был уже настолько ветхим, что жить в нем стало невозможно, и он окончательно опустел. В кабинете над камином поселилась сова. Она и сегодня каждую осень прилетает лунными ночами к дому, садится на конек кровли и громко плачет. Да, да, именно плачет, как писал еще Пушкин:

То был ли сон воображенья,
Иль плач совы...

Древние греки считали сову символом вечности. Что ж, вечность Михайловского восторжествовала, хоть и не сразу. Дом Пушкина был продан на слом. В усадьбе поселились чужие люди... В конце 19-го века там одно время жил сын поэта, Григорий Александрович. Уезжая, он посадил в память отца раскидистый вяз посередине традиционного Зеленого круга перед домом. Это произошло в год 100-летия со дня

рождения Пушкина. Кольцо молодых лип сомкнулось на кругу к 100-летию со дня его смерти.

На рубеже прошлого века Михайловское, наконец, было приобретено в государственную собственность. Однако лишь постановление Совнаркома от 13 марта 1922 года открыло путь к созданию уникального музейно-заповедного комплекса. Здесь очистили пруды, соорудили над ними ажурные мостики, восстановили «мельницу крылату» и хозяйственные постройки, занялись парковыми аллеями, цветниками, садом и лугами на мемориальной территории.

В возведенный на сохранившемся фундаменте Дом-музей Пушкина начали стекаться первые подлин-

ные экспонаты. Многие из них передали потомки бывших владельцев имения Осиповых-Вульф, бережно хранившие пушкинские реликвии.

Война помешала восстановительным работам, поставила под угрозу само существование Пушкиногорья. Михайловское оккупировали фашисты. Они разобрали на дрова домик няни, сожгли Михайловский музей, вывезли в Германию обстановку, личные вещи Пушкина и его близких. Гитлеровцы вырубали заповедные рощи, изуродовали траншеями парки. Готовясь к оборонительным боям, вырыли блиндаж под «дубом уединенным» в Тригорском, а в его густых ветвях

*Село Михайловское.
Литография
по рис. И. Иванова,
1837 г.*

Н.Н. Ге. «А.С. Пушкин в селе Михайловском»

устроили наблюдательный пункт. Отступая, фашисты начинили пушкинскую землю тоннами смерти, взорвали Святогорский монастырь и заложили, к счастью, обезвреженный, заряд чудовищной силы под могилу великого поэта...

Следом за крестьянами, потянувшимися после освобождения на родные пепелища, пришел сюда вместе с саперами весной 45-го рядовой минометного расчета, лишившийся на фронте руки, Семен Степанович Гейченко. Пришел, чтобы вернуть жизнь разоренному Пушкиногорью. И — остался тут навсегда. Причем на посту директора мемориального музея-заповедника он оказался человеком отнюдь не случайным.

В первые послереволюционные годы Гейченко учился в Петроградском университете, работал главным музейным хранителем дворцового комплекса Петергофа, затем в Пушкинском Доме (Институте русской литературы АН СССР). Пушкинские Горы стали судьбой этого неумного, своевольного человека. Здесь ему до всего было дело. Его волновали археологические находки на бывшем городище Воронич, древние валуны с выбитыми на них таинственными знаками, местные звери и птицы... При нем в Михайловском вновь завелись зайцы, лоси, косули, которых зимой можно увидеть в парке. Круглый год не умолкает в его аллеях разноголосый птичий гомон.

Аисты выют гнездо над крышей пушкинского дома. Гейченко раскапывал у букинистов редчайшие руководства XVIII века по садово-парковому искусству, выводил сорта яблонь, которые росли при Пушкине, сажал молодые деревья, лечил старые... Чтобы снова одеть листвой умиравший уже от старости и полученных ран знаменитый тригорский дуб, под него уложили с десятков грузовиков удобрений и поили из пожарных шлангов водой несколько дней кряду. И так было во всем — неприметная постороннему взгляду кропотливая, будничная работа.

Разумеется, Гейченко возродил Михайловское не в одиночку. Едва разминировали дороги, в усадьбу стали приходить жители окрестных сел, сами зачастую оставшиеся без крова над головой, и предлагали посильную помощь. Появились первые самоотверженные специалисты-музейщики. Поток солдат, катившийся на Запад, задерживался у порога Михайловского. Усталые бойцы спешили сделать что-нибудь для заповедника и двигались дальше, унося в душе образ Пушкина, образ Родины. Хватало в послевоенные годы и постоянных энтузиастов-помощников из числа псковских студентов и учащихся соседних школ. Активно помогали восстановлению Пушкиногорья местные власти.

Однако долгие десятилетия, вплоть до своей кончины, двигателем всего здесь оставался легендарный директор музея-заповедника,

подвижник в полном смысле этого слова, пусть и не свободный в разносторонней, обширной деятельности от некоторых перекосов и заблуждений. Даже тот, кто никогда не бывал в Михайловском, прочитав красочно изданные книги С. Гейченко, проникнется удивительным духом Пушкиногорья.

...Тягучий скрип колодезного ворота медленно истаял в морозном воздухе. Из-за заборов отозвались залиvistым лаем собаки. Захарово, бывшая усадьба бабушки поэта, где мне однажды посчастливилось побывать вместе с Гейченко, спокойно наблюдало за веселой студенческой ватагой, бродившей по одичалому парку и спорившей, какие из растущих вокруг заросшего пруда старых деревьев могли помнить юного Пушкина.

Семен Степанович тогда печально вздохнул: «Несправедливо держать все это в запустении. Пушкин Захарово очень любил! А сил и средств не хватает». Увы, не хватает их и поныне.

Смеркается. В окнах михайловского дома зажигаются огни. Покрытые инеем розвальни огибают ограду хозяйственного двора. Степенная смотрительница в валенках обмахивает на каминной доске в кабинете поэта чугунную статуэтку Наполеона с руками, «сжатыми крепостом». И восстановленная нить прошлого, нить памяти уводит нас к тому далекому дню 1817 года, когда лицейским выпускником впервые

вбежал Пушкин под сумрачную сень еловой аллеи Ганнибалов.

Где чувствовал он себя более одиноким — в великосветских салонах Петербурга, в гостеприимных московских гостиных, в тесной комнатухе убогого Кишинева, на балетном паркете одесского дворца наместника или же в занесенном пургой Михайловском, при неверном свете свечи над шатким столиком с рукописями? Если для биографов и исследователей творчества Пушкина первая его встреча с «приютом спокойствия, трудов и вдохновения» — эпизод, полный «белых пятен», то о второй известно все или почти все. Даже имя и облик дворовой девушки, которая искренней любовью скрасила поэту одиночество его михайловского заточения.

Пушкин тогда был уже кумиром новой России, его имя было на устах не только у столичной молодежи, но и у всех, кто болел за судьбу отечественной культуры в разных уголках огромной, готовившейся к социальным потрясениям страны.

Он прожил серьезный отрезок жизни между первым и вторым приездом в Михайловское — стал знаменитым, стал гонимым. Но главное — успел заложить основы современной нашей словесности.

Простите, верные дубравы!

Прости, беспечный мир полей,

И легкокрылые забавы

Столь быстро улетевших дней!..

Уже в этих ранних строках, написанных задолго до трагического поворота судьбы их автора, мы ощу-

щаем легкую грусть, к которой позднее прибавится горечь тяжелых разочарований. Казалось, что мог бы он еще испытать, достигнув таких творческих высот, такого душевного напряжения! Он бросил дерзкий вызов «милорду» Воронцову. Он пренебрег карьерой, гневом царя, оставаясь самим собой. Заставить его жить не так, как он хотел, было невозможно. Это бесило недругов, которые не могли выносить его свободной простоты, его острого языка, политических выпадов, его всеохватывающей и всепроникающей мысли. И отторгнутый ими изгнанник приезжает в Михайловское, не уступив своим врагам ни пяди завоеванного, приезжает в ореоле поэтической славы, осознаваемой им скорее внутренне, подспудно. Приезжает уставшим от бедности и скитаний, но не утратившим мужества и решимости и готовым к дальнейшей борьбе.

Нет, он не ожесточился, не утратил способности верить, надеяться, любить.

Храни меня, мой талисман,

Храни меня во дни гоненья,

Во дни раскаянья, волненья:

Ты в день печали был мне дан...

Михайловское окутало его тишиной, неоглядными далями, туманными влажными рассветами, непроницаемыми ночами и дрожащим сиянием луны, что висит тут прямо над подоконником. Он пишет с неистовой страстью, пишет много и разное, создает вещи бесценные. Продолжает начатое в Кишиневе, Одес-

се, и одиночество, непереносимое для других, отступает перед ним и даже делается порой источником веселья, неотделимого, правда, от затаенной печали.

*Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы
я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца
руку
И пожелать веселых много лет.*

Вот пример, когда противоречивые чувства сливаются в драгоценный поэтический сплав, который поистине можно назвать «Михайловским».

Муза заменила ему здесь привычный круг друзей. Муза и природа. А еще он умел находить себе отвлекающие душу занятия. «Ведут ко мне коня; \ В раздолии открытом, \ Махая гривую, он всадника несет...» Александр Сергеевич изучал

нравы онегинских соседей, засиживался в библиотеке Тригорского, наблюдал быт крестьян и монахов в окрестных монастырях, ходил по ежегодной святогорской ярмарке... Нет, он был здесь не один, а наедине с вдохновением. И этот поразительный взлет пушкинского гения — ведь в Михайловском он создал своего «Бориса Годунова», который вывел его на простор общественного служения и высокого историзма, — этот торжествующий взлет позволил ему совладать с депрессией ссылки, способной надломить другой, менее мощный дух.

Нескончаемыми зимними вечерами одиночество бежало от него еще и потому, что он знал: о нем думают, его помнят. «Никто из писателей русских не поворачивал так сердца каменными нашими, как ты», — писал ему в ноябре 1824 года «Дельви́г милый». «Ты около Пскова: там

Кабинет А.С. Пушкина в Михайловском

Фото museum.ru

*Петровское.
Дома А.П.
и П.А. Ганни-
балов*

Фото museum.ru

задушены последние вспышки русской свободы... — и неужели Пушкин оставит эту землю без поэмы!» — требовательно вопрошал в письме Рылеев. «По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе», — летят к нему в том же году слова Жуковского.

Их было всего двое, навестивших его за годы ссылки в михайловской глуши. Но они принадлежали к лучшим людям своего времени. Иван Иванович Пущин, совесть русской интеллигенции, совесть декабристов, провел здесь счастливые часы, внимая голосу друга, который читал ему отрывки из «Маленьких трагедий» и диктовал начало «Цыган» для рылеевского журнала «Полярная звезда» Это к нему, Пущину, названному им «мой первый друг, мой друг бесценный», Александр Сергеевич, заслышав во дворе колокольчик его кибитки, выскочил на крыльцо под косо летящий снег в одной рубашке, воздев приветствен-

но руки... И Антон Антонович Дельвиг, лицейский брат «по музе, по судьбам», согрел на миг своей беспредельной добротой и благородством деревенскую келью поэта.

Да, вызванный новым царем из ссылки, Пушкин не успел в Петербург ко дню восстания и не явился на Сенатскую. Но его вольнолюбивые стихи, его тень незримо присутствовали там, заставляя следствие раз за разом допытываться у арестованных о ссыльном поэте. И когда мы думаем о Пушкине и декабристах, мы вспоминаем не только чеканный слог «Послания в Сибирь», но и рисунок пером на полях рукописи, изображающий виселицу с силуэтами пяти повешенных и оборванной строкой: «И я бы мог...»

Есть некий особый смысл в том, что Пушкин окончил трагедию «Борис Годунов» осенью 1825 года, предшествовавшей восстанию декабристов. Есть некий особый смысл в этих грозных призывах:

«Народ! Народ! В Кремль! В царские палаты!» И есть некий особый смысл в том, что михайловские мужики, навеявшие ему отдельные образы его бессмертного творения, спустя двенадцать лет бережно опустят гроб великого поэта в могилу.

Да, душою он был с восставшими и сказал в стихах трагедии о праве народа жить достойнее, чище за несколько месяцев до того, как трон Российской империи закачался не под ночными ударами мятежных гвардейцев, а перед открытым выступлением общественной оппозиции.

Через восемь месяцев Пушкин покинет свой михайловский дом. Не вдохнет больше запах увядшей листвы на ступеньках веранды. Не увидит петляющие в сугробах беличьи следы. Не пойдет привычной дорогой к соседям в Тригорское и не услышит звенящий в саду девичий смех... Липовая Аллея Керн, тенистая прохлада «дуба уединенного», волнистые пажити у Савкиной горки останутся без него. И хотя внешне все будет выглядеть так, будто царь простил его, он возвратится в имперскую столицу не прощенным. Но и не сломленным, столь дерзко ответив Николаю на вопрос, где бы он был 14 декабря: «Со своими друзьями...» И долго будет светить ему в горестях и невзгодах последнего десятилетия теплый огонек родного Михайловского.

Он еще раз вернется сюда скорбным для себя днем ранней весны 36-го, когда привезет в Святые Горы гроб с телом матери. Минуя пу-

стынные монастырские дворы, поднимется по стертým ступеням каменной лестницы на вершину холма к стенам старинного собора. И закрепит в тот день за собой место на кладбище, рядом с материнской могилой. Предчувствие поэта, к несчастью, скоро сбудется. И там, в глухой стороне, в скудной песчаной почве, поросшей лебедой и крапивой, навечно упокоится его прах.

...В Москве гроб с телом покойного по высочайшему разрешению для прощания друзей и близких был выставлен на одну ночь в той самой церкви Большого Вознесения у Никитских ворот, где Александр Сергеевич венчался. Дальше гнали уже безостановочно. За Псковом пала одна из лошадей. Пришлось задержаться в Острове.

От мороза потрескивали стволы сосен. Верный же пушкинский «дядька» Никита, как встал на задок возка, припав головой к гробу, так и застыл. «Шкуру сдеру, ежели что!» — напутствовал сопровождавший жандарм ямщиков.

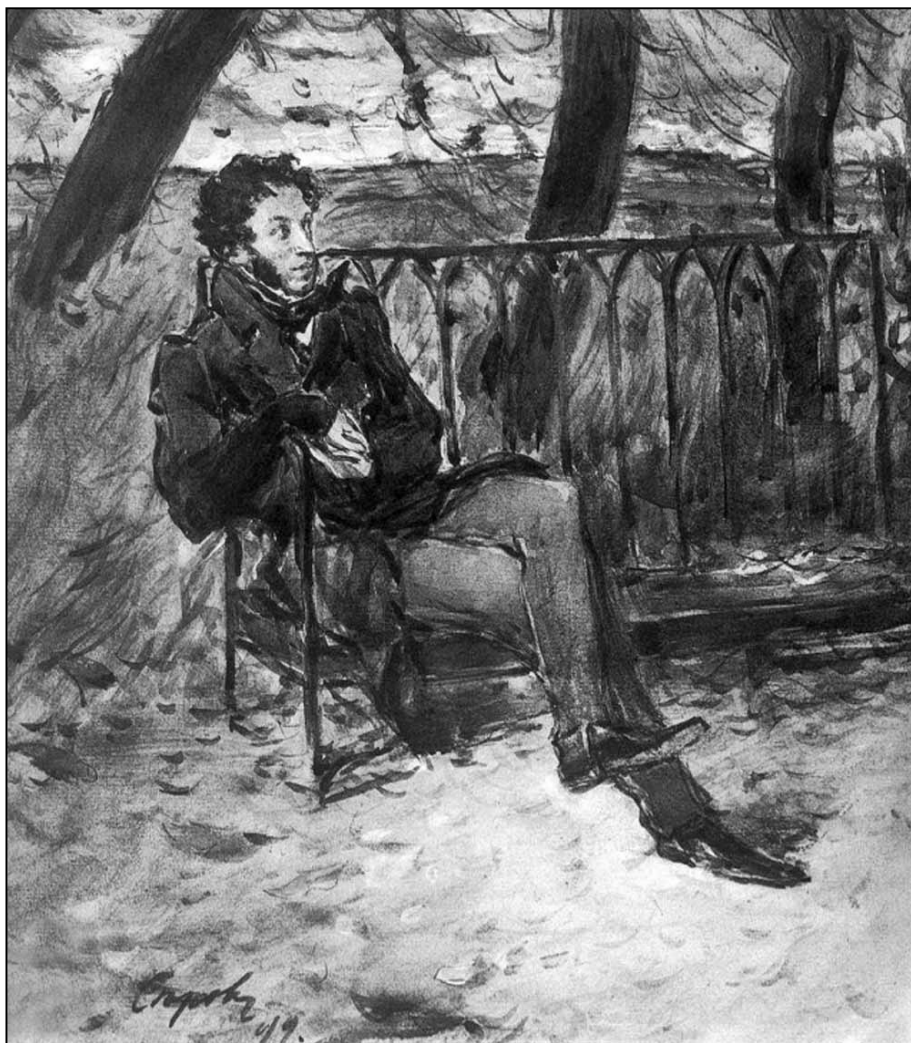
На Святогорском кладбище земля была, как камень. Жгли костры, чтобы хоть немного отогреть. Перед тем как опускать гроб в могилу, трижды качнули его, по старинному псковскому обычаю, в сторону отчего дома в Михайловском. Насыпали могильный холмик. Поставили сосновый временный крест. Кто-то из дворовых сказал Александру Ивановичу Тургеневу: «Надпись бы какую сделать...» Тот ответил:

«Пусть черной краской выведут одно слово: "Пушкин". Больше ничего не надобно».

Михайловская крестьянка принесла чашку с кутьей и поставила ее на край могилы. Тургенев попросил Никиту Козлова набрать ему с могилы пригоршню земли. Плакали мужики. Плакал Никита. Плакал соборный колокол. Пушкин любил слушать его голос и, бывало, сам, взобравшись на колокольню, устраивал такой трезвон, что настоятель в отчаянии затыкал уши. Теперь колокол печально ударил к ранней обедне. Монастырь зажил своей обычной жизнью...

Колокола эти висели тут вплоть до Великой Отечественной войны. Они значились в особом государственном списке реликвий, подлежащих вечному хранению. Потом их не стало. Более тридцати лет собирал Гейченко по всей округе колокола, звоны которых наверняка могли бы слышать Пушкин. Их надо было подбирать не только по внешнему виду, но и по звучанию, комплектовать как музыкальный ансамбль.

Удалось многое. Разыскали даже два подлинных святогорских «дисканта». Некоторые из найденных колоколов оказались «глухие», с глу-

*В.А. Серов.
«Пушкин
на садовой
скамье»*

Фото museum.ru

бокими трещинами. Ученый-металлург, профессор А. Поляков, увез их к себе в Москву, сделал лабораторный анализ сплава, изготовил нужную присадку. Литейщики проделали тончайшую реставрационную работу. И вот утром 2 мая 1978 года колокола подняли на звонницу, надели на них хомуты, подвесили языки. Раздалась команда: «Дать большой голос!» И ребята из студенческого отряда осторожно принялись раскачивать веревку двухтонного колоколабаса. Густой певучий звук поплыл в весеннем небе...

За год Пушкинские Горы посещают свыше миллиона человек. Пушкинские праздники поэзии в июньский день рождения поэта собирают здесь гостей в пять-шесть раз больше, чем составляет все население района. Хотя железная дорога в этих местах не проходит и ради упрочения заповедника, его охранной зоны никогда уже проходить не

будет, люди сюда едут и едут. Да и как может быть иначе!

Гармония — суть пушкинского творчества, он буквально дышал ею, гармония означала для него синоним свободы. Той, с которой он осваивал, усваивал и даже присваивал мир. И мы учимся у него гармонизировать мысли и чувства, природе, самой жизни. А попадая в Михайловское, невольно приобщаемся к этой всепобеждающей гармонии, к ЕГО «тайной свободе».

Мы приходим к Пушкину по зову сердца. Приходим к учителю, другу и собеседнику, подтверждая тем самым прозорливое высказывание Белинского: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества...»

И в этом также — вечность Михайловского! □

Денис Логинов

УЧЕНЫЙ ОТ БОГА

Датский физик Кристиан Меллер так писал об этом тогда еще молодом ученом:

«Временами возникало ощущение, что на самом деле он использует все свое время и энергию на придумывание шуток и грубоватых острот и что он именно это считал, так сказать, своей главной задачей, а что важные статьи, которые он писал тогда об альфа-распаде и свойствах атомных ядер, были лишь побочным продуктом его деятельности».

В Советском Союзе имя Георгия Гамова старались забыть. В 1938-м его, самого молодого члена-корреспондента Академии наук СССР (он получил это звание в 1932 году в 28 лет), исключили из состава Академии наук. Его фамилии — самого молодого из физиков, избранных в академию, больше не было в энциклопедиях.

Почему?

А ведь с его участием в Советском Союзе был создан первый в Европе циклотрон (ускоритель тяжелых заряженных частиц (протонов, ионов)). Юный Георгий Гамов запросто встречался с Нильсом Бором, Паулем Эренфестом, Эрнестом Резерфордом и Ральфом Фаулером. 24-летний молодой человек стремительно ворвался в мировую научную элиту.

И так же стремительно из нее исчез, когда опустился «железный занавес». Его доклад в Риме на Международном конгрессе по ядерной физике в октябре 1931 года прочитал другой ученый. И это стало переломным моментом в его жизни — как научной, так и личной.

А начиналось все просто и достаточно гладко. 4 марта 1904 года в Одессе в семье известных учителей родился сын Георгий. Его отец, Антон Михайлович Гамов, выпускник Кишиневской 1-й мужской гимназии, был потомственным дворянином. Преподавал русский язык и литературу в частной гимназии и реальном училище. Со стороны отца большинство предков Гамова были военными, его дед, майор Михаил Андреевич Гамов, занимал пост коменданта Кишинева, а второй дед был полковником царской армии, командующим Кишиневским гарнизоном.

Удивительно, но никто и никогда не обратил внимание на происхождение Георгия, хотя анкета с подобными данными уже через двадцать лет после его рождения могла испортить жизнь кому угодно и как угодно.

Но 1904 год был последним относительно спокойным годом в истории России. Человеку, которому предстояло стать звездой ядерной физики, астрофизики и космологии, сформулировать задачи для генетиков, со временем расшифровавших генетический код человека, пришлось взрослеть в беспокойное время.

И все же... Родители Георгия Гамова сделали все, чтобы вихри перемен не помешали мальчику получить хорошее образование. Даже в это время он учился. Отец на последние деньги покупал сыну микроскоп, телескоп, книги, в то время когда другие семьи меняли ценности на продукты.

Мать, к сожалению, рано умерла — Георгию было всего девять лет, но успела привить сыну любовь к иностранному языку. К окончанию школы он свободно говорил на английском, немецком и датском, мог общаться по-французски. Именно эти знания и стали залогом будущей успешной научной карьеры.

В 1921-м Георгий окончил школу, где с интересом изучал преимущественно математику, физику, биологию и химию, и поступил на математическое отделение физико-математического факультета Новороссийского университета.

Совершенно неожиданно Новороссийский университет расформировали, но Георгий тут же перевелся в университет Петрограда. Жилось там труднее, но высокий (под два метра ростом), сильный и всегда жизнерадостный студент успешно учился и работал наблюдателем на метеорологической станции Лесного института. Там он трижды в день снимал показания приборов. Университет он окончил в 1926 году, легко поступил в аспирантуру и окончательно решил заняться теоретическими исследованиями.

Он не очень хорошо считал (гениальные математики в уме решали сложные логарифмы, а Гамов мог призадуматься, если его спрашивали, сколько будет, если умножить семь на восемь), но обладал феноменальной способностью проникать в суть физических явлений.

Через два года он так же легко добился разрешения на стажировку

в Германии, в знаменитом Геттингенском университете, на кафедре, которой заведовал знаменитый физик Макс Борн. Именно здесь работали люди, которые спустя не такой уж большой промежуток времени станут самыми активными участниками атомной гонки. В том числе, немец Вернер Гейзенберг и американец Роберт Оппенгеймер, величайший физик-теоретик XX века.

Под руководством Борна Гамов быстро, будто шутя, написал свою первую работу, связанную с теорией ядра.

Авторитетные западные специалисты искренне полагали, что уже за этот труд молодой советский ученый должен был получить Нобелевскую премию. «Это было счастливейшее время в моей жизни!» — будет позже вспоминать о стажировке в Германии сам Георгий.

Решив заняться какой-либо нерешенной теоретической проблемой, он выбрал в качестве основного направления теорию атомного ядра, в частности, проблему альфа-распада — одного из видов радиоактивности. Применяв идею о квантово-механическом проникновении волновой функции альфа-частицы через кулоновский барьер, ученому удалось показать, что частицы с не очень большой энергией могут с определенной вероятностью вылетать из ядра. Это стало первым успешным объяснением поведения радиоактивных элементов на основе квантовой теории. Гамов смог определить размер ядра и объяснил за-

кон Гейгера-Неттола, который связывал энергию вылетающих частиц с периодом полураспада ядер. В июле 1928 года молодой ученый опубликовал свою статью в известном научном журнале, которая и сделала его знаменитым в научном мире.

Возвращение домой было триумфальным. Молодого человека, которому и было-то всего 25 лет от роду, горячо приветствовала главная газета Советского Союза «Правда». Вышел громкий материал «Молодой советский ученый раскрыл тайны атомного ядра».

Начало 30-х годов XX века Георгий Гамов встретил в Лондоне. Проживание молодого физика в столице Туманного Альбиона стало возможным отнюдь не на средства Наркомпроса. Ему была присуждена стипендия «проклятого капиталиста» Рокфеллера, и он получил уникальную возможность работать в Кавендише, в легендарной лаборатории Эрнеста Резерфорда, считающегося отцом ядерной физики.

Произошло невероятное. Авторитетный британский ученый с мировым именем одобрил теорию Гамова, что автоматически снимало любые сомнения в научности его исследований, касающихся распада атомного ядра.

В самом начале 30-х в Кембридже оказывается и Лев Ландау — друг Гамова по физтеху. Их было трое — молодые физики-теоретики, мечтавшие перевернуть теорию физики: Лев Ландау, Георгий Гамов, Дмитрий Иваненко. Гамов среди друзей имел

кличку «Джонни». Ландау — Дау, Иваненко называли Димус.

Несмотря на их дружбу, взгляды молодых людей различались кардинальным образом. Если Гамов был вне политики и претендовал лишь на собственное место в истории мировой науки, то Ландау мечтал о новой физике для новой советской страны. Он ненавидел все буржуазное и полагал, что физик с замашками мещанина не имеет права носить гордое звание советского ученого и не может считаться теоретиком. Политическая индифферентность

простые, и за меньшее могли серьезно испортить жизнь и карьеру.

Закончилось все внезапно и... благополучно. В марте 1932 года заслуги Гамова оценили на очередных выборах в Академию наук СССР: Георгий Антонович был избран членом-корреспондентом, став в 28 лет самым молодым из избранных физиков на тот момент.

Осенью 1933 года Гамова назначили советским представителем на Седьмом Сольвеевском конгрессе в Брюсселе, где ученые обсуждали структуру и свойства атомного ядра.

Последним относительно спокойным годом в истории России был 1904 год. А дальше человеку, которому предстояло стать звездой ядерной физики, астрофизики и космологии, пришлось взрослеть в очень неспокойное время

Гамова смущала и раздражала его. Но до какого-то времени Ландау был не только дружен с Гамовым, но и лоббировал его избрание в члены-корреспонденты АН СССР, искренне полагая, что Георгий Антонович имеет на это больше прав, чем он сам.

Гамов же вел легкий и свободный образ жизни. Увлекался гонками на мотоцикле, планировал путешествие на своем «двухколесном друге с коляской» по Европе. Он был внутренне свободен.

Удивительнее всего было то, что власти как будто не замечали всех этих вольностей и «подражания Западу». А времена уже наступали не-

А за два года до этого Георгий женился на Любви Вохминцевой, выпускнице физико-математического факультета МГУ.

«Друг с коляской» был заброшен. Гамов всеми силами пытался не только активно участвовать в мировой научной жизни, но и приобщить к этому молодую жену. Даже в Брюссель он отправился вместе с ней, хотя для получения визы пришлось пробиваться на прием к самому главе правительства СССР — председателю Совета народных комиссаров Вячеславу Молотову.

Разрешение было получено. Но Люба должна была остаться в СССР

гарантом возвращения ученого на родину после завершения конгресса. С другой стороны, таким гарантом выступал сам Нильс Бор.

И тут Георгий Антонович совершил поступок, который с равным успехом можно назвать и мужественным, и безрассудным: он отказался ехать один. За таким решением могли последовать арест, ссылка или даже расстрел. Два дня Гамовы ждали ареста и готовились к самому худшему развитию событий. Но наступил день третий, и... молодые люди получили паспорта. Сработало. Супруги Гамовы отправились в Брюссель вместе.

И это не просто удивительно, но наводит на некоторые размышления.

Известно, что советская разведка следила за американскими разработками атомной бомбы. В конце концов материалы попали к руководителю группы по созданию такой же бомбы в СССР Игорю Курчатову. Есть информация и о том, что советские физики были хорошо знакомы с работами по созданию водородной бомбы. Есть косвенные свидетельства того, что материалы, которыми пользовался «отец» советской бомбы Андрей Сахаров, попали к нему не без посредничества Георгия Гамова.

Если Гамов действительно помогал советской разведке (что, скорее всего, правда), тогда становится понятным его очень странный по легкости выезд из СССР, да еще вместе с супругой. С начала 30-х годов за учеными очень плотно при-

сматривали спецслужбы. А тут — никакой реакции.

И, несмотря на это — совершенно неожиданное продолжение: после завершения конгресса в Брюсселе Гамов решил не возвращаться в СССР. Правда, он пытался получить разрешение работать за границей, но при этом не терять советского гражданства и иметь возможность в любое время приезжать на родину. Увы...

Свое веское слово в разрешении этой неприятной ситуации сказала Мария Кюри, и Гамовы остались.

Спустя многие годы чекист-мемуарист Павел Судоплатов, вошедший в историю как организатор убийства Льва Троцкого, сообщил, что Гамов и Бор работали на советскую разведку. Но все это очень напоминает попытку оправдать людей, которые не смогли сохранить гениального физика для страны.

Георгий Гамов стал, по сути, первым советским ученым-невозвращенцем. Или... одним из немногих «двойных агентов» в науке, что соответствовало его прирожденному авантюризму. Гениальный ученый и не менее гениальный шпион? Очень похоже на правду.

В США Гамовы оказались ровно спустя год после триумфального прибытия в Америку Эйнштейна. Георгия Антоновича ожидала должность профессора в университете Джорджа Вашингтона. Первым из озвученных им условий была возможность ежегодно проводить научные конференции, по аналогии с те-

ми, что проводил в Европе Нильс Бор. Вторым — приглашение на работу физика Эдварда Теллера, его ученика, которого сегодня именуют не иначе как отцом водородной бомбы.

— Зачем он вам? — недоумевал ректор университета Джорджа Вашингтона.

— Хочу, чтобы рядом был человек, с которым можно поговорить о теоретической физике, — затянувшись сигаретой, ответил Гамов. И это было действительно так. Гамов писал много работ по физике и астрофизике, и почти всегда — в сотрудничестве со своим близким другом Эдвардом Теллером.

Но вот что интересно — в 1941 году Эдвард Теллер стал участником американского проекта по созданию атомной бомбы, но Гамова к этим работам не привлекли «по соображениям безопасности». Во время Второй мировой он был всего лишь консультантом военно-морских сил. Но в 1948-м все же получил допуск и участвовал в создании водородной бомбы. Опять же проектом руководил Теллер. Здесь же в группе другой близкий друг Гамова — Станислав Улам.

Много лет спустя Улам писал:

«...Способностью видеть аналогии между моделями для физических теорий Гамов обладал почти до невыносимой степени. В наши дни, когда используют все более и более сложную математику, пожалуй, изощренную сверх всякой меры, было удивительно видеть, как далеко он

мог продвигаться с помощью интуитивных картинок и аналогий, почерпнутых путем сравнений из области истории или даже искусства».

После войны Георгий Антонович, помимо всего прочего, увлекся астрофизикой и предложил модель «горячей Вселенной», уточняя теорию Большого взрыва. А в 1954 году, через год после открытия двуспиральной структуры молекул ДНК, он стал одним из идеологов новой науки — молекулярной биологии, поставив проблему генетического кода. Именно с подачи Гамова и начался великий научный проект по расшифровке генома человека!

Ученый понял, что структура основных строительных блоков клетки — белков, состоящих из 20 основных аминокислот, — должна быть зашифрована в последовательности из четырех возможных нуклеотидов, входящих в состав молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты.

Исходя из простых арифметических соображений, Гамов показал, что «при сочетании 4 нуклеотидов тройками получают 64 различные комбинации, чего вполне достаточно для «записи наследственной информации», и выразил надежду, что «кто-нибудь из более молодых ученых доживет до его расшифровки». Таким образом, Георгий Антонович стал первым, кто предположил кодирование аминокислотных остатков триплетами нуклеотидов. (Через 14 лет ученые, экспериментально подтвердившие его теоретические

предположения, стали лауреатами Нобелевской премии.)

Говорить о том, что Гамов, этот «свободный художник из мира науки», был вовлечен в атомную гонку и процессы создания атомной бомбы в США, неверно. Всю жизнь он старательно избегал вопросов власти и политики, словно его блестящая интуиция намекала ему на возможность мировой войны, в которой от человечества, во главе которого вдруг стали безумцы и кровавые тираны, может не остаться и следа.

Тоже спасал себя? Похоже...

Георгий Антонович был «изобличен и проклят» на Родине. Возвращаться в Россию он не собирался, но и забыть об интересах той страны, в которой родился и где прошла его молодость — тоже. При малейшей возможности он посылал новые научные материалы в СССР. Прекрасно понимая, что нарушает этим все правила мировой политики.

Исторические события в США развивались иначе. Равно как и взаимоотношения с властью имущими. В августе 1939 года появилось зна-

---

После войны Георгий Антонович увлекся астрофизикой и предложил модель «горячей Вселенной», уточняя теорию Большого взрыва. А в 1954 году он стал идеологом новой науки — молекулярной биологии. Именно с подачи Гамова начался научный проект по расшифровке генома человека!

Вместе с женой они приобрели дом. В 1935 году у них родился сын Игорь, впоследствии ставший ученым-микробиологом. В доме Гамовых бывал Эйнштейн, чья теория относительности когда-то сподвигла Георгия поехать учиться в Петроград.

Происходящее в СССР теперь было тайной за семью печатями. Гамов и подумать не мог, что друг Ландау рассказывал следователям на Лубянке: ключевым участником преступной антибольшевистской ячейки молодых ученых был... Георгий Гамов.

менитое письмо физиков в адрес Франклина Делано Рузвельта. Его основным подписантом был Альберт Эйнштейн. Среди подписантов — Лео Силард, Юджин Вингер, Эдвард Теллер, которого в США перетащил Гамов. Его же подписи под письмом нет.

Обеспокоенные началом атомных исследований ученые обращали внимание американского президента на то, что фашистская Германия проводит исследования в области атомного оружия. Они настаивали на старте аналогичной широкомасштабной программы исследований в США.

Реакция Рузвельта была незамедлительна. Тут же был создан Урановый комитет для изучения вопросов, изложенных в послании ученых. И вскоре его члены уже рапортовали о том, что возможно появление оружия беспрецедентной разрушающей силы, равного которому нет в мире.

Иными словами, США приступили к созданию атомной бомбы. В СССР аналогичное распоряжение появится только спустя три года — в сентябре 1942-го.

Американские друзья Гамова стали загадочным образом исчезать. Об их судьбе Георгий Антонович ничего не знал. Точки над *i* расставил его визит на ферму Роберта Оппенгеймера, которая была расположена недалеко от Альбукерке (штат Нью-Мексико).

Пропавшие знакомые, в том числе, Лео Силард оказались там, но, приближаясь к ним, Гамов обращал внимание на то, что при его появлении все ведущиеся разговоры эти люди мгновенно прекращали. Почему? Все просто. Они стали учеными из «почтового ящика» — непосредственными участниками широкомащтабных исследований по созданию атомной бомбы в США. Делиться своими научными соображениями с кем бы то ни было, тем более с русским Гамовым, в их планы не входило. Любая утечка была недопустима.

Но... Непостижимым образом в 1941 году ученого все-таки привлекли к проекту по созданию атом-

ной бомбы, а семь лет спустя — водородной бомбы. По свидетельству П.А. Судоплатова, в это время Гамов и его жена поддерживали связь с советской разведкой, снабжая ее сведениями по продвижению атомных проектов. Отчет же Г. Смита «Атомная энергия для военных целей» появился только осенью 1945 года. Уже после того, как бомбы упали на Японию.

В 1948 году вышла сенсационная работа Георгия Антоновича Гамова, рассказывающего миру о «горячей Вселенной», о реликтовом излучении света, возникающем в результате произошедшего взрыва. В ее основе лежала теория расширяющейся Вселенной Александра Фридмана, полагавшего, что первоосновой всего был взрыв, заполонивший пространство веществом, из которого спустя миллиарды лет возникло все сущее — и солнце, и звезды, и галактики, и планеты.

Гамов, развивая эту идею в своей работе, создал космологическую теорию, которая сегодня известна мировому сообществу как «теория большого взрыва». Многочисленные испытания, проходившие еще в конце Второй мировой, доказали ее обоснованность и научность.

Между большим взрывом во Вселенной, исследованным Гамовым, и атомным взрывом усматривается прямая аналогия. Многие авторитетные западные ученые более чем уверены в том, что тезисы, выдвигавшиеся в ходе исследований в области космологии Гамовым, оказа-

ли определяющее влияние на работу наблюдавших за его исследованиями советских ученых. В первую очередь его трудами был увлечен Яков Зельдович, участник советского атомного проекта.

И здесь опять-таки нельзя не вспомнить о мемуаристе-разведчике Судоплатове, который утверждал, что Гамов был агентом советской разведки.

Кто знает?

Возможно великий русский ученый, оставшийся, несмотря на бегство, патриотом в душе, никогда не говоривший о России, но все время рисовавший ее и тосковавший о ней, проанализировал последствия появления самого страшного оружия в мире и... «транслировал» идеи для советских ученых с помощью публикации в США работ по вполне безобидной в те годы космологии? Может, именно благодаря идеям эмигранта Гамова СССР сумел вырваться вперед, проведя испытания водородной бомбы 12 августа 1953 года?

Но даже если это так, если Гамов с его блестящей интуицией осознал еще в 40-е, что необходимость соблюсти общемировой «ядерный баланс» — единственная возможность выжить для мира, и транслировал бесценную информацию в СССР, то для себя, как для ученого, он ставил задачи несоизмеримо более важные.

В середине 1950-х годов Гамов развелся с Любовью Вохминцевой и женился на Барбаре Перкинс. В 1956 году он переехал в Боулдер,

где занял должность профессора Колорадского университета. В том же году он получил от ЮНЕСКО премию Калинга за популяризацию науки.

Дело в том, что у Георгия Гамова открылся еще один талант. Он умел просто и понятно рассказывать о сложных физических процессах. Еще в 1938 году он написал короткий фантастический рассказ о приключениях банковского клерка мистера Томпкинса в мире теории относительности. А в 1940-м цикл рассказов «Мистер Томпкинс в стране чудес» был издан отдельной книгой, его перевели на все европейские языки. И тогда Гамов написал еще несколько подобных историй о приключениях мистера в мире квантовой механики и молекулярной биологии. Потом вышло еще несколько научно-популярных книг по физике и астрофизике.

В 1954 году, через год после открытия двуспиральной структуры молекул ДНК, Гамов неожиданно внес существенный вклад в становление новой дисциплины, в которой существенно уточнил формулу ДНК. «По следам» работ Гамова американские ученые Р. Холли, Х. Коран и М. Ниренберг получили в 1968 году Нобелевскую премию.

С 1956 года Гамов жил в городе Боулдер, штат Колорадо, где работал профессором Колорадского университета. Одно из высоких зданий, построенных на его территории, носит название «Башня Гамова». А стену университета Джорджа

Вашингтона, где Георгий Анатольевич проработал двадцать предыдущих лет, сегодня украшает мемориальная доска.

Последние годы жизни ученого были не слишком легкими и радостными. Он тяжело страдал от нарушений сердечно-сосудистой системы, перенес несколько операций. Находясь в больнице, заразился и переболел гепатитом.

Помимо этого Георгий Антонович пристрастился к крепким напиткам, да так, что несколько раз

разгадке кода жизни — самого главного секрета бытия, который Гамов пытался разгадать в минуты, когда мир висел на волоске.

Георгий Антонович умер в Боулдере 19 августа 1968 года в возрасте 64 лет. Могила знаменитого физика находится на кладбище «Грин-Маунтин».

На родине о нем надолго забыли, и только в 1990 году он был — неожиданно для большинства коллег — посмертно восстановлен в звании члена-корреспондента АН СССР.

В последние годы жизни он часто ездил туда, где высились Красные скалы. Только там, в единственном месте на Земле, можно было коснуться рукой следов вымерших миллионы лет назад динозавров и... стать на шаг ближе к разгадке кода жизни — самого главного секрета бытия, который Гамов пытался разгадать в то время, когда мир буквально висел на волоске

проходил реабилитационный курс в специальной клинике. Но это мало помогло. Даже после длительного лечения Гамов появлялся на публике, держа рюмку. Без нее он уже просто не мог, хотя понимал, что стремительно приближает свой конец.

В последние годы жизни он часто ездил туда, где высились Красные скалы. Именно там, в Red Rocks, единственном месте на Земле, можно было коснуться рукой следов вымерших миллионы лет назад динозавров и... стать на шаг ближе к

Гамов был не только крупным ученым, но и неординарным человеком, что неоднократно отмечали его друзья и современники.

В 2009 году режиссером Ириной Бахтиной был снят документальный фильм «Георгий Гамов. Физик от бога».

Несмотря на то, что при жизни ученого большинство его трудов не ценилось, сейчас они имеют огромную ценность, так как стали началом для многих наук и теорий. Так что можно считать, что свою жизнь советско-американский физик прожил не зря. □

Дэрил и Брюс

1

Сначала у нас появился Дэрил.

В относительно спокойный период нашей зигзагообразной жизни вдруг захотелось вдобавок к подраставшему сыну собаку. Большую, верную, умную.

«Слегка тронутая» соседка по дому — нелепая одинокая собачница с двумя беспокойными карликовыми спаниелями убедительно насоветовала взять у ее знакомой заводчицы щенка бладхаунда ну просто чемпионских кровей. Интеллектуала, сложную личность и аристократа. Позднее, на основании личного опыта, мы добавили к этой завлекательной характеристике: капризного, своенравного, упрямого и непредсказуемого. Но — умеющего по-человечески любить и общаться на равных.

Короче, совершенно не представляя, что нас ждет, мы купились на байки соседки, очарованные к тому же фотографиями невероятных брыластых существ могучей стати в складчатой шкуре, с длинными витыми ушами и задумчивыми карими глазами под скошенными книзу веками. И осенним воскресным утром отправились за вожделенным щенком.

Жена с деньгами поднялась в квартиру выбирать из помета нашего, а я остался ждать в машине. Потом она рассказала, что не успела войти в коридор с ободранными в клочья собачьими когтями обоями, как выбежавшая из комнаты мама щенков Биза водрузила ей на плечи передние лапы и приветственно лизнула в лицо. Она же подвела жену к коробке,

где, сопя, возились беспомощные щенки, и ткнула широченным носом в одного из них. Выбор был сделан.

Дэрил рос быстро, превращаясь из нелепого ушастого щенка с зычным лаем и разъезжающимися по паркету когтистыми лапами в горделивого пса-игруна, способного легким толчком корпуса свалить с ног. Он на лету усвоил правила гигиены, даже в юном возрасте не позволял себе в ожидании прогулки надуть на пол, особо не привередничал в еде, по щенячьему обыкновению не грыз обувь и ножки стульев, однако планомерно истреблял корешки книг, умудряясь вытаскивать их в наше отсутствие с открытых полок шкафа. Когда мы возвращались и видели на полу растерзанные книги, Дэрил, даже еще не от горестно-гневного возгласа, а только от одного первого взгляда на следы его преступления, с виноватым подвыванием убегал в спальню и пытался забиться под тахту, где уже не помещался.

Ум, поразительный ум этой породы, помноженный на ярко выраженную индивидуальность, о чем мы столько читали, примиряли нас и с мелкой шерстью по всей квартире дважды в год при линьке, и с разлетающимися по сторонам слюнями, стоило Дэрилу тряхнуть башкой размером с голову подростка. Причем, если в щенячьем возрасте скапливающиеся у него в углах брыльев слюни попадали только на обои, то после года они стали долетать до потолка...

А кормление по непростой системе с витаминными добавками и костной мукой во избежание рахита и прочих напастей крупных пород! А непременные трехчасовые прогулки трижды в день в любую погоду для мотона этой самой большой в мире английской гончей (правда, выведенной в каком-то бельгийском монастыре)! Все искупалось радостью общения и обоюдной любовью.

Конечно, со временем пришло понимание, что блаухаунды все же собаки не для городской квартиры. Судя по описаниям и фильмам, они лучше всего чувствуют себя в охотничьей своре и сворой же гнались раньше за крупной дичью по кровавому следу (отсюда название породы — гончая по кровавому следу). Хотя, как известно, эти азартные псы прекрасно могут работать и в одиночку, долгими часами неутомимо (все-таки самое большое в собачьем мире сердце) преследуя тряской рысью подраненного лося или оленя и за километры от охотника указывая ему знаменитым зычным лаем нужное направление.

Ну и насчет «кровавого следа» тоже не совсем верно. Фантастический нюх бладов широченным длинным носярой с жерлами ноздрей очень ценился на хлопковых плантациях американского Юга. Там их успешно использовали в погоне за беглыми рабами, которые давали деру речными

заводями, чтобы запутать следы. Только не для блаухаундов, бравших запах беглецов верхним чутьем и сутками неотвратимо гнавшихся за ними по воде, чтобы в финале подвести под свирепых доберманов на сворках следовавших берегом надсмотрщиков.

В травле, к слову сказать, блаухаунды никогда и нигде не участвовали — их делом было вынюхать и привести к цели. Как, к примеру, в старой доброй Англии, где они исправно служили в полиции и способны были безошибочно взять на городской мостовой «остывший» след преступника, по которому своим непостижимым верхним чутьем приводили сыщиков к его убежищу. Недаром «показания» блаухаундов в лондонском суде считались неоспоримыми.

Нюх Дэрила, однако, неоднократно играл с нами злые шутки. Едва пес подрос и осознал свои способности, он начал на прогулке гоняться по всем интересным следам в парке, убегая, если спускали с поводка, очень далеко. Жена, я и сын, выводя его по очереди гулять, бегали за ним в сумерках с отчаянными криками, проклиная все на свете. Возвращался всегда сам, по собственным следам, с совершенно невинным видом, словно удивляясь, как мы могли подумать, что он может потеряться. Мы и не думали, мы вполне обоснованно боялись, что его просто уведут. Дружелюбием и доверчивостью к людям он отличался необыкновенными.

Где-то года в три, когда Дэрил вымахал уже в шестидесятикилограммового пса, вызывавшего оторопь у пляжников в Серебряном бору тем, что, приветливо потряхивая ушам, бегал себе между ними, деловито перепрыгивая через их лежаки, его первый раз увели вечером с прогулки в парке как заблудившегося.

Мы с женой в отчаянии объезжали на машине соседние кварталы и звали его. Час спустя он отозвался из темноты знакомым басом и был нами обнаружен во дворе какого-то дома прикрученным веревкой за ошейник к лавке рядом с пугливо озиравшимся дядькой. Дэрил, по словам похитителя, якобы, охотно пошел к незнакомцу «в гости», не ожидая ни от кого ничего плохого, ну а там уже, не обнаружив нас, закатил такой концерт, что его поспешили вывести на улицу в ожидании хозяев.

Через пару лет Дэрила увели из парка уже целеноправленно, подманив на течную суку. То, что обезумевшая жена интуитивно «вычислила» дом и выпытала у игравших во дворе детей подъезд, куда завели двух собак, одну им незнакомую, большую, рыжую с черным, — из разряда чуда.

Гулять же с Дэрилом на поводке было истинной мукой и для него, и для нас. Он тянул, как паровоз, на пару минут слушаясь команды: «Рядом!», и снова срываясь за манящим запахом — нос к земле, капюшон ездящей на

лбу шкуры надвинут на глаза вместе с ушами, создавая ноздрям нюхательную воронку, зад и хвост-сабля азартно подрагивают, длинные задние лапы мелко перестукивают по земле когтистыми суставчатыми пальцами. Однажды зимой, едва мы вышли из дома, он рывком потянул меня, не слабого мужика, за собой по свежему следу и так приложил на ледяной дорожке боком о ствол дерева, что треснувшее ребро напоминало о себе еще несколько лет.

Да и как можно было не спускать с поводка пса, которому с его бычьим сердцем требовалось для нормального самочувствия ежедневно пробежать на рыси до десяти километров. На людей он не обращал внимания, с собаками не задибался, если его не трогали. И единственную опасность, кроме похитителей, представляли течные суки, которых Дэрил, разумеется, не пропускал, заводя вокруг каждой осторожный эротический танец и пробуя подтащить ее под себя требовательной лапой.

С годами мы привыкли по часу без паники дожидаться Дэрила на том месте, откуда он исчез из вида. Прибегал довольный, доказавший себе и нам свою самостоятельность. Извиняюще-благодарно терся о ноги и приглашал продолжить путь. Как-то летом на даче я ушел с ним в лес за озером и сморенный солнцем прилег на мшистом пригорке. Дэрил нарезал круги вокруг меня, шурша в кустах. Проснулся я через час, и он все так же шуршал рядом. Мы пошли обратно. На плотине какая-то женщина указала на Дэрила маленькой дочке: «Смотри, эта та собачка, которую мы видели, когда шли купаться»... Сбегал, пока я спал, проверить, как дела на озере, и вернулся.

Единственный раз он по-настоящему потерялся, уже будучи в зрелом возрасте. Погнался на даче в зарослях у ручья за ондатрой, переключился, вероятно, затем на бродячую кошку, преследовал ее до шоссе и там потерял — и кошку, и, увы, свой затоптанный обратный след. Мы ждали его на даче до вечера. Потом полночи и весь следующий день объезжали поселок. Потом распечатывали и клеили на столбах объявления со слезной мольбой вернуть потерявшегося Дэрила за вознаграждение. Потом еще полдня ждали звонков. И дождались!

Я помчался по указанному адресу и за калиткой забора увидел спокойно лежавшего на садовой дорожке Дэрила. Рядом стояли плошка с водой и нетронутая миска супа (дома-то его кормили натуральными продуктами). Увидев меня, он радостно взвыл и, отощавший, шатаясь от усталости, приготовился ехать домой. Подобравший Дэрила у продамага на шоссе добрый самаритянин рассказал, что в «Ниву» к нему измученный мокрый пес пошел по первому зову, но, немного поев и напившись там, куда его привезли, улегся перед калиткой в ожидании хозяев, отходя только изредка

по нужде в дальний угол участка. Точно так же до этого, заблудившись, он уверенно потрусил вдоль шоссе до продмага, где уселся и с достоинством стал ждать, пока его заберут. В том, что за ним должны приехать, у Дэрила не было ни малейших сомнений.

Просто удивительно, как подобная психическая устойчивость и философская невозмутимость сочетались в нем с мгновенной возбудимостью, переходящей подчас в жуткие приступы ярости. Помню, везем его в жару на заднем сиденье по ухабистому проселку. Опустили ему стекло, он по грудь высунулся наружу, охлаждаясь потоком встречного воздуха. Вдруг машину подбросило, и Дэрил вывалился на дорогу. Шмякнулся боком, встал, отряхнулся и без звука побежал к остановившейся машине.

Или вот еще случай. В наше отсутствие загорелась проводка. Дэрил был дома один. Мы вернулись, когда напуганные валившим из-под входной двери дымом соседи вызвали пожарных. Те потащили внутрь впереди нас брезентовый шланг, искали по комнатам в клубах дыма источник возгорания, опрокидывая негнушными робами стулья. А Дэрил, как ни в чем не бывало, лавируя между пожарными, бодро выбежал к нам в прихожую и «отличником» уселся у ног.

Но стоило только мне с женой начать ругаться, он втискивался между нами и начинал оглушительно лаять. Если же это не помогало, лай сменялся клопочущим в горле угрожающим рычанием, голова медленно запрокидывалась, глаза наливались бешенством. В такие минуты казалось, он и впрямь может кого-то из нас укусить, чтобы прекратить ссору. Мы предпочитали не пробовать...

Задумчивый флегматик, Дэрил способен был мгновенно взрываться. Встретив в воротах парка, где проходила собачья выставка, достойного представителя своей породы, он вполне миролюбиво обнюхался с ним и уже готов был разминуться, когда, видимо, услышал от него обидное замечание и тут же яростно вцепился ему в круп. Тот в долгу не остался. Еле растащили, благо, обоих вели на поводках.

Всю жизнь Дэрил не переставал удивлять нас. Каждый раз, когда мы приезжали по субботам на дачу, он, соскучившись за неделю со стариками-родителями, вылетал нам навстречу к воротам, а затем, завывая, уносился от избытка чувств обратно, прыгал, припадал на передние лапы и опять подбегал, кидаясь на грудь. Ночью в квартире он спал на коврике у нашей тахты со стороны жены, а в пристроенной на старой дачке спальне, где и кровать-то едва помещалась, все равно протискивался через порог и в неудобной позе приваливался к стеночке, лишь бы рядом.

Однажды я допоздна задержался по делам в Москве. Ночь выдалась холодная, и, приехав, я застал следующую картину. Ирина спала, укрыв-

шись поверх одеяла пледом, а сбоку ее грел, похрапывая, вытянувшийся во всю длину Дэрил. Выкармливавшую и не раз лечившую его Ирину Дэрил, конечно, любил больше всех и со временем даже научился утробно, но довольно разборчиво произносить слово «мама».

Боялся он двух вещей — грозы и коров. На лошадей отчаянно кидался, рискуя получить копытом. Люто ненавидел людей в спецодежде, включая лиц в темных халатах и ватниках (как, впрочем, все породистые собаки), подозревая их в дурных намерениях. Приучить его к защитно-караульной службе было практически невозможно, хотя общий курс дрессировки он прошел со мной на площадке легко и быстро. Дело в том, что блады сами решают, когда слушаться и когда защищать, не терпят принуждения, добровольно же могут творить чудеса. Поэтому работать с ними весьма не просто.

С годами Дэрил научился не просто понимать нас без слов, но, по сути, читать наши мысли, угадывать смену настроения. И — соответствующе реагировать. Это с лихвой искупало все тяготы его квартирного содержания. Он стал в буквальном смысле членом семьи, капризным, балованным и обожаемым. Умению Дэрила непринужденно влезать в душу, очаровывать как людей, так и собак я не раз изумлялся. Возможно, это происходило оттого, что он сам встречал всех с открытой душой. На бульваре здоровенная угрюмая ротвейлерша Биза, не подпускавшая к себе между течками ни одного кобеля, при первом же знакомстве стала с Дэрилом играть, нетерпеливо поджидала его вечерами на прогулке, бурно радовалась, увидев, и свирепо отгоняла всех приближающихся сучек.

Дважды в жизни Дэрил испытал от собак горечь незаслуженной обиды, если не сказать больше. Первый раз со мной на прогулке без поводка он сунулся, было, поздороваться в конце аллеи к грозному мастино, не догадываясь о злобном нраве собак этой неаполитанской породы, которых любили держать для личной охраны боссы каморры. Мастино, слава богу, вели на поводке, и он успел только слегка порвать Дэрке ухо. Ухо зажило довольно быстро, а вот успокоиться наш пес не мог долго, с подскуливанием подходя к нам вечерами за утешением и грустно глядя в глаза.

Другой раз на него из чисто хулиганских побуждений напали у реки два огромных дога, спущенных хозяином с поводков. Силы были явно неравны, хоть Дэрил отбивался, как мог, и мне пришлось пустить в ход палку. Это вызвало неудовольствие с ленцой подоспевшего, наконец, хозяина — сорокалетнего хмыря, похожего на тех, что любят втихаря притравливать своих собак на пьяных в парке. В итоге я сам с ним едва не подрался. Подлое нападение, о котором еще месяц напоминали гноившиеся раны на го-

лове, Дэрька переживал особенно сильно и первые пару дней даже отказывался от еды.

Из-за неправильного прикуса, при идеальном экстерьере и аристократической родословной, мы Дэрила не выставляли и плановых вязок, соответственно, не получали. Внеплановых же не просили, да, откровенно признаться, руки не доходили. За десять лет жизни ему лишь однажды довелось отведать «свободной любви» на дачном выгуле с какой-то приبلудной полуовчаркой.

Чувство вины перед ним мы испытывали и за то, что годами таскали его в пору затяжных невзгод с одной съемной квартиры на другую, где он, правда, быстро обживался, устраиваясь всегда рядом с нашим лежбищем. Для него это было главным, а все бытовые тяготы, непривычная обстановка и теснота не имели существенного значения.

...Он умер ночью, на вздохе, положив голову на край кровати в ногах жены.

Мы, трое, старались не плакать. Завернули тело в старое покрывало, погрузили в машину и повезли хоронить за пятьдесят километров на дачу. Осень только вступала в свои права, земля еще не промерзла. Среди густых кустов за забором выкопали с сыном яму поглубже, опустили в нее завернутый труп Дэрила и зарыли. Насыпали сверху нечто вроде могильного холмика и обложили камнями.

Боль утраты пришла позднее. И уже не покидала нас.

А затем мы нашли Брюса.

2

Маленький, несчастный котенок с немой мольбой о спасении в огромных круглых глазах молча сидел у подъезда дома Ириной сестры. Сидел, очевидно, уже не первые сутки. Кто-то сердобольный поставил ему торчком пустую картонную коробку для защиты от ветра и дождя. Брошенный или потерявшийся, он стоически сидел в ней. Уходя в пятницу на работу, Лена, у которой была своя сибирская кошка, поставила ему блюдечко с молоком и пакетик «вискаса». Вечером, застав его на том же месте, добавила еще.

Утром за Леной заехала Ира, чтобы вместе после зимы съездить на дачу — посмотреть, что и как. И, повинуясь внезапному импульсу, забрала котенка с собой. Покормила на скорую руку, укутала в куртку и положила на заднее сиденье. Всю дорогу до дачи котенок не издал ни звука. И всю обратную дорогу — тоже. Так Ира и внесла его мне сюрпризом в квартиру.

Я встретился с ним взглядом, и слова протеста замерли у меня на устах. Выскочил из своей комнаты сын и восторженно стал трепать его за уши. Жена спустила котенка на пол, и он, обнюхав угол шкафа, уселся столбиком, обернувшись пышным хвостом, как сидел сутки напролет в картонной коробке у подъезда. Так подобранный на улице котенок был принят в семью и получил имя Брюс, в честь Брюса Уиллиса.

Отмытый и обогретый, Брюс обнаружил явные признаки сибирского кота — длинный широкий нос, квадратные щеки с тугими желвачками, вытянутая, а не скругленная, как у всех прочих пород, львиная нижняя челюсть, массивная голова с далеко расставленными остроконечными ушами и крепкий корпус на толстых коротких лапах. И все это в густой коричневато-серо-черной шерсти, образовавшей на мощном хвосте так называемый «подвес». Жена, врач по профессии, сразу обнаружила у котенка тяжелую болезнь внутренних органов — наследство уличных скитаний, и принялась серьезно лечить его таблетками и уколами. Если бы не длительный курс лечения, Брюс наверняка бы умер.

А так он начал постепенно оживать и через несколько суток впервые подал голос. До этого ни разу не мяукал, не мурлыкал, и мы уже забеспокоились. Но зато потом он рот практически не закрывал, «разговаривая» с нами на разные лады, чтобы научить нас понимать его желания и настроения. И мы в общении с ним учились, причем не только этому.

Свое положение любимого члена семьи Брюс утвердил быстро. Как и выбранные им места обитания — в шкафу за вешалками, под кроватью, когда на улице жара, вечерами по-собачьи на ковре в гостиной рядом с диваном, где мы смотрели телевизор, обыкновенно со стороны Ирины. Прекрасно помня, кто его нашел, спас и выходил, кот не спускал с нее глаз, беспрекословно слушался и годами спал с ней под одеялом, тесно прижавшись и высунув большую круглую голову на подушку.

Едва оклемавшись, Брюс дважды в день начал вихрем носиться по квартире для разминки. Он быстро рос и набирал вес, который к трем годам достиг 17 килограммов и уже не менялся — сплошные мышцы, ни капли жира, за кожу не ухватишь. Таковы все «сибиряки», мощные, спокойные, уверенные в себе звери с ярко выраженной индивидуальностью и хорошо сбалансированным характером. Не флегматики, как «британцы», и не холерики, подобно «сиамцам». Очень домашние, но при этом не изнеженные, они во многом остаются природными. Посторонних к себе не подпускают, собак не боятся, на даче сутками гуляют по окрестностям и, проголодавшись, безошибочно возвращаются домой. Часто с охотничьими трофеями.

Когда мы привезли еще не до конца выздоровевшего Брюса на дачу и рискнули выпустить его из машины, он, прижавшись к земле, сначала осторожно обнюхал весеннюю травку, сделал несколько крадущихся шагов и исчез в кустах. До вечера. Вернулся довольный и благодарно терся об ноги.

С тех пор каждое дачное лето мы, скрепя сердце, давали ему свободу. И он ею пользовался по-полной. Нагуливался до изнеможения, на всю квартирную зиму. Приходил грязный, воняющий кошками, нередко весь израненный в жестоких драках с соседскими котами за какую-нибудь блудливую даму сердца, но совершенно счастливый. Вылизывался часами, отъедался и шел, извиняясь, ласкаться к Ирине. Каждое утро обходил дозором сад, бескомпромиссно метил на каждом стволе свою территорию и свирепо гонял с леденящим душу воем чужих котов, если им случилось забрести к нам на участок.

До охоты на мышей и кротов Брюс не опускался. Однако после того, как у нас в доме завелась однажды осенью наглая мышь, шуршавшая по ночам на кухне у помойного ведра, посчитал своим долгом сесть в засаду и утром принес нам на второй этаж в спальню задушенного им грызуна, есть которого, конечно же, не стал — домашнего рациона ему вполне хватало.

Порой его индивидуальность проявлялась самым неожиданным образом. То, обидевшись, он пугал нас, внезапно выскакивая из-за двери в комнату, и с притворной яростью, не выпуская когтей, крепко обхватывал сильными лапами наши щиколотки. То, решив вдруг, что мы без него пропадем, отправлялся с нами в долгие прогулки по полю и трусил больше километра впереди или сзади, а потом только просился на руки. Однако один назад не возвращался.

До Дэрила у нас с Ирой были попеременно две кошки, мы их очень любили, но ничего подобного ни мы к ним, ни они к нам не испытывали. Ирина говорила, что Брюс послан нам в утешение за потерю Дэрила. Позднее на полном серьезе уверяла, что он и есть реинкарнация Дэрила. Под конец его не слишком долгой жизни с нами, а особенно после, я склонен был согласиться с женой. И сегодня не могу описать ту просветленную радость, когда, придя домой в раздрызганных чувствах, прижимал к себе это теплое пушистое создание, отвечавшее нежным мурлыканьем!

Кстати, Ирину Брюс начинал поджидать столбиком в прихожей, едва лишь она садилась в лифт, иногда даже еще раньше. А когда ее не было дома, забивался в платяной шкаф и выходил оттуда только в туалет и поесть.

Оставляя Брюса на даче до следующей субботы со стариками-родителями, мы начинали скучать по нему уже в понедельник. А в отпуске за границей вообще места себе не находили, ежедневно справляясь по телефону о его здоровье. А чего стоил его проникновенный испытующий взгляд, глаза в глаза, прямо в душу, который, вопреки расхожему мнению о кошках и собаках, он никогда первым не отводил.

Разумеется, мы не могли посягнуть на красоту и стать Брюса и отказались кастрировать нашего кота, хотя понимали, на что идем. Возвращаясь осенью с дачи, он пару месяцев еще кое-как терпел, но потом все же начал точно метить углы и портьеры в спальне, обозначая запретную для других котов зону вокруг кровати хозяйки, принадлежавшей одному ему. С этим ничего нельзя было поделать, не помогали ни наказания, ни патентованные распылители. Однажды он пометил неосмотрительно оставленную Ириной в прихожей сумку, послав тем самым строгое предупреждение всем возможным соперникам.

Мы утешались сознанием того, что Брюс до конца дней сохранил живость, остроту реакций и пылкость чувств, не превратившись под воздействием операции в вялого раздавшегося домашнего кота с равнодушным взглядом и отвисшей пашиной. И — терпели едкий, неистребимый запах, как терпели повсюду его не аллергенную, слава богу, шерсть (такая только у сибирских кошек), а также ободранные углы дорогого кожаного дивана, хотя Брюсу была куплена роскошная когтедралка.

К одиннадцати годам он начал немного подволакивать заднюю лапу (последствие перенесенных в раннем детстве болезней), меньше играть с мячиком и резиновой мышкой, но ежеутренний обход дачного участка совершал неукоснительно, несмотря на то, что сражаться за территорию с молодыми бродячими задирами ему становилось все труднее. Брюс по-прежнему сутками напролет бесстрашно искал мужских приключений, и я в душе завидовал его мужеству и упорству.

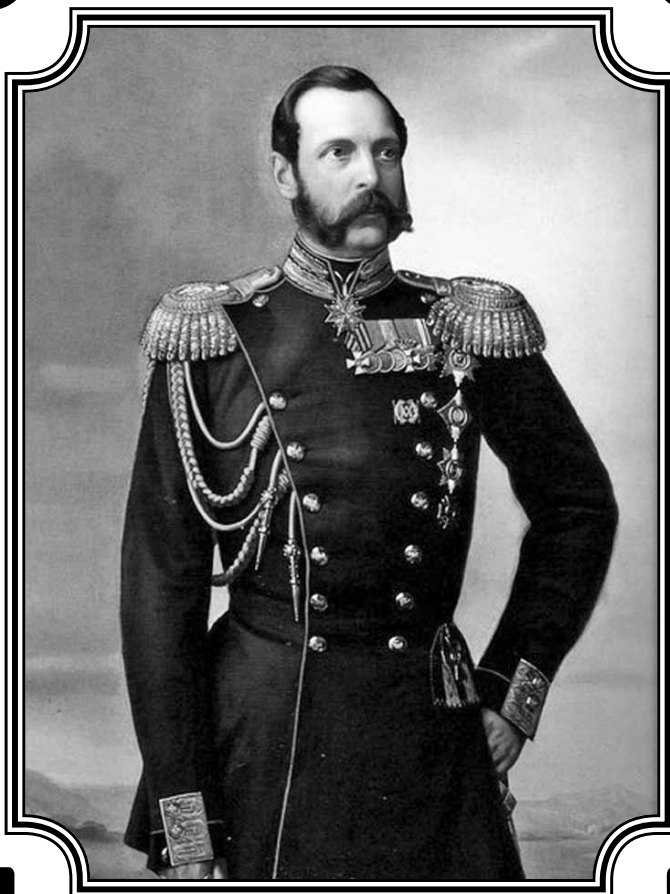
Теперь он все чаще возвращался под утро весь израненный, однажды — с разорванным чуть ли не до костей плечом. Ирина, как могла, лечила и перевязывала ему раны. Брюс, глубоко опечаленный, жадно пил воду, не притрагивался к еде, сторонился ласки, уходил на террасу и подолгу лежал там, глядя в сад. Думали, было, перестать выпускать его из дома, однако поняли, что от этого нашему коту, который всю жизнь привык гулять летом на свободе, станет только хуже. А, может, и стоило не выпускать...

Субботним вечером в начале августа Брюс, как обычно, ушел. И — не вернулся.

Гадать о том, что с ним произошло, мы себе запретили. □

«КРАСНЫЕ САПОГИ»

для царя

Саша Романов был самым обыкновенным русским мальчиком, и в то же время он был мальчиком самым, что ни на есть, необыкновенным — с семи лет от роду Саша стал наследником русского престола. В шесть утра мальчик поднимался со спар-

танской железной койки, чтобы овладеть премудростью, накопленной человечеством в течение сотен лет. Он был умным, старательным, целеустремленным, в меру талантливый, в меру честолюбивым. Блестяще фехтовал и держался в седле, в со-

вершенстве владел европейскими языками. И все же, при всех его достоинствах, было в нем что-то такое, что еще мудрый педагог Карл Карлович Мердер называл «недостатком железа».

ский язык, были педагогами от рождения и блестящими психологами. Намереваясь разбудить в честолюбивом мальчике дух соревнования, они подобрали ему двух товарищей, которых поселили вместе с ним в

В

год своего двадцатилетия наследник отправился в долгое заграничное путешествие. Европейские страны сменялись, как причудливые картинки калейдоскопа. Но судьбоносным для него стало посещение провинциального Дармштадта. Именно там произошло знакомство Александра с пятнадцатилетней принцессой Марией, в результате чего ей пришлось сменить и место жизни, и вероисповедание

Он был удивительно живым, впечатлительным и человечным, невероятно чувствительным к чужому горю, не слишком решительным, а иногда даже взрывным и плаксивым. Нет-нет, мальчик вовсе не был безвольным и слабохарактерным. В нем было что-то своевольное, упрямое, непреклонное. Был он как та травинка, которая не клонится под ветром, а постоянно выпрямляется. К тому же не слишком уважал дисциплину и всегда страдал от отсутствия свободы — то и дело норовил отстегнуть тугую пуговку мундира на шее...

Военный наставник Мердер и Василий Андреевич Жуковский, преподававший великому князю рус-

Зимнем дворце — всесторонне развитого и необычайно способного Иосифа Виельгорского и славного тугодума и флегматика Александра Паткуля. Саше откровенно не нравилось, что Оленька (а именно так величали Иосифа Виельгорского в семье) учится куда лучше, чем он, наследник престола, что предметы даются ему без особого труда, в то время как ему самому приходилось всегда что-то преодолевать.

Мердер предполагал, что честолюбивый наследник под влиянием неоспоримых успехов Виельгорского и сам начнет добиваться больших успехов. В чем-то он был прав, но в чем-то прогадал. Те похвалы от наставников, которые получал Олень-

ка, ранили Сашу, как острый нож. Ни в одной сфере деятельности не мог достичь наследник таких результатов, как талантливый Виельгорский. С туповатым Паткулем Саша быстро подружился, даже скупал, когда его не было рядом, а вот Отя часто вызывал у него озлобление и зависть.

Постоянное соперничество с Иосифом изводило Александра. И как унижительно было ему видеть, что сам папенька по вечерам награждал Отьку символическими наградами за высокие баллы, например, правом на благотворительный поступок, а сам Саша удостоивался только дежурного поклона императорской головы. Этот взгляд — тяжелый, пронизывающий, давящий, гнетущий — преследовал Сашу до конца жизни, и он всегда чувствовал себя маленьким мальчиком, не подготовившим своего урока.

«Папá разочаровался во мне, — часто думал он по ночам. — Но как мне вернуть уважение папá? Почему все, что я делаю, получается хуже, чем у Отьки?»

Однако эта напряженность закончилась раз и навсегда. Повзрослевший Саша неожиданно пришел к выводу, что знания как таковые — еще не самое главное, что должно быть у человека. Главным, по его мнению, должна быть всепоглощающая Любовь, та самая «религия сердца», о которой так часто напоминал ему поэт Василий Андреевич Жуковский. Именно о ней говорил

апостол Павел, обращаясь к невежественным коринфянам: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

Николаю Павловичу не нравился впечатлительный характер сына. Он опасался, что Саша не сможет удержать Россию в кулаке, и тогда падут вековые устои, мужики сначала перестанут снимать шапки перед барином, потом будут прилюдно высказывать свое мнение, а, в конце концов, возьмут в руки топоры и

Александр II

начнут все крушить — и царский дворец в первую очередь.

В год своего двадцатилетия наследник отправился в долгое заграничное путешествие. Европейские страны сменялись, как причудливые картинки калейдоскопа. Но совершенно особенным и судьбоносным было для него посещение провинциального Дармштадта. Там-то и произошло знакомство Александра Николаевича с пятнадцатилетней принцессой Марией. Маленькая, субтильная девушка, очень скромно одетая, как-то вяло, как будто по принуждению, ела кислые, незрелые вишни и сплевывала косточки в длинную узкую ладошку. Казалось, ей было все равно, какое впечатление она окажет на наследника. Именно эти косточки и решили судь-

Мария Александровна

бу скромной и самоуглубленной девочки, явились причиной того, что ей пришлось изменить и место жизни, и вероисповедание.

Конечно, скромная принцесса и представить себе не могла, сколько счастья она обретет в дальнейшем благодаря этой неожиданной встрече. Но еще в большей степени не могла она себе вообразить, сколько горя ей принесет этот милый, добрый, мягкий юноша, вчерашний мальчик, совершенно не похожий на будущего императора. Помыслы у великого князя были самые чистые. «Единственное мое желание, — писал он в дневнике, — обрести достойную подругу, которая бы украсила мой семейный очаг и доставила высшее счастье на земле — счастье супруга и отца».

Николай Павлович, отличавшийся твердым, своевольным и подчас непредсказуемым нравом, не только положительно отнесся к выбору сына, но начал оказывать его избран-

вушка на все имела свое мнение. Искренне полюбив Александра, немецкая принцесса со всею пылкостью своего романтического лютеранского сердца поверила в вечность

К

а́тя чем-то напоминала дармштадскую принцессу Марию. Она была очень проста в поведении и совсем не соблюдала придворный этикет. Все эти годы после первой встречи с Александром она каждый день вспоминала его, а иногда видела в стенах Смольного института, который государь частенько посещал. Именно тогда и началась история их любви, которая длилась долгие годы

нице глубокое, чуть ли не отцовское внимание. Любвеобильным Романовым вообще очень нравились тихие, покладистые немецкие девушки лютеранского вероисповедания. Романтичные и в то же время трезво мыслящие, воспитанные в пуританских традициях, они не смели лезть в чужой монастырь со своим уставом, подчинялись во всем своим царственным избранникам и смотрели сквозь пальцы на их любовные приключения.

Однако он так и не смог увидеть в будущей невестке сильный и непокорный характер. Дармштадская принцесса Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария вовсе не была гуттаперчевой куклой. Она не хотела и не могла быть игрушкой. Скромная и самоуглубленная де-

его любви. Любя и уважая его, она надеялась и на ответные любовь и уважение. Однако принцесса плохо знала семейство Романовых. А Россию она не знала вообще.

Пожалуй, ни для кого из русских императоров личная, частная жизнь не имела такого колоссального значения, какое она имела для Александра Николаевича. О влюбчивости его ходили легенды. И вот что удивительно — во всех любовных историях Александра II не было ничего низкого и скабрешного. Он был блестяще воспитан, мягок и элегантен, никогда не пользовался положением императора для достижения своих целей и совсем не был похож на Казанову или Дон Жуана. Бесконечные платонические и неплатонические романы с фрейлинами не мешали

ему любить свою избранницу. Первые десять лет брака он точно был безумно счастлив. А потом началось постепенное охлаждение, связанное с неизлечимой болезнью Марии Александровны, получившей бурное развитие на холодных и промозглых невских берегах... Чахотка в то время была смертным приговором, и пребывание императрицы на европейских курортах только оттягивало неизбежный конец.

Сам быт русских императоров складывался так, что не могло быть ни одного события в их жизни, которое не стало бы известно наблюдательному и любопытному двору. Однажды придворные заговорили о новом увлечении Александра Николаевича, причем заговорили совсем не так, как говорят обычно.

У русского императора появилась новая любовь, и, похоже, любовь настоящая.

У большой любви всегда бывают предвестники. Вот и у этой любви была первая, казалось бы, совсем незначущая встреча, состоявшаяся в Малороссии, в никому не известной Тепловке. Именно там, в окрестностях Полтавы, проходили маневры, куда прибыл император. Он сидел на крытой веранде, когда увидел маленькую девочку, пробежавшую мимо. Самая, казалось бы, обычная девочка, и в то же время было в ней что-то очень необычное, забавное и смешное.

— Как тебя зовут, крошка? — любопытствовал государь.

— Екатерина Михайловна, — гордо ответила девчушка.

— А что ты тут делаешь?

— Я хочу видеть императора, — важно сообщила она. — Вы не знаете, где он может быть?

Александр Николаевич рассмеялся. Узнав правду, девчушка совсем не растерялась, а стала задавать государю смешные детские вопросы, рассказала ему о своей жизни, показала красивый и тенистый парк. Пребывание в Тепловке надолго запомнилось государю. Когда отец Кати полностью разорился, а потом и умер, император лично расплатился с кредиторами и устроил всех детей Михаила Долгорукого: сыновей — в столичные военные училища, дочек — в Смольный институт.

Катя чем-то напоминала дармштадскую принцессу Марию. Она была очень проста в поведении и совсем не соблюдала придворный этикет. Это простое, домашнее общение много значило для Александра Николаевича. Однажды государь случайно увидел Катю в Летнем саду и не сразу узнал ее. Девушка напомнила ему встречу в Тепловке и их забавную беседу, со времени которой прошло уже более шести лет. Все эти годы она вспоминала его каждый день, а подчас и видела в стенах Смольного института, который государь частенько посещал. Именно в этот день и началась история их любви, которая длилась долгие годы.

Они стали встречаться и гулять вместе — блуждать без охраны среди зарослей Елагина острова, по темным аллеям Петергофа. В шестидесятые годы позапрошлого века это было обычным делом. Хотя... в жизни Александра Николаевича все было необычно. Две планеты оказывали на государя особое влияние. Кроме того, что необычайно притягивала его Венера, очень сильное влияние оказывал и мрачный, малоизвестный в ту пору Плутон — самая холодная и отдаленная от солнца планета. Влияние Плутона на царя было особенным, и никакая Венера, никакой Марс не шли с этим влиянием ни в какое сравнение. Роль самой страшной, самой ми-

*Александр II
с семьей*

стической из планет в жизни государя Катенька осознала, когда была еще молоденькой девушкой, и почему-то именно этот факт так привязал ее к нему.

А случилось ужасное. После одной из прогулок в Летнем саду, когда они уже попрощались, государь вышел за ворота, и в этот момент к нему подскочил какой-то юноша и неожиданно выхватил револьвер. Находившийся поблизости костромской крестьянин Осип Комиссаров бросился к террористу и ударил его по руке снизу вверх. Раздался выстрел.

«Ребята, я за вас стрелял!» — истерически закричал несостоявшийся убийца Иван Каракозов. Однако зеваки, толпящиеся возле царского

экипажа, безмолвствовали. На звук выстрела и крики к воротам Летнего сада потянулись гуляющие. Вскоре и Катенька узнала от случайных прохожих, что в царя стреляли. В этот момент она отчетливо осознала, насколько хрупка человеческая жизнь, как не защищен ее Саша, и насколько все-таки злы и неблагодарны люди, которые могут стрелять в этого самого лучшего на земле человека и самого доброго из русских царей, отпустившего недавно крестьян на волю. В тот же вечер она записала в своем дневнике: «Этот день еще сильнее привязал меня к нему; я думала лишь о нем и хотела выразить ему свою радость». Именно в этот момент она и решила полностью посвятить себя этому человеку.

Так вот непросто складывались отношения этих людей — сорокасемилетнего императора, стройного и подтянутого, находящегося на пике своей зрелости, и восемнадцатилетней девушки-смолянки. На характер этих отношений, в особенности на первых порах, большое влияние оказало и длительное пребывание Катеньки в Смольном.

Институт благородных девиц воспитывал вовсе не «кисейных барышень». Девушки жили в спартанских условиях, спали на железных койках, подчинялись чуть ли не военному расписанию занятий, которые не давали воспитанницам ни на минуту отдохнуть и расслабиться. Казарма для девушек? И да, и нет.

*С Катей
и детьми*

Особое внимание уделялось в Смольном воспитанию нравственному. Поэтому, согласно подобному воспитанию, романтические блуждания в кустах Елагина острова и Петергофа со зрелым мужчиной, пусть и русским императором, никак не связанные с дальнейшим замужеством, не могли делать чести выпускнице Смольного. Нравственность и репутация девушки были превыше всего, и даже если сам государь влюбился в нее, это совершенно ничего не меняло, к тому же он был женат. Родня Катеньки давно была недовольна этими отношениями, сплетни о которых все разрастались и разрастались. Брат Екатерины и его супруга решили покончить с этим раз и навсегда. По их планам, девушка должна была срочно покинуть Россию.

Император Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Государь Псковский и великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский, и прочая, и прочая и прочая не мог препятствовать решению брата Катеньки Михаила и его жены Луизы. Однако это решение и явилось основной причиной того, что в одном из павильонов Петергофа Александр и Екатерина, наконец, обрели друг друга как мужчина и женщина. Катя писала об этом исключительно нежно, деликатно и проникновенно, проявляя свойственную ей чуткость: «Я отдала ему с радостью

Екатерина Долгорукая

ту единственную связь, которой нам еще недоставало, и которая при таком обожании была счастьем».

Не проходило ни одного дня, чтобы император не написал бы своей Кате, а Катя не ответила бы ему. Александр Николаевич только и думал о том, как бы поскорее встретиться с возлюбленной. И вот, наконец, такой случай представился. Французский император Наполеон III пригласил его в Париж, на Всемирную выставку. Никто из ближайшего окружения императора не мог понять, почему Александр так стремится туда.

В первый же вечер, оказавшись в Париже, царь поспешил на свидание к Екатерине. Он искренне

считал, что эти отношения останутся тайной для всей русской делегации. Конечно, ему только казалось, что он, положив в карман изрядную сумму денег, которую ему с недоумением выдал хитрый и расчетливый министр двора граф Адлерберг, и наняв извозчика, был совсем один под покровом парижской ночи. Местная полиция так умело охраняла русского императора, что он даже не заметил ее присутствия. Начиная с той ночи, каждый вечер своего пребывания в Париже он встречался с Катей.

Спустя несколько дней состоялось еще одно незабываемое событие в жизни русского царя — на его жизнь покусились во второй раз. В Булонском лесу, во время выезда

— Если это был итальянец — то в меня, — улыбаясь, ответил царственный француз. — А если поляк, то, я думаю, что в вас.

И действительно — террористом оказался самолюбивый и тщеславный поляк Антон Березовский, до безумия ненавидевший всех русских и особенно русского самодержца, который казался ему источником вселенского зла.

История жизни этого человека не была особенно интересной. Сын бедного шляхтича, учителя музыки, он работал слесарем и не вылезал из нищеты. Известно, что когда человеку нечем гордиться, он часто начинает гордиться своей национальностью. Таким был и Березовский. Судьба горе-революционера

В

Париже состоялась самая мистическая из всех мистических встреч Александра. Черноглазая темпераментная цыганка нагадала царю, что он умрет в результате седьмого покушения по сигналу белокурой женщины с белым платком, и смерть его непременно будет в «красных сапогах». Это предсказание не давало Александру покоя до конца его жизни

с ипподрома Лоншан с французским императором Наполеоном III, Александр Николаевич услышал громкий выстрел. Была ранена лошадь.

— В кого стреляли? — спросил он у французского императора.

оказалась весьма печальной — он был сослан французским императором на пожизненную каторгу в Новую Каледонию, далекую тихоокеанскую французскую колонию, где и закончил свой жизненный путь.

Александр Николаевич, как многие романтики, был особенно склонен к мистике. Вот уже два покушения совершено на него, и всегда рядом с ним его возлюбленная. Может быть, это не просто случайность?

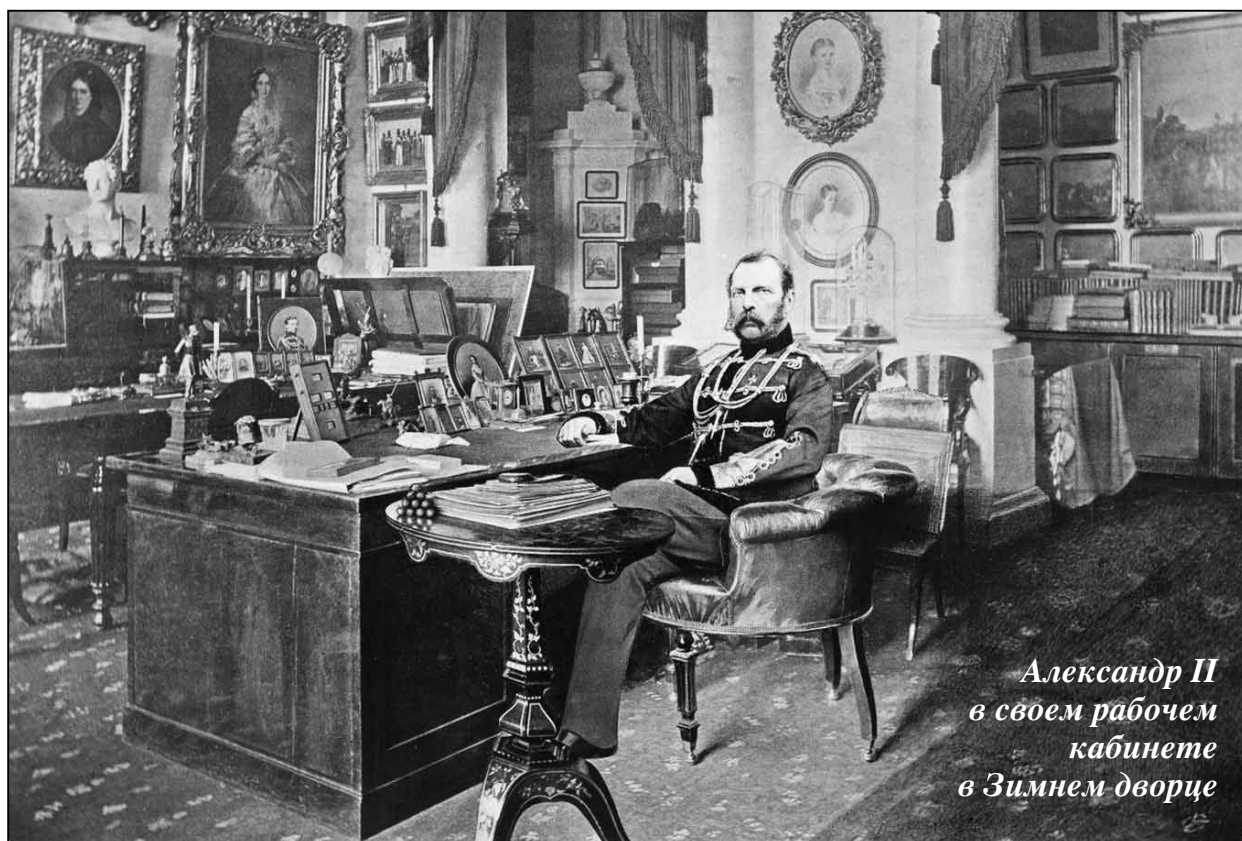
Там, в Париже, и состоялась самая мистическая из всех мистических встреч Александра. Он забыл, как звали ту черноглазую цыганку, они общались очень мало. Женщина нагадала царю, что он умрет в результате седьмого покушения по сигналу белокурой женщины с большим белым платком, и смерть его непременно будет в «красных сапогах».

«Смерть в красных сапогах». Это словосочетание не давало покоя императору до конца жизни. Понятно, что смерть — это всего лишь аб-

стракция. Ее изображают беззубой, старой, отвратительной, с седыми неприбранными волосами, иногда в балахоне, иногда в лохмотьях, иногда с косой в руках. Но смерть в красных сапогах — что это? Тем более что смерть все-таки женщина, а женщины в сапогах ходят очень редко.

— Ну почему же женщина, Саша, — возразила ему как-то Катя во время одной из прогулок. — Вот по-немецки, например, мы говорим «der Tod», следовательно, смерть может быть и мужчиной.

Одно время Александр Николаевич настойчиво спрашивал своих приближенных — кто в России ходит в красных сапогах? Ответы были разными. Большинство опрошенных свидетельствовали, что са-

*Александр II
в своем рабочем
кабинете
в Зимнем дворце*

поги обычно бывают черного цвета. И тогда император подумал о том, что есть в этом какая-то скрытая символика. Кровь, ранение ног? Возможно. Наверное, будут стрелять в ноги.

— Это невозможно, Саша, — сказала Екатерина. — Ты замучил

Человеку здравомыслящему такой выбор места для свиданий мог бы показаться безумием. Но не таким был Александр Николаевич. Он не собирался прятаться ни от кого. Он любил, и чувство переполняло его. Несколько раз в неделю Катюша тайно проникала во дворец, собствен-

*Покушение
на Александра II*

себя, а я замучила тебя. И вообще, я заметила, что эти покушения начались с того самого дня, как мы начали встречаться.

— Так и должно быть, — ответил император. — Если Бог что-то даст, то он обязательно что-то и отбирает.

По возвращении в Петербург влюбленные должны были найти место для встреч. Это место было определено Александром моментально. Им оказался ...Зимний дворец.

ным ключиком открывала дверь и попадала в покои возлюбленного.

Ничего подобного никогда еще не творилось в стенах Зимнего. Романовы были пылки и влюбчивы, стены барочного шедевра великого Растрелли хранили многие любовные тайны, но чтобы регулярно встречать возлюбленную в доме, где живет тяжело больная, умирающая жена... На такое решился только Александр Николаевич.

После того как Катя родила ему сына Георгия, а потом дочерей Оль-

гу и Екатерину, государь осмелился поселить их в собственном доме.

А между тем пророчества парижской цыганки продолжали сбываться с пугающей точностью. В апреле 1879 года, в «чистый» понедельник, член революционной организации «Земля и воля» Александр Соловьев пять раз стрелял в Александра Николаевича. Император каким-то чудом уцелел, террориста казнили, но не было пока ни белокурой женщи-

всегда. Выбор пал на взрывные устройства, обладающие куда большей мощностью и площадью воздействия.

В этот раз террористы надеялись взорвать императорский поезд на пути между Петербургом и Крымом. Та белокурая стерва, о которой вещала парижская гадалка, была прекрасно осведомлена, что первым будет двигаться грузовой поезд, и только вторым — поезд с императором.

Ч

Через два месяца после похорон супруги Александр сочетался браком с Екатериной Долгорукой. Самый скромный, самый незаметный в истории династии Романовых обряд венчания состоялся в Царскосельском дворце у не приметного алтаря походной церкви. После окончания обряда царь произнес: «Четырнадцать лет я ждал этого дня и боюсь своего счастья. Только бы Бог не лишил меня его слишком рано...»

ны, не белого платка, ни самой «смерти в красных сапогах»!

В этом как раз и заключалась жестокая, умопомрачительная, топорная мистика — перерывы между покушениями становились все короче. Летом того же года, как Минерва из головы Юпитера, из «Земли и воли» родилась террористическая группировка «Народная воля» и сразу же объявила беспощадную войну «кустарщине и дилетантизму».

Стрелковое оружие как средство террора было отменено раз и на-

Однако неожиданно грузовой сломался, и первым как раз отправился царский состав. В результате террористы взорвали именно грузовой...

А белокурой убийцей была юная террористка Софья Львовна Перовская, дочь петербургского губернатора. После неудавшегося подрыва поезда она разведала, что в Зимнем ремонтируется винный погреб, расположенный прямо под императорской столовой. И вскоре во дворце появился новый столяр, начитавшийся книг вятский

крестьянин — народоволец Степан Халтурин.

Этот целеустремленный юноша ежедневно носил в погреб динамит. Вечером 17 февраля 1880 года в Зимнем планировался торжественный ужин в честь принца Гессенского. Однако поезд принца опоздал на полчаса, и ужин перенесли на более позднее время, о чем Перовская, естественно, не могла знать. В результате страшный, умопомрачительный взрыв унес десять жизней ни в чем не повинных солдат, более восьмидесяти человек были тяжело ранены и контужены, но русский царь, «вечная живая мишень» заговорщиков, вновь остался невредим.

Тогда-то он и понял — осталось еще два покушения...

В ночь со 2 на 3 июня 1880 года несчастная императрица Мария Александровна тихо скончалась в собственных покоях Зимнего дворца. Эта смерть должна была разрешить двусмысленное положение Кати при дворе.

Спустя всего лишь два месяца после похорон законной супруги, не соизволив даже соблюсти приличное время траура, Александр Николаевич сочетался законным, хотя и морганатическим браком с Екатериной Михайловной Долгорукой.

Самый скромный, самый незаметный в истории династии Романовых обряд венчания состоялся в Царскосельском дворце, у неприемного алтаря походной церкви, в темной комнатке на первом этаже. В этот день царь произнес: «Четыр-

надцать лет я ждал этого дня и боюсь своего счастья. Только бы Бог не лишил меня его слишком рано».

Почти всех мужчин императорского двора, кроме наследника, Екатерина Михайловна сумела расположить к себе. Однако дамы, и особенно жена будущего Александра III, датская принцесса Дагмара, воспылали к ней лютой, чуть ли не животной ненавистью. Дагмара давно уже видела себя русской императрицей и терпеть другую императрицу, тем более не принадлежащую изначально к императорскому дому, возле себя никак не желала.

А белокурая женщина в это время все чаще и чаще смотрела на стрелки своих страшных часов.

1 марта 1881 года под колеса кареты императора была брошена бомба. Александр Николаевич почти не испугался. Он понимал — это всего лишь очередное, шестое покушение, и поэтому смело вышел из кареты. Царь очень хотел увидеть террориста. Такое жгучее желание возникло у него после каждого покушения, и от каждого убийцы он хотел услышать ясный, членораздельный ответ на вопрос: «Зачем?»

И тут он увидел ее совсем близко. Это была она, белокурая женщина с большим белым платком. Она махнула им, и из толпы внезапно выскочил еще один террорист с нелепым свертком в руках и бросил этот сверток под ноги царю. Император и его убийца, народоволец Игнатий Гриневицкий, смертельно раненные, упали в рыхлый мартовский снег.

Правая нога у царя была полностью оторвана, левая раздроблена и почти отделилась от туловища. Тут-то он и вспомнил загадочные слова цыганки про «смерть в красных сапогах».

Когда Александра привезли в Зимний, он был еще жив. Увы, приехавшие хирурги напрасно пытались остановить кровотечение. Государь слабел с каждой минутой.

— *Der Tod in roten Stiefeln*, — проговорил он в бреду, и тяжелые веки его закрылись навсегда.

Император Александр III сделал все для того, чтобы выжить Екате-

рину Михайловну из Зимнего дворца. Панически опасаясь покушений, он поселился в Гатчине, подальше от Петербурга, а в Зимнем дворце, якобы ради экономии средств, повелел отключить отопление.

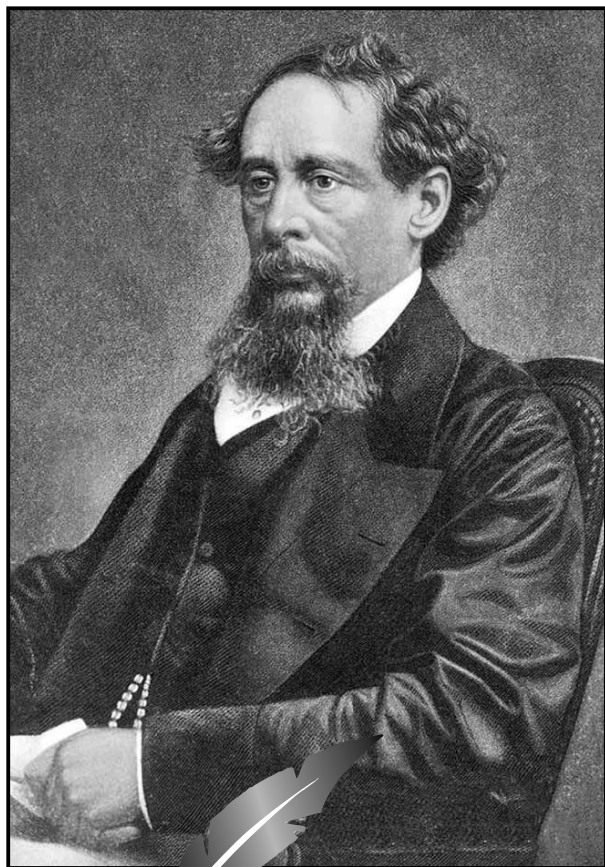
Не в силах преодолеть неприязнь со стороны молодого самодержца, через год после смерти своего возлюбленного Долгорукая вместе с детьми навсегда уехала за границу.

Умерла она в далекой Ницце, в год возникновения нового, неизвестного раньше мировой истории государства — Советского Союза. □

Великий Алла Зубкова и неподражаемый

Интерес к творчеству этого писателя с годами не иссякает. Тиражи его произведений по-прежнему огромны. По его романам снимаются фильмы, телеспектакли и даже мюзиклы. После Шекспира он признан вторым по силе воображения писателем в английской литературе. Его учениками считали себя такие разные писатели, как Достоевский, Кафка, Фолкнер, Пруст.

Слава пришла к Чарльзу Диккенсу в 24 года и не покидала его до последнего часа. Он не страдал от недостатка самомнения и называл себя, пусть и с известной долей иронии, «неподражаемым». Характер его был соткан из парадоксов. Он мог быть безудержно добрым и столь же неумеренно нетерпимым даже с близкими и друзьями. Человек безупречного литературного вкуса, он повергал современников в ужас покровом и сочетанием цветов в своей одежде. Он, певец и оплот семейного очага, расстался с женой после двадцати с лишним лет совместной жизни и сделал свой семейный скандал достоянием общности. Женские образы вообще не очень-то удавались ему. Но куда хуже было то, что он и в жизни плохо понимал слабый пол и совершал неверный выбор. За это великому писателю пришлось дорого поплатиться.

Чарльз Диккенс родился 7 февраля 1812 года в Портсмуте, в семье мелкого чиновника морского ведомства. Джон Диккенс был человеком добрым и порядочным, но в то же время довольно безалаберным и беспечным. Стремление жить не по средствам в сочетании с пристрастием

к хорошему джину и виски заставляло его делать долги, и это до поры до времени сходило ему с рук. Мать будущего писателя также не обладала достаточной практичностью в житейских делах.

Обстоятельства службы требовали от Джона Диккенса частых переездов. В 1814 году семья переселилась в Лондон, а тремя годами позже в небольшой городок Чатэм. Годы, проведенные там, стали самым счастливым временем детства будущего писателя. Чарльз был довольно болезненным ребенком, его часто мучили желудочные колики, и потому он редко играл с другими детьми. Но нрав у него был открытый и жизнерадостный. Он обожал прогулки с отцом по улицам Чатэма, посещение таверн и пабов, где, водруженный на стол, он пел комические песенки или декламировал стихи. Отец кроме поэзии любил и театр, и под его влиянием Чарльз пристрастился к театральным представлениям. Затаив дыхание, смотрел он в королевском театре Рочестера трагедии Шекспира.

Читать и писать мальчик научился у матери. Она же учила его латыни. Впрочем, регулярно заниматься с ним она не могла — отвлекали заботы об очередном новорожденном. В общей сложности миссис Диккенс произвела на свет восьмерых детей, правда, двое из них умерли в младенчестве. Чарльз коротал время за книгами. Он с наслаждением читал Смоллета, Филдинга, Голдсмита, сказки «Тысяча и одна ночь». Но

больше всего ему нравились «Дон Кихот» Сервантеса и «Робинзон Крузо» Дефо. С большой охотой он начал посещать начальную школу.

Увы, золотым дням в Чатэме вскоре суждено было закончиться. В 1823 году семья переехала в Лондон. Джон Диккенс, «забывший» расплатиться с большинством своих чатэмских кредиторов, поначалу чувствовал себя в столице, как рыба в воде. Однако постепенно положение семьи стало ухудшаться. Жалования катастрофически не хватало. А когда возвращения долгов требовали не только старые чатэмские кредиторы, но и новые лондонские, перед Джоном явственно замаячили зловещие очертания стен долговой тюрьмы. Вскоре он действительно был заключен в печально известную тюрьму Маршелси, а через полгода к нему, забрав всех детей, кроме Чарльза, переселилась и миссис Диккенс, ибо закон допускал, чтобы семья заключенного за неуплату долгов могла находиться вместе с ним — таким образом экономились расходы на жилье. Двенадцатилетний Чарльз, до этого метавшийся по Лондону в попытках распродать или сдать в ломбард оставшееся имущество, теперь обитал в жалкой каморке в Кэмден-Тауне. Чтобы заработать себе на жизнь, с раннего утра до позднего вечера он, изнемогая от усталости, трудился на фабрике по производству ваксы, запечатывая на складе банки с готовой продукцией. Шесть месяцев на фабрике были временем

остроумие и выдумки. Он строчил статьи в выпускаемую им школьную газету, был душой любительских спектаклей, для которых сам писал пьесы в стихах и прозе. В пятнадцать лет он окончил школу. Ни о каком колледже мечтать не приходилось, нужно было работать и помогать семье. Сначала Чарльз получил место рассыльного в одной из юридических контор, потом — клерка, а затем, в совершенстве овладев стенографией, стал судебным репортером. Запас жизненных впечатлений, полученных им за эти три года, позднее очень пригодился ему. Каждое заседание суда было своего рода спекта-

---

Сказать, что в девятнадцать лет Чарльз был мил, значит, ничего не сказать. Он был ослепителен, обладал невероятным обаянием, отличался какой-то необыкновенной, почти девичьей красотой и обожал «пускать пыль в глаза». Но при этом ни один молодой человек не мог похвастаться более твердой волей

позора и страданий, Чарльз чувствовал себя униженным, покинутым, лишенным всякой надежды. До конца жизни он не мог забыть этого унижения.

Небольшое наследство, полученное после смерти матери Джона Дикенса, спасло семью. Долги были уплачены. Отец забрал Чарльза с фабрики и определил в частную школу, где он проучился более двух лет. Это были, несомненно, счастливые годы. Чарльз учился с упоением. Его любили за веселый и приветливый нрав, за

клем, сценой, на которой разыгрывалась драма или комедия. Однако как раз в эти годы он начинает мечтать о другой сцене, настоящей, ярко освещенной огнями рампы. И он не только мечтал об актерской карьере, но готовился к ней, брал уроки у актера-профессионала, обучавшего его искусству говорить и держаться на сцене. Наконец Чарльз обратился в театр «Ковент-Гарден» с просьбой устроить ему прослушивание, однако в назначенный день он серьезно заболел и не смог явиться в театр,

а к началу нового сезона стал уже преуспевающим парламентским репортером, так что с мыслями о театральной карьере пришлось распрощаться. Теперь Чарльз был полон честолюбивых планов преуспеть в жизни. У него были для этого веские причины — молодой человек не на шутку влюбился. Ее звали Мария, Мария Биднелл. Она была дочерью директора довольно крупного банка. Поклонение молодого человека льстило Марии, но, разумеется, у нее и в мыслях не было стать женой захудалого стенографиста. Другое дело, проводить с ним время, кокетничать, сводя с ума своим непостоянством. Сказать, что в девятнадцать лет Чарльз был мил, значит, ничего не сказать. Он был ослепителен, обладал невероятным обаянием, отличался какой-то необыкновенной, почти девичьей красотой и обожал пускать пыль в глаза. Но при этом испытания, перенесенные в детстве, не прошли для него даром, и ни один молодой человек не мог похвастаться более твердой волей. Увы, родители Марии не сумели по достоинству оценить молодого человека, и Чарльзу, в конце концов, было вежливо указано на дверь. Им еще суждено будет встретиться, и спустя много лет Диккенс напишет Марии: «Для меня совершенно очевидно, что пробивать себе дорогу из нищеты и безвестности я начал с одной неотступной мысли — о Вас». Чувство к ней он сохранит в своем сердце на долгие годы, и увековечит ее в галерее женских портретов, са-

мых прелестных и самых беспощадных в английской литературе.

Отвергнутый Марией Биднелл, Диккенс почувствовал настоящую потребность забыть об этом и занять свою голову чем-то полезным для себя. Он обладал неумемной энергией и вскоре уже имел солидный побочный заработок, печатаясь в нескольких газетах и журналах. Летом 1834 года внимание читателей привлекли блестящие очерки и рассказы некоего автора, писавшего под псевдонимом «Боз». В среде журналистов очень скоро стало известно, что репортер Чарльз Диккенс и есть «тот самый Боз», автор нашумевших скетчей. Начиная писатель в качестве псевдонима взял прозвище своего младшего брата. А затем... Затем Диккенсу было предложено написать текст к серии рисунков, изображающих похождения группы джентльменов, отравившихся попутешествовать, поохотиться, поудить рыбу и из-за собственной нерасторопности попадающих во всяческие переделки. Приключения должны были выходить частями, ежемесячно, причем тексту отводилась второстепенная роль. Диккенсу, однако, удалось убедить издателей, что в задуманной серии решающее слово должно принадлежать автору текста — от этого выиграет весь проект. И он оказался прав. Новый роман «Записки Пиквикского клуба» буквально покорила Англию. Если первая его часть была напечатана всего в четырехстах экземплярах, то уже с пятого

выпуска тираж стал расти с головокружительной быстротой, достигнув сорока тысяч экземпляров в месяц. К осени 1836 года Пиквик пользовался в Англии большей популярностью, чем премьер-министр. Появились «пиквикские» шляпы, пальто, трости, сигары. Именами героев называли любимых питомцев — собак и кошек. Чарльз получил за роман раз в десять меньше, чем издатели, и все-таки его доля была весьма значительна. Теперь он мог не только взять на свое обеспечение родителей, братьев, сестер, но даже ... жениться.

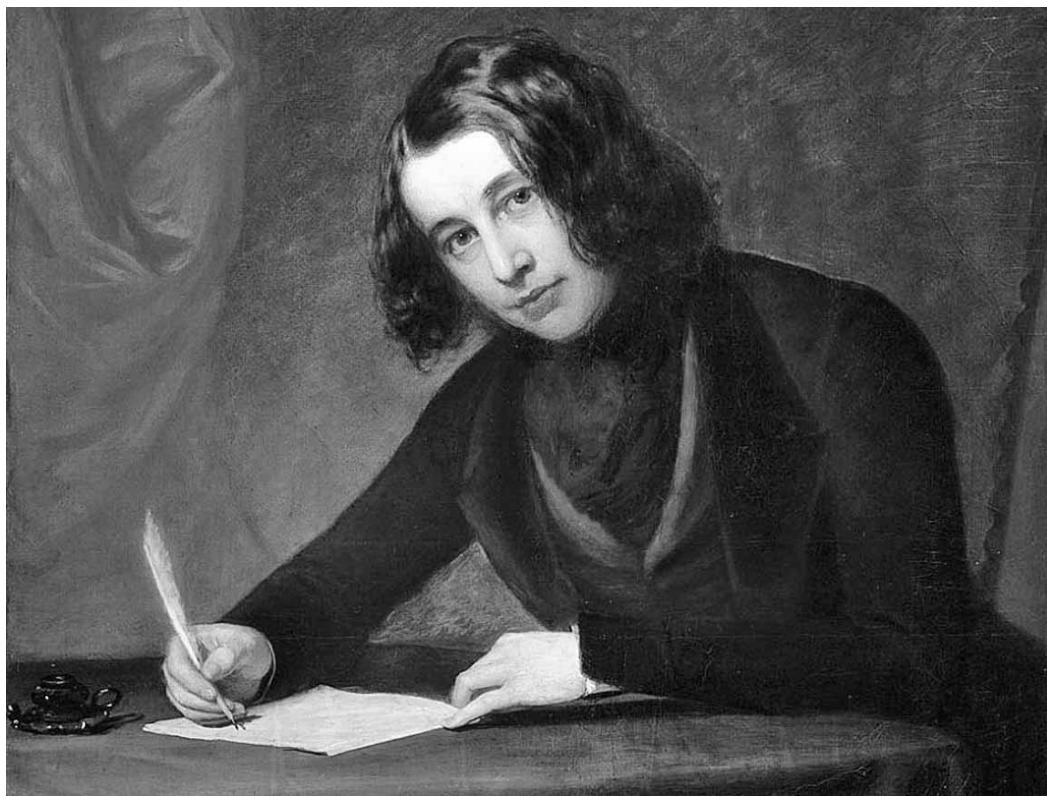
Быть любимым — вот в чем заключалась основная потребность природы Диккенса. Марию Биднелл он любил неистово, и можно было почти наверняка предположить, что первая женщина, которая ответит на его чувство, станет его женой. Этой женщиной оказалась Кейт Хоггарт, дочь довольно известного журналиста и литератора, девушка тихая, сдержанная, покладистая. Она была очень миловидна: синие глаза, чуть вздернутый носик, прелестная улыбка, яркие сочные губы, довольно статная фигура. Чарльз сразу же покорила Кейт. К сожалению, ни он, ни она в то время не понимали, что это был только отзвук его бурной страсти к Марии Биднелл. Диккенс играл роль влюбленного столь самозабвенно, что Кейт невольно поддавалась вихрю его чувств. Чарльз обладал страстным темпераментом и, судя по всему, испытывал к ней сильное влечение. В то же время он на удивление мало считался с нею, как с

самостоятельной личностью, и уже до свадьбы командовал и капризничал. Первая размолвка произошла через три недели после обручения. Чарльз обиделся на невесту за то, что она проявляла свою любовь не так пылко, как ему хотелось бы. Они обвенчались в церкви св. Луки в Челси 2 апреля 1836 года, через два дня после выхода в свет первой серии «Пиквика».

Хотя в двадцать пять лет Диккенс еще не сложился в зрелого мастера, каким стал впоследствии, как сильная личность и деловой человек он уже сформировался. С того самого момента, когда он впервые познал успех, приносящий деньги, Чарльз твердо намеревался получить все, что ему причитается. Он был безжалостен с издателями. Если надо было разорвать договор, он его разрывал. Лишения юности закалили его волю. Он умел мастерски торговаться, прекрасно понимая, каким источником наживы его творчество стало для издателей, и обладал способностью убеждать себя в собственной правоте, когда речь шла о делах.

Появление «Оливера Твиста» окончательно укрепило славу Диккенса. «Оливер» завоевал ему нового читателя. Роман разительно отличался от предыдущего, и почти невозможно было представить, что обе книги принадлежат одному автору. В свою работу Диккенс вкладывал гораздо больше непосредственного чувства, чем размышлений. Вот почему он иногда не представлял себе заранее, как закончится какой-то эпи-

*Чарльз
Диккенс
в молодые
годы*

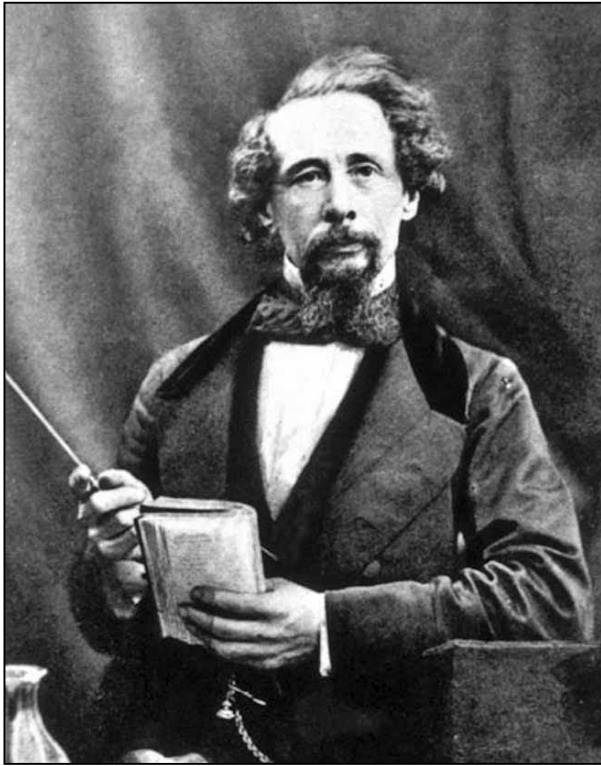

зод, как будет развиваться тот или иной характер, и, встав из-за стола после долгой работы, сам удивлялся тому, какой оборот приняли события, причем удивлялся так же, как самый неискушенный из его читателей. Прирожденный актер, Чарльз жаждал аудитории и взял за правило читать каждую вещь друзьям, прежде чем ее напечатать.

Вслед за «Николасом Никльби», уже первый выпуск которого превзошел самые удачные серии «Пиквика», Диккенс отдал в печать свой новый шедевр — «Лавку Древностей», героиню которого, маленькую Нелл, некоторые критики тех дней ставили в один ряд с шекспировскими Джульеттой, Дездемоной и Корделией. Над ее злоключениями обливались слезами не только жители туманного Альбиона, но и суровые

обитатели Нового Света. Когда пароход, на борту которого плыл в Америку последний выпуск романа, прибыл в Нью-Йорк, толпы народа встретили его на набережной дружным ревом: «Маленькая Нелл жива?» Горестные стоны оглашали прерии, когда книга попадала в руки ковбоев. На калифорнийских рудниках под мерцающими звездами над горестной историей о несчастной девочке вздыхали закоренелые убийцы, грабители и насильники.

А Диккенс продолжал с поистине бешеной энергией работать над новыми произведениями. Но если он умел трудиться, не жалея себя, то отдыху он тоже отдавался без остатка. Летними месяцами между 1836 и 1840 годами, живя у моря, он с семьей, родственниками жены и друзьями устраивал экскурсии, спор-

Чарльз Диккенс

тивные состязания, купания. Играли в крикет и в волан, в бильярд, запускали воздушные шары.

Юношеское увлечение театром так и не прошло. Уже будучи признанным писателем, Диккенс со всей страстью своего неукротимого темперамента отдавался любительским постановкам, и не только с удовольствием играл сам, но и ставил спектакли.

Впрочем, он умел и любил играть не только на сцене. Порой и в жизни устраивал представления, которые ставили в тупик окружающих. Причем играл так самозабвенно, что иногда, должно быть, и сам забывал, где реальность, а где выдумка. Предлогом для одной такой выходки послужило бракосочетание королевы Виктории и принца Альберта в феврале 1840 года. Притворяясь, что без па-

мяти влюблен в королеву, Чарльз писал своему близкому другу: «Я просто не помню себя от горя, ничего не могу делать ... Уж не отравиться ли, не повеситься ли в саду на груше, не отказаться ли от пищи, не уморить ли себя голодом?» Другому приятелю он сообщал, что ходит по Лондону, набив карманы фотографиями королевы, над которыми «тайно и горько рыдает». Казалось бы, ясно, что все это лишь шутка, однако Диккенс вел на эту тему столь же нелепые разговоры так часто, что многие стали подумывать, не сошел ли он с ума. Для бедной жены это стало настоящим испытанием. К счастью, она понимала, что человек с актерским темпераментом должен время от времени устраивать себе разрядку. Так оно и случилось, вскоре Диккенс и думать забыл о своей «несчастной любви».

В начале зимы 1842 года они с женой отправились в путешествие по Соединенным Штатам. Американцы устроили писателю триумфальную встречу. Толпы народа приветствовали его на улицах, в театрах ему устраивали овации. Он потерял счет балам, обедам и торжественным собраниям, которые давались в его честь. Ему прислали приветствия губернаторы почти всех штатов, его принял сам президент Тайлер. Где бы он ни появлялся, женщины старались выпросить у него прядь волос на память, но, не желая возвращаться на родину в парике, он отделывался автографами. Впрочем, некоторых рафинированных янки шокировали чересчур яркие расцветки

жилетов гостя и покрой его совершенно фантастических галстуков.

Однако это обвинение в вульгарности было всего лишь цветочками по сравнению с той свистопляской, которая поднялась в прессе после одного заявления писателя. Дело в том, что международного авторского права в те годы еще не существовало. Едва очередной выпуск диккенсовского романа появлялся в Америке, издатели набрасывались на него, печатали с лихорадочной быстротой тысячами экземпляров и клали в карман вырученные деньги, не считая нужным послать хотя бы несколько слов благодарности автору. Слова Диккенса о том, что какую-то долю огромных прибылей, которые американским издателям приносят английские книги, не мешало бы уделить тем, кто их написал, вызвали лютую злобу заокеанской прессы. Диккенса обвинили в корыстолюбии и прочих смертных грехах. И все-таки подавляющее большинство американцев продолжало оказывать писателю самый сердечный прием.

Вернувшись в Англию, Чарльз снова включился в круговорот работы. Он уже простился с молодостью и вступил в ту полосу жизни, которая будет длиться до конца, полосу неутолимой неудовлетворенности. Его постоянно преследовало ощущение, что он чем-то обделен, что имеет меньше, чем заслуживает. На первый взгляд, это выглядело абсурдно. Ведь у него было все, чтобы ощущать себя счастливым — деньги, слава, здоровье, возможность

Кейт Хоггарт (Диккенс)

путешествовать, наконец, дети. Первого ребенка Кейт родила в январе 1837 года. За следующие двадцать лет она родила еще девяти других. Диккенс обожал детей и был им больше товарищем, чем отцом. А если кому-нибудь из них случалось заболеть, он ухаживал за ними лучше всякой няньки. Не только часами просиживал у их кроваток, но и знал, что нужно делать в минуты опасности. Впрочем, сила воли, пронизывавшая все его существо, делала его в некоторых отношениях семейным деспотом. В доме все было подчинено его вкусам и прихотям. Обеды устраивались там, где велел он, комнаты обставлялись по его указаниям, все поездки предпринимались по его воле. Не будь он добр по природе, их семейная жизнь была бы на ред-

кость тяжела. Ведь и так Кейт и детям часто приходилось одергивать себя, как будто они не у себя дома, а в гостях.

Разумеется, сильнее всех страдала Кейт, она понимала, что, несмотря на внешнее благополучие, их брак не задался с самого начала. Да и могло ли быть иначе? С первых же дней Диккенс дал ей почувствовать, что она всего лишь жена-заемститель. Тень Марии Биднелл постоянно витала где-то рядом, мешая разглядеть достоинства жены. Да и велики ли они были, эти достоинства, с его точки зрения? Да, она была дружелюбна и нежна, любила детей и пеклась об их здоровье. Она сопровождала мужа в поездках по миру, которые терпеть не могла, напрягая память и портя себе нервы, выступала в его спектаклях. С другой стороны, она была не особенно умна и не сумела стать ему другом. Уже в первые годы после женитьбы Чарльзу стало с ней скучно, она раздражала его, но при этом он не допускал и мысли, что тут не только ее вина. Меланхолический темперамент не позволял Кейт делить его лихорадочную активность. Вот если бы на ее месте оказалась Мария Биднелл, порой мечтал он. Что ж, пути Господни неисповедимы. В феврале 1855 года Диккенс получил письмо от некоей миссис Винтер. Эту фамилию, как оказалось, носила теперь Мария. Возникший перед ним из небытия образ первой любви вселил в него надежду, что, быть может, Марии все-таки суждено стать его

путеводной звездой. Чарльз ответил, что ничего не забыл, его письмо было взволнованным, интимным, обещающим.

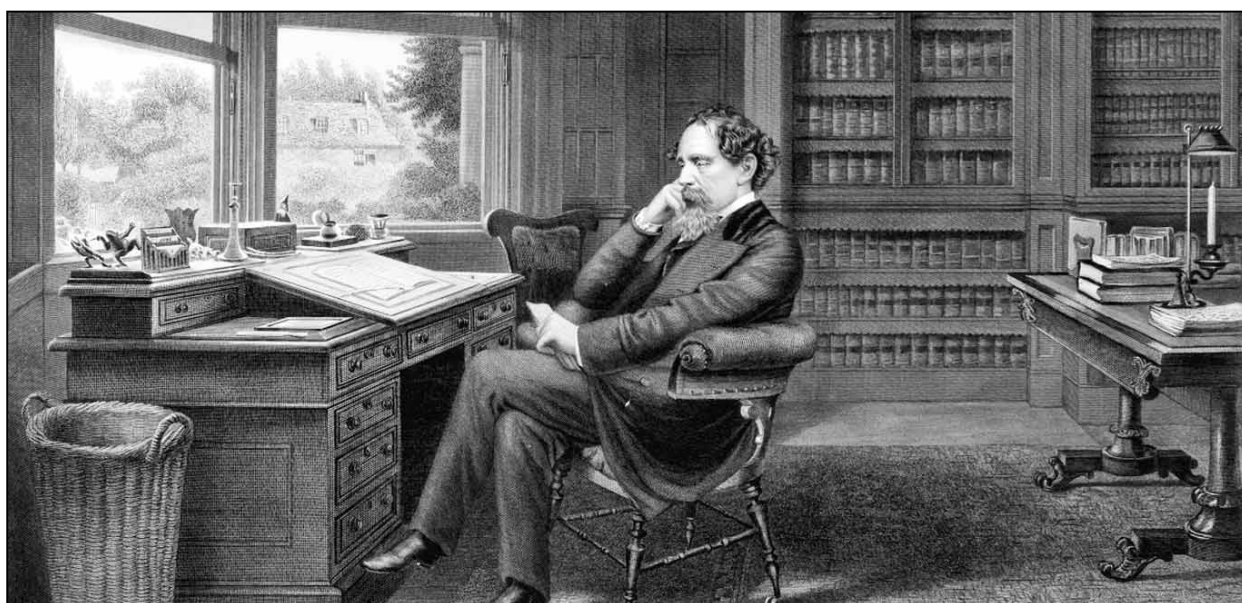
Мария теперь видела, как много она потеряла, отвергнув любовь Диккенса. Впрочем, дружба с таким знаменитым писателем тоже дорогого стоила. Их переписка продолжалась до тех пор, пока не произошла встреча, на которой настаивал Чарльз. Он, должно быть, не поверил своим глазам, увидев мечту своей юности в образе сильно располневшей и удручающе глупой дамы, и поспешил как можно скорее «выйти из игры». Письмо, которое Диккенс отправил ей, носило характер почти комический: «Я уезжаю, чтобы обдумать, а что — и сам не знаю. Куда, надолго ли — Бог весть». Все ее дальнейшие попытки сблизиться с ним оказались тщетными. Зато писатель, работавший в то время над своим очередным романом «Крошка Доррит», вывел там Марию в образе пустой и болтливой Флоры Финчинг.

И все же мысли о недостижимом счастье не оставляли его. В начале 1858 года Диккенс подготовил ряд благотворительных спектаклей и для участия в них пригласил трех профессиональных актрис. Одной из них, Эллен Тернан, и суждено было сыграть важную роль не только в диккенсовском спектакле, но и в его жизни, кардинально изменив ее. Восемнадцатилетняя Эллен была талантливейшей актрисой и весьма милой девушкой, в то же время характер у нее был довольно твердый. Диккенс

питал к ней восторженную любовь, любовь человека, который пытался вернуть радостное возбуждение, испытанное в двадцать лет с Марией Биднелл. Кейт узнала об увлечении мужа случайно, получив от ювелира счет за браслет, украшенный драгоценными камнями, который он подарил Элли. Кейт горевала, возмущалась, утопала в слезах. Под влиянием родственников она решила, что они с Чарльзом должны разъехаться. Ее родные распустили слух, что Элли — его любовница (в то время это было еще не так). Диккенс пришел в ярость и заявил, что не даст жене ни гроша, если ее родные не откажутся от клеветы, причем засвидетельствуют свой отказ документально. Тем пришлось согласиться. Писатель и дальше действовал, словно в помешательстве. Он опубликовал в прессе заявления, в которых утверждал, что разрыв с женой был необходим, но добровольен. Кажется, ему совершенно изменил здра-

вый смысл. Он стремился убедить своих читателей в том, что всегда был безупречным и таковым остался. Ему казалось, что публичные объяснения послужат преградой для сплетен. Но он ошибался: слухи продолжали множиться, и в конце мая 1858 года обе стороны подписали договор, согласно которому Кейт выделялось довольно щедрое пожизненное содержание. Диккенс отдавал ей один из своих домов, где она должна была поселиться со старшим сыном. Все другие дети остались с отцом.

Все это время от Элли он большой моральной поддержки не получал. Вскоре она, в самом деле, стала его любовницей, очевидно, не выдержав натиска его неукротимой натуры, а возможно, и не устояв перед соблазнами мирских благ. Диккенс устраивал ее на разных тайных квартирах в пригородах Лондона и посещал, соблюдая все правила конспирации. Так продолжалось более

десяти лет, почти до самой смерти писателя. Судя по всему, Эллен не испытывала к нему физического влечения и уже в зрелом возрасте с неприятным чувством вспоминала о времени, прожитом с ним.

Еще в начале своей писательской карьеры Диккенс иногда в благотворительных целях выступал перед зрителями с чтением своих произведений. Теперь он решил возобновить эти публичные выступления, но уже с целью зарабатывать день-

ги, и разъезжал по всей стране. А в 1867–1868 годах совершил турне по Америке. Зарабатывал он не меньше, чем театральная «звезда» в те дни. Тысячи и тысячи людей съезжались на его концерты и не могли попасть на них из-за нехватки мест. Его встречали громом оваций. Толпы народа ждали на улице, чтоб хотя бы коснуться рукава его пальто. Со временем он выучил весь свой репертуар наизусть, так что мог выступать без книги. Собственно говоря,

его выступления нельзя было назвать «чтением». Это было в высшей степени театрализованное представление, в котором выступал один актер, способный перевоплощаться во множество различных образов. Его голос, выражение лица, осанка, манеры менялись до неузнаваемости с молниеносной быстротой, и он на глазах у всех превращался в другого человека.

Да, выступления приносили ему огромное удовлетворение, были чрезвычайно выгодны в финансовом отношении, но напряжение, связан-

ном обратился к зрителям со словами любви и признательности и ушел со сцены. Шквал аплодисментов заставил его вернуться. Он снова заплакал, произнес еще несколько прощальных слов и снова покинул сцену. На этот раз навсегда.

В своем имении в Гэдсхилле Диккенс продолжал работать над своим последним романом «Тайна Эдвина Друда». 8 июня 1870 года во время обеда ему вдруг стало плохо, и он оказался на полу. Это было сильное кровоизлияние в мозг. А вечером следующего дня Диккенс скончался,

---

3

зарабатывал Диккенс выступлениями с чтением своих произведений не меньше, чем какая-нибудь театральная «звезда» в те дни. Тысячи людей съезжались на его концерты, и его принимали громом оваций. Толпы народа ждали на улице, чтоб хотя бы коснуться рукава его пальто. Эти выступления приносили Диккенсу огромное удовлетворение, были выгодны в финансовом отношении, но напряжение, связанное с ними, крайне пагубно сказалось на его здоровье...

ное с ними, крайне пагубно отражалось на его здоровье.

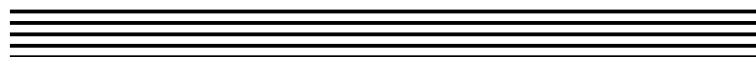
Последнее его выступление состоялось 13 марта 1870 года в лондонском Сент-Джеймс-Холле. Диккенс понимал, что больше не сможет появляться перед публикой. На чтении присутствовал его врач, а старший сын сидел у края стола, чтобы не дать отцу упасть, если он потеряет сознание. Закончив выступление, Диккенс услышал аплодисменты в последний раз. Он заплакал, а по-

так и не придя в сознание. Говорят, что за минуту до того, как он испустил дух, по щеке его скатилась слеза.

Его похоронили в Вестминстерском аббатстве. Прах Диккенса покоится рядом с могилой Шекспира.

В канун новогодних праздников мы не могли обойти вниманием «своеобразное поздравление», пришедшее к нам из далекого прошлого и принадлежащее этому великому писателю.

Чарльз Диккенс

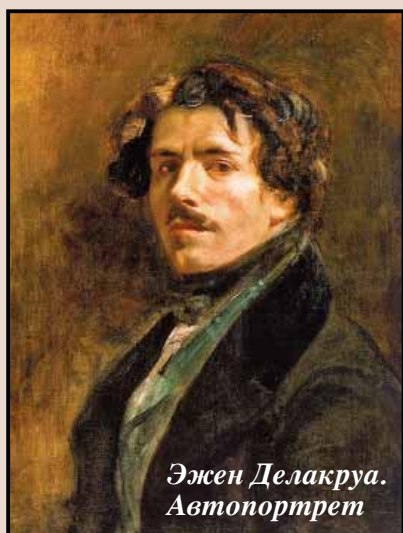
Рождественский обед

(отрывок)

Рождество! Поистине мизантропом должен быть тот, в чьем сердце при наступлении Рождества не затеплятся живые чувства, в чьей памяти не пробудятся сладостные воспоминания. Иные скажут вам, что Рождество теперь не такое, как прежде, что всякий раз с приходом Рождества рушится еще одна надежда на счастливое будущее, которую они лелеяли в прошлом году, что настоящее лишь напоминает им об уменьшении доходов, о стесненных обстоятельствах, о холодных взглядах, которыми их встречают ныне, в час испытаний и невзгод. Никогда не поддавайтесь таким мрачным мыслям — ведь каждый, кто достаточно пожил на свете, мог бы называть их ежедневно. Не омрачайте же горькими воспоминаниями самый веселый из всех трехсот шестидесяти пяти дней в году, а лучше придвиньте свое кресло поближе к пылающему камину, наполните свой бокал до краев, осушите поскорее его и затяните старую песенку, которую певали в прежние времена, да благодарите Бога, что вам не пришлось хуже.

Рождественский семейный праздник! Нет на свете ничего упоительнее! Уже в самом слове «Рождество» таится какое-то очарование. Забыты ничтожные несогласия и споры, дружеские чувства пробуждаются в давно остывших сердцах: отец и сын, брат и сестра, уже много месяцев избегавшие встречи или обменивавшиеся холодными приветствиями, в этот счастливый день раскрывают друг другу нежные объятия и предаются забвению старые обиды, повсюду царят доброта и благожелательность. Ах, если бы Рождество длилось круглый год, если б предрассудки и страсти, искажающие лучшие стороны нашей природы, всегда оставались чужды людям и не отравляли им жизнь!

Думайте о тех радостях бытия, коими вы наслаждаетесь ныне — их много у каждого, не предавайтесь размышлениям о минувших печалях — увы, они выпадают на долю каждого человека. Так наполните же свой бокал, и пусть озарится радостью ваше чело, а в сердце ваше снизойдет мир. От всей души желаю вам счастья в наступающем году и веселого Рождества! □

*Эжен Делакруа.
Автопортрет*

Эжен Делакруа

Ирина Опимах

«Шопен и Жорж Санд»

*«Шопен и Жорж Санд».
Реконструкция картины*

Эжен Делакруа написал много ярких, выразительных портретов, на которых запечатлел образы своих выдающихся современников, например, Гете и Паганини. Среди этих портретов был и двойной, «Шопен и Жорж Санд». Однако в таком виде его можно увидеть сегодня только на реконструкции картины. Она была разрезана на две части, на два отдельных портрета.. Как же так получилось? Кто совершил это кощунство?

Эжен Делакруа познакомился с Жорж Санд в 1833 году. Тогда его, уже известного художника, автора полотен «Резня на Хиосе», «Смерть Сарданапала» и «Свобода на баррикадах», издатель парижского журнала «Ревю де Монд» мсье Франсуа Бюлоз попросил сделать карандашный портрет модной романистки — о ее весьма смелых книгах «Индиана» и «Лелия» говорил весь Париж. Вскоре художник и писательница стали близкими друзьями. А Жорж Санд умела дружить, недаром Бюлоз говорил о ней: «Совершенно бесспорно — она горда в любви, но удивительно добра в дружбе». Делакруа восхищался талантом Жорж, ее тонким умом, иронией, наблюдательностью, а она ценила его художественный талант, человеческие качества и была с ним необыкновенно искренна, рассказывая о своих сомнениях и горестях, разочарованиях и страхах, а он в свою очередь открыто делился

с ней мыслями о жизни и искусстве. Так, к примеру, в одном из писем Жорж Санд, любившей носить мужские костюмы и шляпы, к тому же обожавшей сигареты, Делакруа писал: «Постарайтесь не быть мужчиной, ибо мужчины — ничтожные глупцы», а в другом письме: «Постараюсь заглянуть к вам нынче вечером и повергнуться к вашим стопам, обожаемым мной вплоть до туфелек, чулок и ножек... Если я с вами не увижусь, черкните мне хоть словцо и примите уверения в нежнейшей моей дружбе». В будущем они частенько расходились во взглядах, но до последних дней оставались настоящими друзьями.

Когда они познакомились, Жорж Санд только вернулась из поездки в Венецию — по Италии она путешествовала со страстно влюбленным в нее молодым поэтом Альфредом де Мюссе. Но вскоре Жорж бросила Мюссе, утомленная его нервными взрывами и безумной ревностью.

Разрыв был мучителен, но она не осталась надолго одна — вскоре в ее жизнь вошел блестящий поляк Фредерик Шопен.

Впервые они встретились в 1836 году, на вечере у Мари д'Агу, подруги Ференца Листа. Шопена хорошо знали в Париже: к тому времени он, приехав из Польши, уже 6 лет жил во французской столице и совершенно покориł тамошнюю публику — и своей музыкой, и своим остроумием, и всем своим обликом. Покориł он и Делакура. Юный поляк, творивший настоящие чудеса за роялем, действительно был очень хорош — «среднего роста, стройный; длинные тонкие руки, очень маленькие ноги, светлые, пепельные с каштановым оттенком, волосы; скорее живые, чем задумчивые карие глаза; нос с горбинкой. Очень мягкая улыбка, несколько глуховатый голос, и во всем его облике что-то настолько изысканное, настолько неуловимо аристократическое», — писала Жорж Санд. В общем, Шопен ей сразу понравился, а вот она вызвала у него совсем иные чувства. «Я познакомился с большой знаменитостью — г-жой Дюдеван, известной под именем Жорж Санд, — писал он родным в Варшаву, — но ее лицо несимпатично, и она мне совсем не понравилась. В ней есть даже что-то отталкивающее». Его пугали ее мужские наряды, сигары и свободные взгляды, ее манера общаться — все было так не похоже на милых, мягких, женственных

полек! «Какая несимпатичная женщина эта Санд! Она действительно женщина? Готов в этом усомниться...» — говорил он друзьям.

Но в октябре 1837 года он снова с ней встретился. И теперь все было совсем иначе. Тогда Шопен переживал душевную драму, страшное разочарование — юная польская красавица Мария Водзинская, на которой он собирался жениться, явно дала ему понять, что не собирается выходить за него замуж. Он очень страдал. Он сделал такую запись в дневнике:

«Три раза я снова встречался с ней. Она проникновенно смотрела мне в глаза, пока я играл. Это была довольно грустная музыка, «Дунайские легенды», и мне казалось, что мое сердце танцует под эту родную мелодию. В моих глазах отражались ее глаза; темные, странные, что они говорили? Она облокотилась на пианино, и ее ласкающие взоры отуманили меня. ...Я был побежден! ...Она меня любит ... Аврора, какое очаровательное имя!»

Начиналась одна из самых романтических и драматических историй любви в мировой культуре.

Той весной 1838 года Жорж частенько бывала в Париже, и они, как правило, проводили вечера вдвоем — никто им не был нужен.

А затем она повезла его и своих двух детей, сына Мориса и дочь Соланж, на Майорку. Причин было две — часто болевший Морис и Шопен, весьма неприятно и часто

*Жорж Санд.
Отрезанная
часть оригиналь-
ного портрета.
Государственный
художественный
музей, Копенгаген*

кашлявший, нуждались в теплом климате, кроме того, Жорж хотелось убежать от своего бывшего любовника, преследовавшего ее.

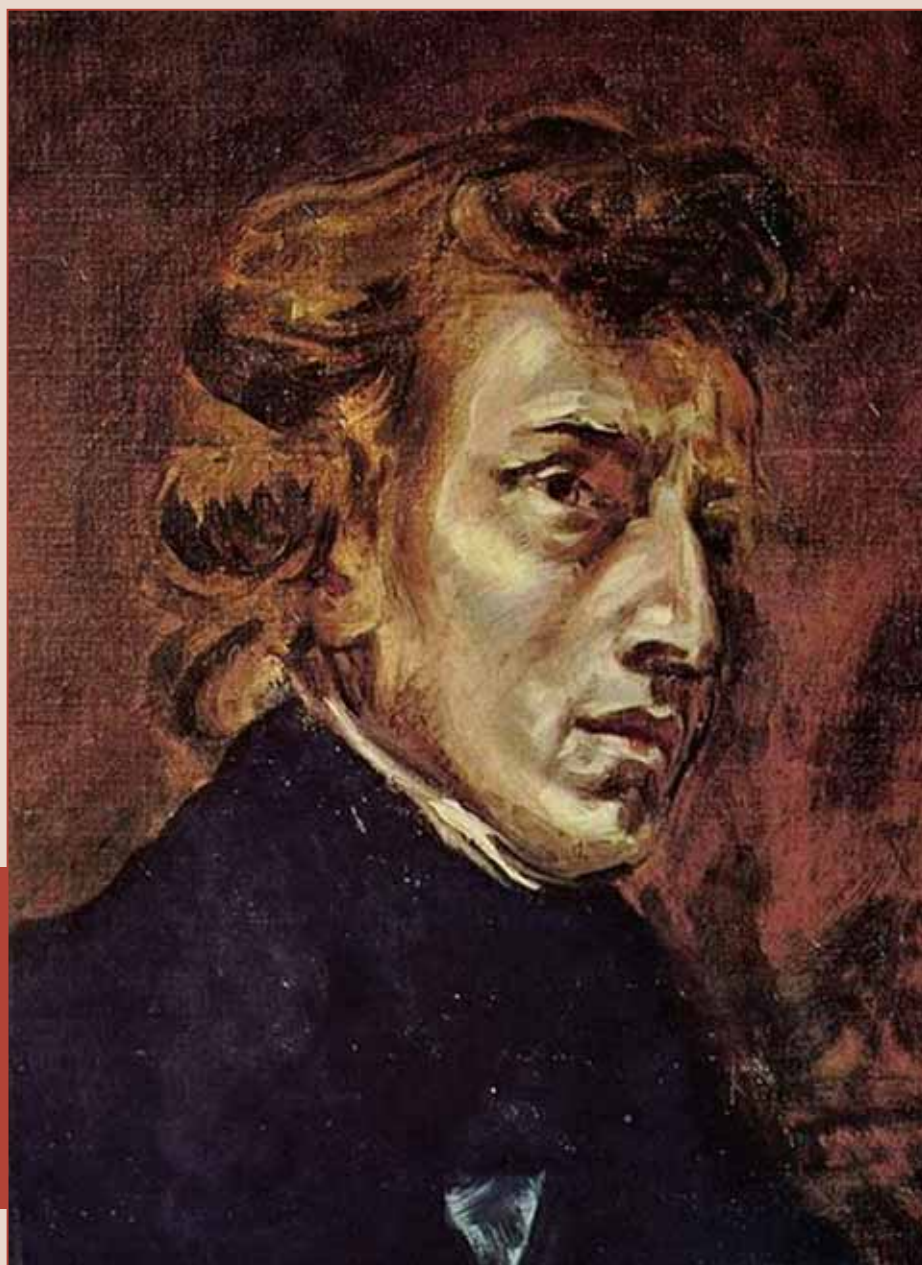
Однако Майорка, несмотря на все красоты и великолепный климат, не стала для них раем. Соседям не нравилось, что рядом поселился больной человек, а Фредерику не нравилась местная кухня. Но они там много работали — она писала

свои романы, а он сочинял чудесную музыку...

Наконец было принято решение возвращаться домой. Жорж решила везти своего друга в Ноан, в свое родовое поместье. Там на природе, надеялась она, ему станет легче.

Начинался новый этап в ее жизни — теперь у нее было трое детей, за которых она несла ответственность, чувствуя себя главой семьи.

*Фредерик Шопен.
Отрезанная
часть оригиналь-
ного портрета.
Лувр, Париж*

Первое лето в Ноане было счастливым. Шопен, окруженный заботой и любовью, сочинял изумительные вещи, его рояль было слышно с утра до вечера. Жорж была первой слушательницей и первой ценительницей его творений, и он был ей очень благодарен.

К ним в Ноан приезжали почти все их друзья — Бальзак, Лист и Мари д'Агу, Гейне, которому очень нра-

вилась Жорж, здесь начинала петь Полина Виардо, читал стихи Мицкевич. И, конечно же, бывал Делакруа, которому даже оборудовали в доме мастерскую. Они по-прежнему были дружны — Шопен, Жорж и Делакруа. Вот, например, такое письмо писала Жорж в 1938 году своему любимому художнику: «Дорогой Лакруа, я отбываю завтра в 5 часов утра. Очень не хочется уезжать,

*Огюст Шарпантье.
Жорж Санд*

не простившись с Вами, не поговорив о «Медее», — она воистину великолепна, возвышенна, душераздирающа. Решительно, Вы изрядный мазилка! Чтобы склонить Вас прийти сегодня, скажу, что Шопен поиграет нам на рояле, вокруг которого мы сгрудимся всей семьей, — в таких случаях он действительно блестящ. Если Вы не очень сонливы, приходите в полночь, а если по дороге встретите наших знакомых, не говорите им, куда направляетесь, Шопен до ужаса боится варваров. Если не появитесь, прощай-

те, и не забудьте оставить мне местечко в Вашем сердце».

В один из своих визитов к друзьям Делакруа и написал ту знаменитую картину, на которой изобразил играющего на пианино Шопена и слушающую его музыку Жорж. Эта работа не была никем заказана — Делакруа просто писал своих друзей. Ему в тот вечер захотелось это сделать. Двойной портрет остался незаконченным, и Делакруа увез его с собой.

Болезнь Шопена прогрессировала, что портило его характер. Мицкевич говорил, что Шопен был «злым гением Жорж Санд, ее моральным вампиром, ее крестом, и что в один прекрасный день он может ее убить». У них бывали разногласия в политике, им стали нравиться разные люди, но Жорж уже не вступала с ним в споры, предпочитая соглашаться, ведь обратное могло вызвать страшную вспышку и, не дай бог, кровохарканье. Да и вообще, в этом семействе гармонии и покоя не было совсем. Морис ужасно ревновал мать к Шопену, а подросшая Соланж изо всех сил кокетничала с Фредериком, пытаясь соперничать с матерью. Обстановка накалялась, и в какой-то момент Шопен, страшно устав от всего этого, бросил Жорж Санд. Шел 1847 год.

После разрыва они некоторое время писали друг другу письма, но постепенно их связь слабела. Большую роль в этом сыграла Соланж,

настраивавшая композитора против матери, рассказывая о ее многочисленных мнимых любовниках, а также новая подруга Шопена, богатая шотландка Джейн Стерлинг, поначалу его способная ученица, а потом преданная меценатка. Обе эти женщины хотели навсегда стереть из памяти Шопена яркую и талантливую Жорж Санд, сумевшую удерживать композитора около себя почти десять лет. И их усилия увенчались успехом. Последний раз Шопен и Жорж Санд видели друг друга в марте 1848 года на вечере в парижском доме мадам Марлиани. Сама Санд так рассказывала об этой встрече, оставившей горький след в ее памяти: «Я пожалала его холодную дрожащую руку. Я хотела говорить с ним — он скрылся». Наверное, им обоим было очень больно. Вернувшись домой, Фредерик сразу сел за рояль. Говорят, именно тогда он сочинил известный всему миру похоронный марш.

Ему становилось все хуже и хуже, и 17 ноября 1849 года Фредерик Шопен скончался. Его последние слова были такими: «Она обещала мне, что я умру в ее объятиях». Умирая, он думал о Жорж Санд. А она не была на его похоронах, узнав об его уходе — из газет!

Жорж Санд скончалась в 1876 году, пережив и своего любимого композитора, и своего любимого художника Делакруа. Ей было 72 года. Похоронили ее на маленьком кладбище в Ноане. Флобер писал

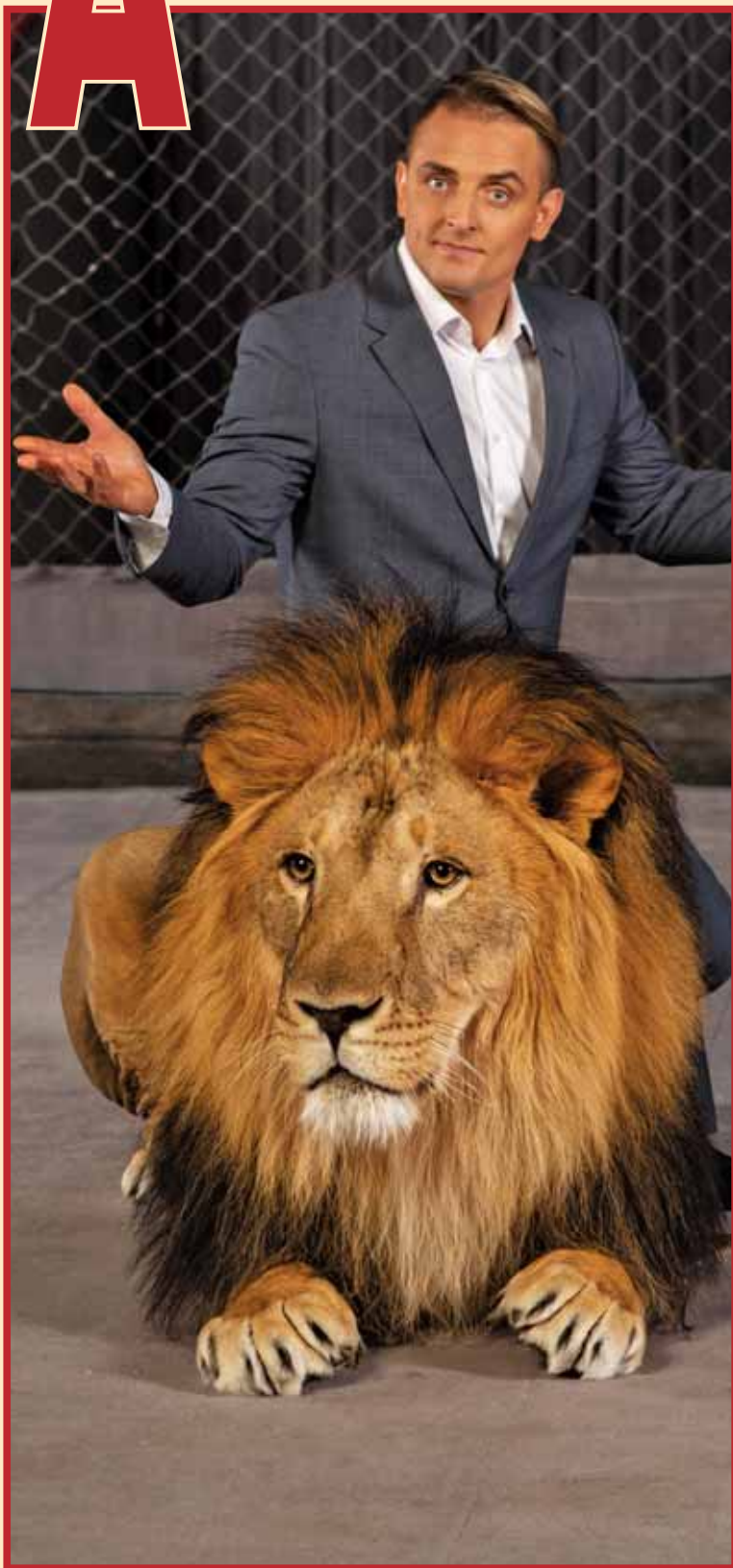
Тургеневу: «Бедная, бедная великая женщина! Надо было знать ее так, как знал ее я, чтобы понимать, какая женщина была в этом великом человеке, какая безмерная нежность — в этом гении... Она останется одной из тех, кто составляет славу Франции!»

Двойной портрет, на котором были изображены Шопен и Жорж Санд в пору их расцвета, в пору их страстной любви, хранился у Делакруа до самой его смерти. После похорон художника все его имущество было распродано на аукционе. Продан был и парный портрет Шопена и Жорж Санд. Позже владельцы картины, справедливо полагая, что от продажи двух портретов они получат больше, чем от одной, совершили ужасное кощунство — разрезали полотно на две части. И, продав теперь уже два отдельных портрета — Жорж Санд и Шопена, действительно получили немалую сумму.

Однако некоторые искусствоведы утверждают, что картина была разрезана после расставания с Шопеном по желанию самой Жорж Санд.

Так или иначе, в результате портрет Жорж Санд сегодня украшает копенгагенский Государственный художественный музей, а портрет Шопена — собрание парижского Лувра. Они живут своей отдельной жизнью, но в истории мировой культуры герои этих портретов — польский композитор Фредерик Шопен и французская писательница Жорж Санд — стоят рядом. □

Аскольд Запашный

*«В цирке
работают
только
фанаты
своего дела»*

«Цирк — это последнее прибежище чистого искусства», — сказал как-то французский писатель Франсуа Мориак. И еще — это настоящий праздник, не только для детей, но и для взрослых. Первые — с восторгом воспринимают все, что происходит на арене, вторые — покидают цирк с улыбкой, вернувшись на время в свое далекое детство. А устраивают такой праздник люди, бесконечно преданные цирку и своему делу. Один из них — бесстрашный укротитель диких животных, потомок великой цирковой династии Аскольд Запашный.

— С юных лет вы успешно гастролировали с родителями в Китае. Какие воспоминания сохранились в памяти? Что вам особенно дорого?

узнать о нашей культуре и нашем мировоззрении.

— В Поднебесной специально ради вашей семьи выстрои-

— Для меня это был определенный этап развития личности, потому что наше с братом взросление пришлось как раз на тот период. Азиатская культура и менталитет оказали на меня большое влияние по той простой причине, что они, конечно, люди другие в плане культуры, и я еще в юном возрасте понял, что люди бывают разные, диаметрально противоположные во многих вещах, и что это надо уважать и принимать. А еще — моя первая девушка была китайка и тоже по-другому видела мир. Мы, европейцы, люди другой расы, были любопытными особями для китайцев, им хотелось как можно больше

ли летний цирк. Может быть, у вас есть в планах открыть нечто подобное в Москве, к примеру, тематический парк для взрослых и детей?

— Знаете, я со временем стал реалистом. В России, чтобы реализовать подобный проект, нужно строить техническую бизнес-модель, а это очень сложно, к тому же у нас слишком мало, во-первых, зон, в которых это в принципе можно реализовать, а во-вторых, у нас не налажена система туризма, тем более, с этой пандемией вообще непонятно, что будет дальше. Поэтому рассматривать сейчас этот вопрос, как

минимум, нецелесообразно. Но если бы у меня появилась такая возможность, я бы, конечно, хотел подобный проект в России реализовать, это была бы летняя форма, с точки зрения сравнения с Большим московским цирком. Подобные сафари-парки — это точки дополнительного развлечения. В Китае, например, там есть все — и водный цирк, и цирк с попугаями, с другими раз-

— В Сочи или в Крыму. В туристический сезон в эти регионы приезжает много людей, к тому же там все-таки тепло. Ведь большинство животных, особенно экзотических, — теплолюбивые, поэтому в тех местах им будет, можно сказать, комфортно.

— Аскольд, вы внесли большой вклад в подготовку и проведение XXII Олимпийских зим-

ными пернатыми, и мы, русские, были там обозначены как русский цирк. Но для этого надо очень многое сделать, так что пока это лишь планы на неопределенное будущее.

— А если все-таки у вас появилась бы возможность открыть тематический парк, где бы вы это сделали?

них игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в Сочи. Расскажите, пожалуйста, об этом опыте.

— Опыт очень любопытный, потому что — это, во-первых, была огромная честь для меня не просто находиться рядом, но и вообще попасть на Олимпийские игры. Я был одним из героев церемонии закры-

тия Олимпийских игр. Мы выступали вместе с Андреем Шарниным, который является режиссером по клоунаде в Большом московском цирке. Андрей был типичным «белым» клоуном, а я был морячком.

Вообще, для меня, как для режиссера-постановщика, это был бесценный опыт: участвовать в организации такого масштабного ме-

роприятия, видеть все, так сказать, изнутри. Я очень благодарен всем тем, кто мне дал возможность там оказаться. Это очень повлияло на меня, на мое развитие и будущее. Я бы с удовольствием взялся за организацию подобного крупного шоу-проекта, привнес бы свой личный опыт, потому что теперь точно знаю, как все это делается.

— Сейчас модно открывать ютуб-каналы. Если бы вы создавали свой, то какой контент бы сделали?

— А мы уже находимся на стадии выпуска нашего ютуб-канала и у нас есть четкая стратегия. Дело даже не в моде. Ютуб и подобные интернет-площадки сейчас жизненно необходимы для нашей индустрии. Они формируют сознание молодежи и воздействует на молодые неокрепшие умы, фактически создают представление о мире.

Мы на своем канале хотим рассказать в интересной форме о том, что такое цирк, показать любопытные подробности его мира, его проблематику и удивительное внутреннее насыщение. У нас будут и образовательные

материалы, которые зрители смогут применить в своей жизни: кто-то захочет научиться общаться с животными, кто-то научиться жонглировать, прыгать сальто-мортале, садиться на шпагат. Будет много развлекательного контента: различные шутки и пранки. Также мы расскажем о дрессуре: как нужно правильно общаться с животными. И еще мы хотим показать «цирк вне цирка», то есть цирк на нестандартных площадках, что тоже, по нашему мнению, должно привлечь внимание. У некоторых людей привычный цирк с цирковыми костюмами вызывает отторжение, и они даже знакомиться с ним не хотят. А когда цирковое исполнение неожиданно встречается где-то, к примеру, на улице, люди очень искренне восхищаются этим, не понимая, что смотрят обычный цирк. Кроме этого, мы покажем художественное реалити-шоу про наш цирк. Мы взяли весь состав Большого цирка, у каждого свои роли, каждый играет сам себя в различных ситуациях, связанных с нашей рабо-

той и нашим бытом. Уже отсняли пару серий. В общем, есть хороший контент, которым мы будем делиться с нашими подписчиками.

— Ни для кого не секрет, что вы заслуженно и много раз попадали в Книгу рекордов Гиннеса. Что стало самым запоминающимся?

— Мы с братом решили этим заняться, потому что в какой-то момент, размышляя о нашей карьере, пришли к выводу, что в карьере любого артиста очень важны рубежи. И как раз фиксация в подобных кни-

в мире начинало формироваться болезненное, негативное восприятие цирка с животными. Когда мы фиксировали трюк, представители Книги Гиннеса пытались нас остановить, сомневаясь в том, что смогут зарегистрировать трюк с участием животного, тем более дрессированного. Мы предоставили все документы о том, что лев во время трюка не страдает, и к нему не применяется никакое насилие, и смогли их убедить. Это также стало своего рода достижением и важным вкладом в цирковое наследие, потому что мы оказались на грани войны с зоорадика-

гах очень осязаемый рубеж, дающий четкое понимание того, что человек успел сделать. И первым нашим с братом рекордом, а впоследствии визитной карточкой нашего творчества, стал прыжок верхом на льве. Он стал очень важной вехой еще и потому, что в тот момент

лами, которые навязывали миру свою политику, внушая неверное представление о цирке и, тем самым, уничтожая это искусство.

— Ваш прадедушка Мильтон был знаменитым до революции клоуном, бабушка Лидия —

новинки. А каким, на ваш взгляд, станет цирк будущего?

— Ответ на ваш вопрос и прост, и одновременно сложен. Если говорить простым языком — цирк будущего будет актуальным.

Мне кажется, что наше искусство вечно. Оно демонстрирует человеческие способности и возможности в общении с животными: как можно

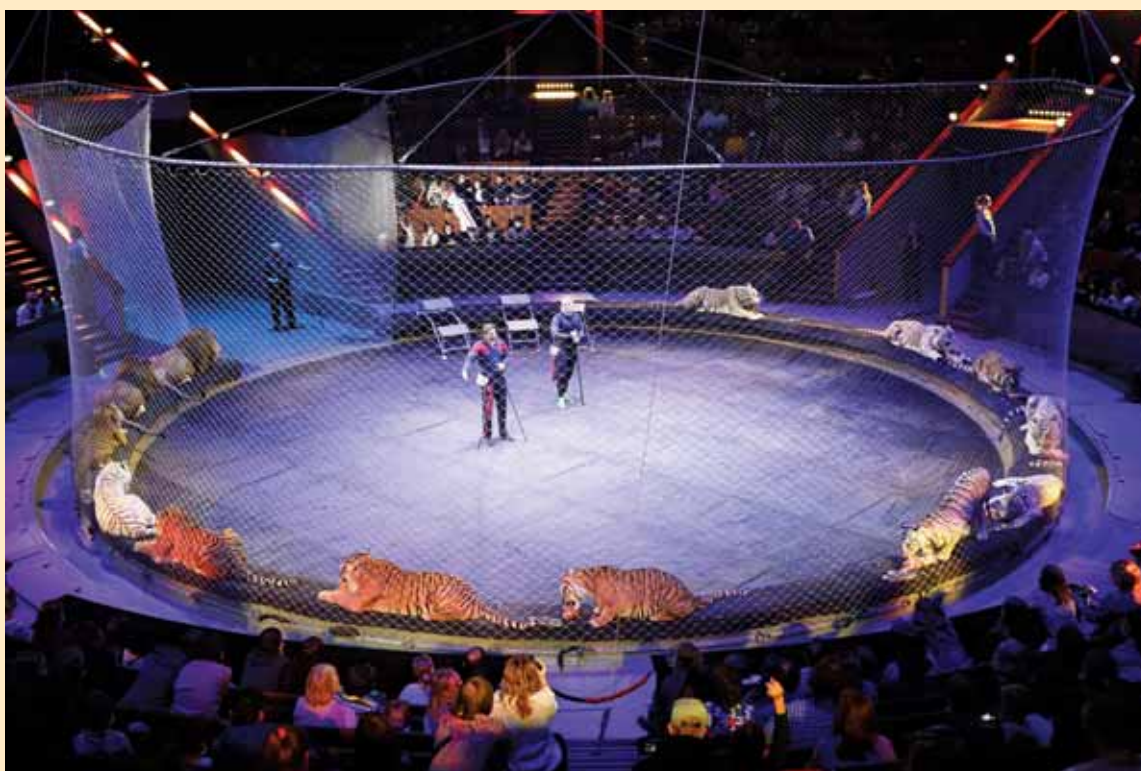
гимнастикой, а дедушка Михаил, обладая недюжинной силой, работал в цирке акробатом. Вот и ваша семья, через поколения, работает в разных жанрах. Помимо всем известной дрессуры, это и жонглирование, к тому же на сегвеях, и трюки на канате, и акробатика на роликах. Вы еще включаете в свои выступления технологические

договариваться со слонами, тиграми и верблюдами, то есть показ того, чего вы не увидите в реальной жизни. Цирк должен соответствовать текущему времени, и все зависит от будущих тенденций. Если сейчас людям интересны технологические достижения в области компьютерной графики и эффектов, то актуальный цирк — это тот цирк, который грамотно использует все эти инстру-

менты. Если в мире сегодня популярны комиксы как культура, то цирку необходимо понять, как это правильно и интересно реализовать на своих площадках. Поэтому для меня цирк будущего — это искусство, способное вобрать в себя все современные тренды, стать их «локомотивом» и сформировать новый взгляд на вещи. Например,

Были у нас и другие эксперименты. Например, шоу «цирк 2.0» некий реверанс в сторону компьютерных технологий, где артисты примеряли роль людей-киборгов, а также использовались инструменты лазерной, световой техники.

Если рассуждать о будущем, то, на мой взгляд, это всегда улучшенное настоящее.

в нашей программе «История» есть одна сцена — «Цирк будущего». Дрессировщик Василий Тимченко исполняет роль робота-андроида, который работает с животными. А вдруг в будущем создадут человека-робота, способного общаться с животными и при этом показывать интересное искусство взаимоотношений человека и животного?

— Вы — обладатель многочисленных званий, наград и премий. Самым значимым для каждого артиста является звание народного, которое вы получили в 2012 году. Какие эмоции вы испытали, когда поняли, что ваш труд оценен по достоинству? И, если не секрет, что вы сказали президенту после того, как он вручил вам столь почетную награду?

— Звание народного артиста действительно очень почетно, но это одновременно и своеобразное бремя, за которое нужно отвечать. Ты становишься примером для подражания, авторитетом, специалистом в своей области, к которому прислушиваются, а это, в свою очередь, большая ответственность, которую ты несешь перед людьми и своим ремеслом.

— И все-таки, что вы сказали президенту?

— Вы знаете, многие журналисты спрашивают меня, потому что это необычный эпизод. Я был в очень сложной ситуации, если честно. Когда нас с братом назначили руководить Большим московским цирком, мы определили план его развития на годы вперед с коллективом (а это больше сотни человек) и с многомиллионной аудиторией, ведь московский цирк — это

флагман всего циркового искусства России. Но в то время здание цирка было достаточно ветхое и разрушенное, не соответствующее его статусу. Оно требовало глобальной реконструкции. Сделав экономические подсчеты, мы с братом поняли, что нам собственной жизни не хватит, чтобы восстановить здание своими силами. И мы начали обращаться к вышестоящим руководителям, объясняли, что цирк требует реконструкции. Но нам сверху сказа-

ли: «Ребята, даже не мечтайте! Единственный, кто может повлиять на ситуацию и сдвинуть ее с места — это только президент!» Мы с братом посмеялись, мол, ну, встреча с президентом нам в ближайшее время точно не грозит. А через пару дней после этого вполне официального разговора меня приглашают на церемонию вручения звания народного артиста (Эдгард в это

время отсутствовал). Когда я намекнул, что попробую поговорить с президентом, все покрутили у виска, мол, это церемония награждения, там нет возможности поговорить с президентом, она носит номинальный характер. Но я настолько дорожил цирком, что решил все-таки попробовать. На церемонии вручения, когда президент жал мне руку, я вцепился в него и сказал на ухо: «Владимир Владимирович, нам надо поговорить!» Он, конечно, не ожидал этого, но я вел себя вежливо и уважительно. А после завершения мероприятия мне сказали: «Владимир Владимирович вас ждет!» Разговор наш получился весьма конструктивным. Это во многом нам помогло, и мы очень благодарны Владимиру Владимировичу.

— Я знаю, что вы с братом поголовно называли львов и тигров в честь эстрадных певцов. А какую музыку лично вы, Аскольд Запашный, предпочитаете слушать? И не хотите ли записать сольный альбом?

— К счастью многих наших поклонников и поклонников цирка, нет, не хочу! Мы с братом ужасно поем, оба. Я хотя и очень творческий человек, но прекрасно понимаю, что творчеством нужно людей радовать, а не пытаться. Записывать какие-то альбомы, просто исходя из своих амбиций, это неправильно. А касательно моих музыкальных предпочтений — я называю себя «всеяд-

ным». Просто люблю качественную музыку. Я могу с удовольствием послушать классику и, параллельно, люблю рок. Но с детства, да и сейчас, считаю себя фанатом Майкла Джексона. Вот он для меня всегда был богом музыки.

А в целом, выбор зависит от душевного состояния, и, конечно, сама музыка является творческим стимулятором. Когда хочу что-то придумать, включаю ее, и она наталкивает меня на какие-то образы и интересные решения.

— Вас с братом часто воспринимают как единое целое. Не возникают ли у вас мысли уйти в сольный парад-алле?

— Нет, ни в коем случае! Я считаю себя безумно счастливым человеком. Почему? Потому что вспоминаю отца, который всегда говорил: «Ребята, помните, ваша сила в единстве!» Сначала это были просто слоганы, а потом я понял, что мы с братом — единое целое, он — человек, который меня дополняет. Все недостатки, которые есть у меня, он покрывает, и наоборот. Он человек, на которого я могу положиться, который всегда за меня вступится, спасет мою жизнь, и я сделаю абсолютно все то же самое ради него. Вообще, все родные, которые оказались со мной рядом в цирке — мама, брат, другие родственники, — это большое счастье, и его нужно ценить. Мы очень хорошо знаем способности друг друга, у нас грамотное распределение труда, никто никому не мешает,

и каждый может реализовывать свои творческие амбиции, избегая конфликтов.

— А как вы познакомились со своей будущей супругой Элен?

— Мой цирковой коллега и друг Андрей был женат на близкой подруге моей будущей жены. Элен в то время училась в Минске, и они компанией пришли на представление. Она показалась мне такой яркой девчонкой, что я попросил друга познакомить меня с ней. Какое-то время она не хотела со мной знакомиться, а потом сдалась!

— И подарила вам двух чудесных дочек. Они с самого раннего возраста выходили на манеж. Как вы, Аскольд Вальтерович, прививали любовь своим детям к цирковому искусству?

— Они сейчас как раз работают главными персонажами в проекте «История», о котором я говорил. Впервые на манеже играют на роялях, так как уже много лет учатся игре на фортепиано. Ну и, в том числе, осваивают цирковые жанры. Я стараюсь постоянно их задействовать в разных спектаклях, они уже работали с полноценными цирковыми номерами. Цирк их в себя влюбил, и я стараюсь эту любовь подкреплять. Любовь к цирку привита, а дальше стоит задача вырастить не просто детей Аскольда Запашного, а сделать из них настоящих цирковых профессионалов.

— Как поживает звезда экранов, тигр Рикки, которого «усыновил» и одомашнил ваш брат?

— Сегодня мы как раз проводили очередную открытую репетицию на манеже Большого московского цирка. Это такой формат выступления, когда мы одновременно общаемся со зрителями, отвечаем на вопросы, показываем закулисы цирка, эпизоды репетиций и так далее. И как раз про Рикки мы тоже рассказывали. Недавно он пытался укунить брата за колено, слава богу, ничего не получилось. А так — жив-здоров, очень интересный парень! Мы надеялись, что он станет вторым Мартином. У нас был гениальный тигр по кличке Мартин, совершенно уникальный, которого до сих пор все вспоминают, всеобщий любимец — тигр, который никогда не проявлял агрессию. Мы его называли Мартином в честь Рикки Мартина, и потом, уже следующего тигра, который подавал надежды, что тоже станет ручным, мы назвали Рикки. Но, тем не менее, Рикки — это не Мартин! Да, Рикки ручной тигр, ласковый, позволяет вывести себя за пределы цирка на поводке, прийти на какую-то телевизионную передачу. Но он совсем не простой, может и агрессию проявлять, никогда не знаешь, чего от него ждать. И все равно на фоне других тигров он является любимчиком. Потому что, когда ты общаешься с опасным животным и можешь позволить себе чмокнуть его в сопливый нос, погладить, это сильно импонирует. Словом, мы

с братом его безумно любим.

— А вы познакомили с ним своих дочек?

— Я как профессионал всегда говорю, что животных нельзя очеловечивать. Хищник — это хищник. Он всегда может напасть, покалечить и убить, а дети для него — это мишень и добыча. Животные быстро определяют по языку тела, кто сильный, кто слабый, и играть с этим нельзя. Я и коллегам своим часто говорю: не стоит испытывать судьбу, ребенок и хищник должны держаться на расстоянии.

— Ваш цирк — это бренд России. Поделитесь опытом, как сохранять, да еще и преумножать цирковое мастерство нашей страны?

— В первую очередь нужно любить и уважать свою работу. В этом преимущество цирковой индустрии. Здесь работают только фанаты своего дела, для которых цирк — это не ремесло, а посвящение. Люди, готовые денно

и ночью проводить время за оттачиванием мастерства. Если сейчас меня вызовут на работу, я буду готов остаться там даже на ночь. Весь секрет в искренней любви к своему делу. Для того, чтобы быть успешным в цирке и следовать ожиданиям, нужно быть ответственным перед самим собой и своим колоссальным трудом. И ты делаешь это просто для того, чтобы было здорово! Делаешь это для своих детей, для своих зрителей, для будущего цирка. Добросовестность и полная отдача себя — это и есть залог успеха.

— Расскажите, пожалуйста, о вашем зимнем спектакле «Больше-Меньше».

Какие сюрпризы ожидают зрителей, которые заглянут на новогодний огонек в цирк на Вернадского?

— Мы не ограничиваемся только проектом «Больше-Меньше», потому что всю жизнь пытаемся чем-то удивлять и экспериментировать. И, конечно, на технический формат очень сильно повлияла пандемия. Когда в действие вступили ограничительные меры, и мы поняли, что не можем сделать спектакль на том уровне, к которому уже привык зритель, то решили в качестве эксперимента работать на площадке Большого московского цирка. Не нужно затрачиваться на аренду помещения, декорации и технические моменты, все и так уже есть в цирке. И это большая экономия средств, которые можно пустить на творчество. У нас до сих пор нет понимания того, какое количество публики к нам может прийти в связи с ограничительными мерами, но мы в первую очередь стараемся сделать качественные спектакли. Их будет два: один — чисто новогоднее представление «По щучьему велению», а второй эксперимент — что-то вроде репертуарного театра, рассчитанный на молодежную аудиторию. И на фоне всего этого — спектакль «Больше-Меньше» как игра с размерами. Хотим показать микро- и макромир, когда мы как будто бы уменьшаем человека и в необычной атмосфере показываем цирковые номера: взаимодействуем с большими предметами.

— И самый последний и животрепещущий вопрос для всех граждан России и мира — как вы считаете, для чего нам всем, с философской точки зрения, дан этот непростой «самоизоляционный» период времени?

— Я думаю, здесь не нужно рассуждать с точки зрения какого-то божественного вмешательства. Мне кажется, это такой катаклизм, такая беда, которую нужно правильно воспринимать. Отец учил нас с братом: любые трудности нужно преодолевать, делать правильные выводы и использовать во благо. Я не ощущаю пандемию как какую-то беду, а пытаюсь делать выводы и понять, как жить в такой ситуации. Да, это событие эпохальное, и для многих семей фатальное. Я всем людям хочу пожелать мыслить позитивно, и всем близким и родным тех, кто будет читать это интервью, дай Бог крепкого здоровья! Жизнь — это единственная невозполнимая материя, которую нужно ценить, дорожить и уметь ею наслаждаться, брать от нее все и оставлять после себя след для детей и родных, чтобы им легче жилось.

А еще в преддверии новогодних праздников хочу поздравить всех читателей «Смены» и всех россиян с наступающим Новым годом! Дорогие друзья, счастья вам, удачи, улыбайтесь чаще и — приходите к нам в цирк! □

Беседовала **Александра Бушева**

Фото предоставлено пресс-службой
Московского цирка

Иван Переверзин

***

Ты вновь обиделась и грубо
В сердцах сказала: уходи!
Истерика скривила губы,
Усиливалась боль в груди.

Но я не уходил, тогда ты
Ушла сама, куда глядят
Глаза в косых лучах заката,
Лишь ветром распахнуло плат.

Опомнившись, в мороз без шапки
Я выбежал и поспешил
Найти тебя на танцплощадке,
Задутой снегом до перил.

Ты плакала... И все ж за плечи
Себя позволила обнять.
И сразу стало как-то легче
Мне стылým воздухом дышать.

Вернулись в дом, уже не зная,
Кто виноват из нас двоих.
О, жизнь, какая-никакая,
Не обижай детей своих!

***

Не любишь? Не люби! Но и не мучай,
А горькою душой, на всякий случай,
Забудь, а может, даже и запей,
Словно изжогу содовой водой,
Ведь если я пока что не герой,
То вдохновенно золотой Орфей!

Под сводом ярких, плазменных небес
Все опадаю чувствами, как лес
Листою пожелтевшей, обветшалой,
Не потому, что старым становлюсь,
А потому, что за тот мир боюсь,
Где ни тепла, ни света не осталось...

Но ты свой выбор сделала, его
Приму я до конца, скорей всего,
Как человек, исполненный участья...
И на прощанье вечное в мольбе
Я попрошу, чтоб только по судьбе
Ты жить могла и ведро, и в ненастье.

ЧУДО

Звезда в час утренний погасла,
Зато рассвет горит, горит!
Любимая, на свете ясном
Душа к одной тебе летит!

Восторгом солнечным пылая
От красоты полей и рек,
Не зря мы в середине мая
Счастливо встретимся навек.

Точь-в-точь, как высоко мечталось,
Продолжим вместе жизни путь,
где нас не победит усталость,
Не испугает смерти жуть.

Но разом почернеют дали,
Когда мы вдруг сойдем с пути,
Друг другу выдохнув в печали
Свое последнее «прости...»

Но нас на свете не забудут,
Поскольку нам дано судьбой
Везде нести любовь, как чудо,
И верить в чудо, как в любовь.

***

Не поддался зряшным эмоциям,
Хоть и сиротой страдал от потерь,
И вновь жизнь беру не по порциям,
А всю разом, сполна теперь.

Ну а ты поступаешь отвратно,
Что ни слово — то в горький крик!
Словно я у любви безвозвратно
До конца своих дней должник...

Опечалюсь, не знаю, что делать,
Ведь поставил я жизнь на тебя,
В ту далекую девочку в белом
Платье, мокрым слегка от дождя.

И никто мне, никто не подскажет,
Будто напрочь в безлюдье живу,
Будто звезды небес не на страже
Чувств, рожденных петью наяву.

Запахну свою душу, как в шубу,
В силу воли, да к птицам сбегу,
Слушать их, золотых однолюбов,
Я без счастья вовек не смогу...

И к великой радости, что мне
Как-то неуютно на просторе.
Только к жизни возвращусь вполне,
Зазвучу сильнее в общем хоре.

Звездная гирлянда, запах роз,
Тишина, и чистый влажный воздух.
Не могу поверить, что без слез
Слышу птиц и ясно вижу звезды.

***

Ноябрь долгожданный наступил,
И хорошо, ведь снегом серебристым
Накроет землю, чтоб в порыве сил
Помчался я на лыжах быстрых!

Ударит сердце в колокол груди,
Дыханье полно загрохочет жестью.
И мне опять созвездья впереди
Засветят с голубой луною вместе.

Какое счастье вдохновенно жить,
Движеньем улаждая дух и тело,
Как будто можно прошлое забыть,
В котором не одна душа сгорела...

***

Мой новый век, как зверь, безжалостно свиреп,
Навряд ли сосчитать погибших в нем судеб!
И сколько бы по ним не плакал я душой,
Не станет меньше боль, рожденная бедой.
Тем боле, между злом и добротой борьба
Всегда жестока в край, до мерзости слепа!
В грусть думаю порой, чтоб с жаждой бытия
В конце концов навек не сгинул в бездне я.
Нет, я не стал слабей от боли злой в крови,
Но очень страшно жить вне счастья и любви!

***

Что впредь я хочу от жизни этой —
Счастья, надежды, покоя, тепла?
Только от милой моей ответа:
«Любовь к тебе чиста и светла!»

Все остальное добром возьму я,
А коль не получится, то в бою
Отвагой, с которой, душой ликуя,
Провижу свет и на гиблом краю.

А ждать от жизни подарков глупо,
Вернее, зряшно, ведь ныне она
Служит тому, в ком ярая тупость
Да злая наглость на все времена.

***

Воюем. С кем? Увы, с судьбой!
Ну что мы, братцы, за народ —
Упрямо жертвуем собой,
А для чего? Мысль не сечет.

Но кровь вскипает, как река,
Уж по колено в ней стоим!
Как будто мрази на века,
А не себе принадлежим!

Слепцы? Упрямыцы? Дураки?
Те и другие, черт возьми!
Но сердцем верю все-таки,
Что станем мудрыми людьми.

А как? И главное — когда?
О, сходу не ответить мне.
Неужто и мой дух вражда
Объяла тьмой, и грудь в огне?!..

СУДЬБА СЛАВЯН

И опять я должен, как таран,
Волей прошибать глухие стены.
О, судьба тревожная славян! –
Ножиком порезанные вены.

Тяжко жить, аж хочется рыдать.
И рыдаю про себя душою.
Только, если честно рассуждать,
То не так уж мало нынче стою.

Дом срубил, поднял двух дочерей,
И пишу стихи завидной силы.
Коли духом падал, то, скорей,
Оттого, что вдруг терял Россию.

Но всегда, как Феникс из огня
Восставал я из своей печали,
Только ныне, братья, за меня
Вам бояться надлежит едва ли.

Порыдаю про себя, да вновь
Встану в рост, легко расправлю плечи.
Пусть огнем вскипает в венах кровь,
Как в разгаре порубежной сечи.

А все злые стены из вранья
Прошибу я на единой воле,
Ведь за ними волнами жнивья
Ходит моей вечной жизни поле.

***

От дикой боли сердце в плаче,
Но сам собой встает вопрос:
Неужто я вконец потрачен,
И жизнь моя не стоит слез?

Но отвечать себе не буду,
Поскольку в этом смысла нет,
Ведь не верну я даже чудом
Ни стылых зим, ни жарких лет.

Дожить бы как-нибудь остаток,
Неважно, дней или часов,
Чтоб взор любви был снова сладок!
Чтоб вновь запеть в краю дроздов!

И этого вполне мне хватит
Жизнь за награду принимать,
Хотя сейчас лежу в кровати,
И даже не пытаюсь встать...

***

Как надоело все, ну, напрочь надоело!
А надо ведь жить дальше — о-го-го!
Причем, светло, порывисто и смело
Не только за себя, но так же за того,
Кто духом пал почти у самой цели,
Но, может быть, еще восстанет, коль
Поверит до конца, что в самом деле
Не счастье суть грядущего, а боль.

Я сам всечастью убеждаюсь в этом,
Поскольку бьют меня со всех сторон,
То вражья клевета, то чувство без ответа,
То злое карканье взбесившихся ворон.
Да воли мне не занимать с рожденья.
Ведь я всю жизнь ее крепил умело...
И наплевать, что говорю в смятенье:
Как надоело все, ну, напрочь надоело!

***

И снова путь на гору строгий
И в стужу, и в палящий зной,
Где если не помогут боги,
То сникнет даже сам герой.

Я за своих богов спокоен,
Не раз им жертвы приносил,
И потому в любви не волен,
Но в Божьей воле полон сил.

Орлы каким-то чудом знают,
Что я снесу, как крест, беду,
Все выше надо мной летают,
Как бы не видя, что иду.

Но я кричу: эй, чудо-птицы,
Благодарю вас за прием!..
Чем круче сердце станет биться,
Тем веселей возьму подъем.

И пот с меня течет ручьями,
Жжет ссадины, слепит глаза.
И раскаленный зноем камень
Готов взорваться, как гроза.

Вдруг слабость не охватит дрожью,
Ведь духом я своим, считай,
Каленой, бранной стали тверже,
И сил еще хоть отбавляй!

Алексей Конкин — ведущий солист и заместитель директора в театре классического балета «Moscow State Ballet» под руководством Людмилы Титовой. Лауреат международных конкурсов солистов балета. Он работал и в «Русском балете» под руководством В. Гордеева, и в Театре классического балета под руководством В. Василева и Н. Касаткиной, его приглашали исполнить партии и в Большой театр. Поклонникам балетного искусства наверняка запомнились спектакли с его участием: «Спартак», «Жизель», «Лебединое озеро», «Кармен», «Ромео и Джульетта», «Щелкунчик».

К Алексею Конкину

«Наша профессия воспитывает в человеке множество хороших качеств»

Фото
из личного
архива

— Алексей, как вы пришли в балетную профессию?

— Я родом из Нижнего Новгорода, моя семья не имеет отношения

к балету, в пять лет мама отдала меня на танцы, так как я рос очень активным ребенком — для выхода, так сказать, избытка энергии. Вообще,

в детстве много чем занимался: и плаванием, и карате, но выбрал я, конечно, танец. Два раза в неделю занимался в замечательном коллективе «Волжские узоры» под руководством Галины Николаевны Прохоровой — это время вспоминаю с теплотой и любовью.

Поступил в десять лет в Пермское хореографическое училище и по окончании, в 2004 году, начал работать в «Русском балете» под руководством Вячеслава Гордеева, потом был ведущим солистом в «Израиль-балете», в Тель-Авиве, решив попробовать пора-

Танцевал в театре «Балет Москва», в «Классическом балете» под руководством Касаткиной-Василева.

Работал по контракту в Большом театре России, в Центре балета Анастасии Волочковой. А с 2016 года являюсь ведущим солистом и заместителем директора в театре классического балета «Moscov State Ballet» под руководством Людмилы Титовой.

— Алексей, есть ли любимые партии, которые особенно нравятся танцевать?

ботать за рубежом, но понял, что нужно возвращаться, потому что классический балет — это, конечно, Россия.

— Это Красс в «Спартаке», и неважно, в какой редакции этого балета, их существует несколько, сам балет «Спартак» масштабен и пре-

красен! Много замечательных дуэтов, подъемов партнерши, много ярких эмоций.

Помимо Красса мне нравится исполнять характерные партии: это Ротбарт — злой волшебник в «Лебедином озере», Кашей в «Жар-Птице», Мачеха в «Золушке»...

Классические принцы все очень строго каноничны, исполняя их, ты можешь показать все свое мастерство, но никак не палитру эмоций. Это мое мнение.

— Правда ли, что артист балета поднимает не вес, а характер балерины?

— Это так. Если балерина по каким-то причинам не хочет сегодня напрягаться, скажем, настроение у нее такое, тогда бывает тяжело.

А бывает и невероятно легко, когда партнерша «разбежится» к тебе, как говорится, на «крыльях любви», и тогда абсолютно любая поддержка готова.

— Кто из балетных педагогов вас вел по жизни?

— В Театре классического балета под руководством Касаткиной-Василева моим педагогом был Ильгиз Галимуллин, поскольку сам он ведущий артист балета, то все объясняет доступно и четко. Прекрасный, доброжелательный педагог, умеющий показать артисту то или иное движение, подстроив его под твоё тело, чтобы не было травм, и умеющий показать, как нужно сделать так, чтобы все было убедительно при исполнении балетной партии. В балете есть набор стандартных движений, которые можно заменить другими, похожими. Какое больше тебе подходит — решает педагог. Галимуллин в правильном ключе подходит к артисту.

Гедиминас Таранда, яркий, характерный танцовщик, тоже очень хорошо умеет объяснить артисту его роль и направить в нужное русло. Я ему тоже очень благодарен.

Всегда очень важно, кто твой педагог, потому что со своими неправильными советами он может покалечить артиста, а хороший педагог, напротив, может сделать из артиста звезду.

Я сам уже начал преподавать, и мне нравится пробовать себя в новом качестве.

— Много ли сегодня артистов балета высокого роста?

— Артисты балета с ростом метр девяносто уже давно не редкость, да и женщин много высоких. Началось все с Ульяны Лопаткиной, Анастасии Волочковой. Кстати, Настя — моя бывшая партнерша, мы танцевали вместе, так что высоких артистов балета немало. Согласитесь, это эстетично, красиво.

— Я слышала, что полезно бывает заниматься классом с утяжелителями на руках и ногах?

— Это действительно полезно. Я так занимаюсь классом, чтобы не быть тяжелым, «вязким», чтобы была резкость в движениях, легкость.

— Вы много путешествовали, есть ли места, куда хотелось бы вернуться?

— Наша профессия прекрасна и тем, что артисты балета, еще с советских времен, как и дипломаты, перемещались по всему миру и видели немало стран. В то время это был огромный стимул для поступления в хореографическое училище, ведь артист балета — это человек мира.

Хотелось бы вернуться на Маврикий, в Китай, мне нравится Шанхай — культурная столица, кроме того, это совсем другая планета: город с пятиярусными дорогами, невероятными небоскребами... Мексика — очень колоритная страна. Бразилия, вся утопающая в насыщенных красках, в изумрудной зелени, вся в яркой, сказочной флоре. В каждой стране есть своя прелесть.

Не был я на Аляске, в Австралии, в Японии — хотелось бы побывать там.

А в наше непростое время, как никогда, хочется на гастроли!

— Алексей, если ребенок хочет идти в вашу профессию, какими качествами ему надо обладать, к чему быть готовым?

— Никогда не лениться. Быть целеустремленным, аккуратным, пунктуальным, трудолюбивым. Каждый день ребенок встает в шесть-семь утра и идет на занятия. Балет, по сути дела, — это нелегкий спорт с элементами театра. Как объяснить обычному человеку, что чувствует артист во время спектакля? Это надо предста-

вить себе, что ты бежишь с первого этажа на двадцатый, при этом твои движения должны быть красивыми, легкими, ты должен улыбаться, а сверху, с десятого этажа, тебе садится на плечи партнерша, и ты должен с улыбкой бежать наверх.

Наша профессия воспитывает в человеке множество хороших качеств.

Сегодня, увы, встречаются выпускники, начинающие свой путь артисты, которые приходят в театр и не до конца понимают суть нашей профессии. Это я уже как педагог и администратор говорю.

— Когда выпадает свободное время, чем вы любите заниматься?

— Люблю строить, сажать на даче растения, копать землю в огороде — мне нравится делать какие-то простые, бытовые вещи. В свободное время с удовольствием еду на дачу, что-то там мастерю, ремонтирую, строю своими руками.

Обожаю готовить разнообразные блюда — это моя страсть.

— Какие люди вам импонируют в жизни?

— Честные. Мне нравятся люди, которые не играют на публику. Когда театральщину привносят в жизнь — это я категорически не люблю. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Фото из личного архива

Итоги конкурса «Близкие люди»

Дорогие читатели!

Спасибо всем, кто принял участие в нашем конкурсе. Мы рады, что количество участников несколько не уменьшилось, и что, несмотря на сложности этого года, наш читатель продолжает сохранять в душе любовь, понимание и теплоту к близким людям. В конкурсе приняло участие более тысячи человек, а победителями стали:

1-е место — Олег Визер, республика Татарстан, г. Мензелинск, рассказ «Прочитай и почитай»

2-е место — Дмитрий Григорьев, г. Калининград, рассказ «Сын браконьера»

3-е место — Михаил Смирнов, республика Башкортостан, г. Салават, рассказ «Сердце матери»

Удачи, счастья и здоровья в Новом году!

1-е место

Олег Визер

Прочитай и почитай!

«В целом дети любят родителей меньше, чем родители детей, ибо они идут навстречу самостоятельности и крепнут, оставляют, следовательно, родителей за собою, между тем как родители обладают в них объективной предметностью своей же связи».

Г. Гегель

С чувством стыда я постучал в парадную дверь. Соседка Лидия Матвеевна — в детстве мы называли ее «тетя Лида» — открыла массивную дубовую

дверь и с укоризной посмотрела на меня. Я поздоровался, но она не ответила, а молча протянула средних размеров запечатанный почтовый конверт с единственной надписью «Славе», написанной почерком отца, и ключи от родительского дома. При этом взгляд ее был не то чтобы осуждающий, а недобрый и, я бы сказал, презрительный. Вручила — и сразу закрыла дверь.

Повертев в руке бежевый конверт, я нервно шмыгнул носом и ухмыльнулся, как бы в оправдание сложившейся неловкой ситуации: соседка, которую я знал с раннего детства, даже не пожелала со мной поздороваться и с пренебрежением захлопнула передо мной дверь, не сказав ни слова (а ведь мы не виделись, дай Бог памяти, лет пятнадцать-двадцать). Но такое ее поведение особого удивления у меня не вызвало: конечно же, я понимал, почему она так отнеслась ко мне. Но все равно осадок оставался неприятный: мы же всегда надеемся, что нас поймут и простят, ну, хотя бы не сразу закроют дверь перед носом.

Чувствуя спиной взгляд тети Лиды, наблюдавшей за мной из окна, я по-нурно побрел в сторону моего отчего дома, который находился через дорогу напротив.

Мельком глянув по сторонам, я отметил: как же время изменило все вокруг до неузнаваемости: дома, выкрашенные в яркие цвета, стали выглядеть праздничными; деревья, когда-то молодые, выросли вдесятеро, и все кругом утопало в зелени, полностью изменяя тот пейзаж и ландшафт, который был запечатлен в моей памяти с детства. Дом я узнал не сразу: отец сделал пристройку там, где раньше, помню, находился мамин палисадник. Крышу дома покрывал не грязно-серый шифер, а современная металлочерепица бордового цвета; стены выкрашены светло-зеленой краской, а раньше были побелены.. И почти ничего не осталось от прошлого, лишь знакомый запах хвойных деревьев заповедника Пышминского бора и запах застоялой воды в озере Ургинское, от которого, как и от реки Пышмы, привычно тянуло водорослями и рыбой, оставались неизменными. Да еще, как напоминание о прошлом, во дворе остались висеть качели, привязанные к толстой ветви старого дуба, разросшегося до огромных размеров; крона великана накрывала собой половину крыши, а петлей перекинутая через ветвь шпагатная веревка давно вросла в породу и впилась в древесину так, что утонула в ней полностью. Я с грустью смотрел на покачивающиеся на ветру качели: родители оставили их, потому что мечтали о том, как на них будут качаться внуки.

Постояв в нерешительности на пороге, приняв себя к знакомым запахам, я все же решился войти, хотя желания заходить в пустующий дом, в котором никогда больше не услышу задорного голоса отца, болеющего перед телевизором за любимую хоккейную команду, и веселого подпевания мамы на кухне, у меня не было. И, тем не менее, волнуясь, я провернул ключ в замке и открыл дверь. В нос ударил запах старости, запах моих

стариков, моих родителей, и я принял его как должное, необходимое и то единственное и последнее, что осталось от отца и матери.

Пока ехал сюда, приготовил множество вопросов, которые хотел задать тете Лиде и расспросить ее обо всем подробно, но... сейчас вспомнил про конверт, который держал в руке, — отец что-то написал мне, и, возможно, ответы я найду в письме, когда прочту.

Я вошел в спальню. Кровать аккуратно заправлена и накрыта пледом, поверх которого строгими прямоугольниками лежали две подушки в белоснежных наволочках. Напротив, у окна, стоял письменный стол, и я, сев за него, быстро вскрыл конверт. Кроме нескольких исписанных тетрадных листов в клеточку, сложенных вдвое, в нем ничего не было. Я поднес их к лицу и принюхался: они пахли отцом. Не старостью, а именно отцом. Я тягостно вздохнул и начал читать:

«Привет, Славик!

Если читаешь, значит, добрался-таки, сорванец эдакий, до своих...

Впервые за сорок с лишним лет я почувствовал, как по щеке поползла, щекоча, слеза, потом другая, третья, четвертая, пятая... И я заплакал как в детстве, навзрыд. Мой батя! Он так в детстве меня называл: сорванец эдакий. И он простил меня...

...стариков. Хотя точнее будет: до того, что от них осталось. Ну да ладно, лучше поздно, чем никогда.

Ты же знаешь, Славик, не люблю я писаниной заниматься. Просто по-прощаться захотел, по-мужски, знаешь ли. Ничего особенного не скажу, просто вкратце опишу наши последние дни. Поделиться хочется, сынок, просто высказаться. Может, какой прок в этом будет. Кладов мы тебе не оставляем, не нажили, не магнаты, но, может, что ценное для себя ты найдешь в моей писанине.

Не думаю, что ты знаешь, но мы подсчитали тут с матерью некоторые цифры, слушай сюда. Значит: ты уехал от нас ровно... (сейчас добавлю вчерашний и сегодняшний дни) ровно 8.178 дней назад. Это 22 года плюс 113 дней. Впечатляет, не правда ли?..

Я с ужасом уставился на цифру «22» и шепотом повторил ее. Две двойки зловещими символами смотрели на меня. Двадцать два! Господи! Двадцать два года! Мое сердце замерло от осознания такого долгого периода времени, такого огромного количества лет, которое я отсутствовал дома и не виделся с родителями. Стыд и страх овладели мной. Внезапно появившееся желание вернуть время обратно — все двадцать два года плюс сто тринадцать дней, и как можно скорее, — острым горем разрезали мое сердце пополам. Я тихо простонал, понимая несбыточность своего желания, невозможность сию минуту исправить положение и повернуть жизнь вспять, чтобы вычеркнуть хотя бы половину суммы от этой устрашающей

цифры «22», и приехать к родителям, обрадовать их своим появлением, загладить вину...

...Когда ты уехал, Слава, мы и не думали, что так надолго ты исчезнешь. Но мы радовались твоим успехам, болели за тебя, молились, чтобы у тебя складывалось все хорошо. Мама всегда тобой гордилась и всем хвастала, какой ты у нас смысленый. Но в то время мы еженедельно, а то и чаще, но хотя бы перезванивались, и благодаря телефону казалось, что ты где-то рядом с нами. С каждым месяцем мы скучали по тебе все сильнее и сильнее. Особенно мама болезненно переносила разлуку с тобой. А я как мужчина понимал тебя: молодость, работа, карьера, деньги, город, девочки... Я-то знал: когда сорванец наш насытится свободой, нагуляется, когда повзрослеет и остепенится, тут же приедет к своим старикам. Женщины разве могут это понять? Мать, я же видел, уже на втором году твоего отсутствия все чаще и чаще тайком поглядывала в окно, и, если мимо проезжала какая машина, особенно нездешняя, сразу спешила на порог посмотреть, не ты ли приехал. Часто подолгу стояла у окна в раздумьях и, как обычно перед выходными или праздниками, готовила еды на одну порцию больше, рассчитывая на тебя.

Я представил лицо мамы, ее глаза, ее радостные и счастливые глаза; как она выглядывает из окна, услышав звук мотора приближающейся машины, с надеждой на то, что это приехал я. От обиды, что никогда не смогу порадовать ее таким подарком, я со всей силы ударил кулаком по столу — и взвыл. Но не от боли в руке, а от боли в груди...

...Когда ты сообщил и познакомил нас, пусть и по телефону, с Юлией, мы очень обрадовались. Думали: наш сын, наш Слава, наконец-то остепенился и бросил якорь. Для нас это означало, что ты скоро приедешь. Ведь ты должен же был нам с матерью представить свою будущую жену, а потому обязательно приедешь познакомить нас с ней...

Господи праведный, как давно это было! Как я забыл про это?! Как забыл про нее, про Юлю, Господи! Это же было бог знает в каком году, мы не больше двух лет сожительствовали и разошлись навсегда. Я даже лица ее не помню! Как же быстро мы живем ...

...А может, и с ее родителями, — знаешь, как полагается, как принято: знакомят с родителями невесты. Но ты продолжал уклоняться от ответов и ничего не говорил о дате приезда, ссылаясь на занятость и подготовку к свадьбе, на деньги, которые якобы необходимо накопить для этого случая...

«Якобы» — эта частица, выражающая сомнение, значением которой отец подчеркнул свою неуверенность в правдивости моих слов, покорила меня.

...Мы понимали тебя, сынок. Мы все равно ждали тебя и понимали. Это же не то, что у нас тут — размеренная сельская жизнь. Ты ведь живешь

в большом городе, как-никак, где деньги значат больше, чем... В общем, шли годы, мы тосковали без тебя, продолжая ждать и любить тебя.

Славик, ты знаешь... сейчас поделюсь с тобой, теперь уж можно...

Прости, сынок, плохо себя чувствую, приму лекарства и сразу вернусь. Я сейчас...

Так, порядок. Ты знаешь, Слав, твоя мама как-то в те годы, помню, ходила сама не своя несколько дней подряд: задумчивая какая-то, сама на себя не похожая, вижу, думает над чем-то, но молчит, не говорит ничего. Посчитал, что по тебе тоскует. И вот как-то одним осенним вечером подходит ко мне и ка-а-ак ошарашит вопросом, я аж поперхнулся. Не хочешь ли, спрашивает, ребеночка завести? Представляешь, Слав? Говорит, что вот, мол, Славик вдалеке, а так у нас еще сынок будет или доченька. И заплакала старуха, в платок лицо спрятала. Да я и сам чуть не заревел, так жалко стало ее. В общем, успокоил я мать, посмеялись мы над собой, да так и осталась эта затея неосуществленной: нам же почти по полвека от роду было, уж в какие там «дочки-матери» нам было играть! На том и позабыли об этом, и продолжали жить для тебя...

Ну как, как я мог не думать о том, что меня нет рядом с родителями целую вечность?! Как же я мог не понимать, не считать это важным и обязательным?..

...Но ты не приезжал. И что было больнее всего — ты даже не планировал свой приезд. И о Юлии не говорил, и о свадьбе молчал. Мы сначала думали, что вы решили пожить пока так, не расписываясь, как это модно сейчас. Но надежда в нас не угасала даже тогда, когда ты стал звонить нам один-два раза в месяц вместо прежних десяти-пятнадцати. Мы верили, что ты станешь богатым на своей работе в Москве, и тогда у тебя появится больше свободного времени, чтобы позволить себе отпуск и не думать о деньгах, и ты наведишь нас. А еще мы очень надеялись, что Юлия беременна, и постоянно подсчитывали недели ее беременности, ожидая предполагаемую дату рождения нашего внука... или внучки. Затем, когда дата проходила, а ты все молчал, добавляли пару месяцев, чтобы воображаемый наш внучек вроде как окреп немного, подрос, и вы всей семьей приехали бы к нам. Но родись у вас ребенок, Славик, мы и сами примчались бы к вам. Только бы родился... И только бы знали, куда ехать-то. Ты же менял квартиры, помнишь, как перчатки, и последние места твоего обитания мы уже и не знали. Да ты и не сообщал больше, ссылаясь на «потом сообщу, когда обоснуюсь».

А потом ты стал звонить нам только по праздникам или чтобы поздравить с днем рождения. И все чаще был краток и несловоохотлив. Мы не успевали даже расспросить тебя обо всем. Ничего не знали о твоей работе: где ты и что делаешь, чем увлекаешься. Как сказал нам еще вначале, что работаешь в крупной компании, связанной с недвижимостью, но кем и чем

в ней занимаешься, так и не уточнил. Хорошо, что фотографию тогда свою прислал, а то бы мы и представить себе не смогли, какой ты у нас стал.

Конечно же, мы всегда радовались твоим поздравительным открыткам. Даже Прохор, почтальон (ты его не знаешь, не застал), знал, с каким нетерпением мы ждем от тебя весточки. Он радовался вместе с нами и заранее сигналил, подъезжая к дому, когда вез письмо или открытку от тебя. Мама сохранила все твои письма и открытки, они в шкафу, в нижнем ящике. Они — письма — всегда теплее были, чем эти короткие холодные звонки. Но прогресс постепенно вытесняет почтовую связь — нынче все пользуются мобильными телефонами.

Последний раз ты поздравил нас с Рождеством, плюс-минус...

Я почувствовал, как огнем горят мои щеки... от стыда и позора за мое равнодушие и черствость, за мой эгоизм и бездушность...

...один день — это 6018 дней, или 16 лет назад. Мы так привыкли получать твои поздравления, что еще долгие годы продолжали заглядывать в почтовый ящик, надеясь обнаружить в нем весточку от тебя. Даже после праздников продолжали верить, что получим письмо позже, допуская, что оно могло задержаться в пути.

Прохор вскоре перестал подавать нам сигналы в начале улицы, когда развозил почту на велосипеде...

Что ж, оставались хоть «встречи», так сказать, по телефону. И пусть с каждым годом ты звонил все реже и реже, но, тем не менее, хоть какая-то радость и успокоение от этого общения для нас, несомненно, оставались.

Годы шли, мы старели. Наши мечты понынчуться с внуками таяли с каждым годом. Мы понимали: еще немного, и приехать к тебе будем уже не в силах.

Лет семь назад мама серьезно заболела. Это произошло примерно в то время, когда ты позвонил нам в последний раз, когда, помнишь, рассказал нам про контракт с японцами, про тоннельный проект, в котором ты будешь участвовать на Сахалине. И как только вы закончите строительство, ты пообещал, что приедешь к нам, помнишь? Это и был твой последний звонок — 3033 дня назад, или 8 лет. Примерно тогда мать и начала хворать. Мы еще думали, что ты сделаешь нам сюрприз и заскочишь хотя бы на денек в Талицы: тебе же это было бы как раз по пути на Дальний Восток. Но не буду вдаваться в подробности, что беспокоило мать, ты и сам обо всем узнаешь, когда приедешь. Думаю, пусть не на сами похороны, но в ближайшие дни после нашей кончины ты обязательно, сынок, приедешь и сам все узнаешь от нашей соседки, от Лидии Матвеевны. Ты же помнишь тетю Лиду? Как она вас яблочными пирогами, сорванцов, баловала: тебя да друга твоего Жеку, помнишь? Он, кстати, Женька, дипломатом стал, работает при посольстве в одной из арабских стран, во как! Умный малый. Каждый год приезжает к своим...

Короче, мама стала чаще болеть, и с каждым месяцем ей становилось хуже и хуже...

Я не заметил, как сжал уголок листа, а когда разжал кулак, из ладони на стол выпал скомканный и мокрый от пота обрывок бумаги. Я вспомнил этот звонок, и про контракт на строительство тоннеля вспомнил, про который выдумал, чтобы оттянуть время приезда, надеясь, что позже, когда дела мои поправятся, я приеду в родной городишко к родителям с достойным видом удачного человека и сына.

...Мы всем рассказывали, что ты занят на важном для страны проекте — на масштабном строительстве тоннеля, который соединит материк с Сахалином и с японским островом Хоккайдо. Нам мало кто верил, да это и понятно: сколько лет мы не следили за новостями, об этой стройке так никто и не сказал ни слова. Мы решили, что проект по каким-то причинам закрыли. К тому же в то время президент еле страну спас, если помнишь, от дефолта, — какой уж там тоннель. Еще и весь мир на нас взъелся, придумав, как ее, имбрагу... тьфу, ты, и что за слово такое придумали?! Ах, нет... эмбарго, во! Опять вроде как враг объявился в лице американцев, которые подогревали нас своей очередной гонкой вооружений. Вот мы и решили, что твои планы в связи с этим тоже поменялись.

Но мы продолжали ждать тебя, ничего другого нам не оставалось. Тяжело это, знаешь, Слав, жить в ожидании, в неведении. Но мы ждали. И мама ждала тебя, Слава, ждала всегда и до последнего верила и выглядывала в окно... И продолжала делать запасы продуктов к выходным не на двоих, а на троих. Всегда. Пока могла ходить...

Слава, устаю что-то... Сейчас вернусь, я быстро.

Все, я на месте. Итак, на чем я остановился? Ах, да.

Год назад мама совсем слегла: могла самостоятельно сидеть, но больше уже не вставала с кровати и не ходила. Мы вместе с тетей Лидой, дай, Господи, ей долгих лет жизни, ухаживали за ней. Я очень переживал за маму, и поначалу вроде держался, держался, но нервы все-таки сдали: посыпались на меня болячка за болячкой, и сник я совсем.

А где-то месяца два назад подозвала она меня к себе и попросила найти тебя. Как же я найду, господи ты, боже мой, я еле сам держусь на ногах, отвечаю старухе. А она вот что, оказывается, придумала: найми, говорит, детектива, пусть, мол, он найдет тебя и попросит приехать. Хотелось ей, Славику, увидеть тебя перед смертью. Да и я воспылал надеждою встретиться с тобой. Ну, вот я и занялся этим вопросом. Попросил здешнего адвоката, Петровича, помочь нам в поисках тебя. Он и денег-то немного взял за услугу. Так вот, он, в свою очередь, нанял какого-то частного детектива из Екатеринбурга, который, видишь ли, так быстро тебя нашел, что я аж пожалел, что не сделал этого раньше, хотя бы лет пять назад. Оказалось, что обита-

ешь ты в Питере. И так, половина дела была сделана. Оставалось только сообщить тебе. Но просьбу матери я Петровичу не стал озвучивать, а попросил лишь об одном: просто сообщить тебе о нашей с мамой смерти, и как можно скорее после нашей кончины. И добавил пару сотен сверху, дабы не забыл это сделать своевременно.

Только неделю назад я решил поделиться с мамой результатами поиска и рассказал, что ты нашелся и тебе сообщили об ее просьбе...

Мне, читая эти строки, расхотелось жить...

...Сейчас я объясню тебе, сынок, почему я не стал тебя раньше времени подрывать с места и сообщать об умирающей матери, сейчас... Руки устали. Пойду приму лекарства и вернусь, допишу...

... Так, порядок. Я снова в строю.

Это письмо, скорее всего, передаст тебе тетя Лида. Я заранее ее попросил об этом, сказал, что найдет его на столе в нашей комнате и передаст тебе вместе с ключами от дома, когда ты приедешь.

Слава... Славик, прости, я никогда не думал, что придется о таком тебе писать. Я потому и не хотел, чтобы ты приезжал сейчас и застал нас такими никчемными и... старыми. Прости, я сейчас соберусь с мыслями...

... О, стало легче. Принял еще дозу лекарств, будь они прокляты. Все, теперь я смелее.

Славик, прости, что описываю все это, но как есть.

Я вот сижу и пишу все в спальне за столом, за тем дубовым, старым столом, за которым ты выполнял домашние задания, когда учился в школе, помнишь? Теперь он находится в нашей спальне, на нем телевизор стоит, который мама смотрит... прости, я сейчас...

...Я пишу это письмо, пишу с перерывами около часа где-то. Позади меня на кровати лежит мама. Твоя мама, Славик. Твоя мама — моя жена. Мы столько лет прожили вместе, что я жизни без нее не представляю. За 44 года мы никогда не разлучались дольше, чем на день. И вот я пишу тебе, а она... а она два часа назад как умерла, сынок. Ничего не сказала, не просила, не плакала, — а тихо умерла. Я предчувствовал, что на днях это случится, и потому не стал никому ни звонить, ни сообщать. Подсчитал, что по времени успею все сделать: подготовить ее, поправить, переодеть и привести в порядок перед встречей с Господом нашим. И еще успею написать тебе письмо. А затем переодеться и прилечь рядом с ней.

Тетя Лида каждый день приходит к нам около трех после полудня, помогает покормить маму и приготовить ужин. Поэтому у меня еще в запасе есть 42 минуты.

Славик, сынок, как бы там ни было, все хорошо... Жаль, конечно, что мы так и не съездили на рыбалку на Байкал... ну, ничего... Ой, что-то мне... Так,

чувствую, начали действовать таблетки... Пора прощаться, сынок. Пойду-ка, прилягу к маме, а то не успею... плохо мне... через полчаса тетялида...

... внуки похожи на нас, славик?????

... если бы ты бы был бы рядом бы я бы не делал бы этого бы...

... помнишь воздушных дракончиков? мама ждет открытку отошли ей открытку...

... сын... пойду я... плохо мне...

... на озережного рыбы... ты возьми сходи удочки славвв...

... приезжай... сорвнц... эдкий...»

Я долго еще смотрел сквозь слезы на текст письма. Просто тупо смотрел на листок, больше ни о чем не в силах думать. Не хотелось даже шевелиться: казалось, я разбуду родителей, и они проснутся — проснутся в своей кровати позади меня. Я вздрогнул, когда в коридоре послышался скрип половицы. Мне показалось, что кто-то осторожно ходит по дому. Прошло несколько минут — тишина.

Я оглядел дубовый стол, нагнулся и осмотрел старинный стул, на котором сидел, оглянулся назад, на кровать родителей, и... закричал!

Закричал от боли!

Потому что она была пуста.

Небрежно свернув конверт и засунув его за пазуху, я поднялся из-за стола и стал выходить из комнаты, стараясь не смотреть на кровать. Проходя мимо древнего шкафа с потертым и немного пыльным зеркалом на дверце, я вновь вскрикнул от неожиданности и невольно отпрянул назад, испугавшись своего отражения, в котором вместо себя увидел старца-уродца, который смотрел на меня бездонными, полными страдания и безумия глазами. Но глазами — моими. Я испугался самого себя! Тот, кто смотрел на меня из Зазеркалья, мало чем походил на меня прежнего, на того меня, каким я был еще час назад, перед тем как вскрыть и прочитать письмо отца. Тот, кто смотрел на меня в отражении, был совершенством безобразного; и все в мире уродства души человеческой и всех отрицательных его эмоций и характеров, казалось, были заключены по ту сторону зеркала в лице той мерзкой твари, на которую я смотрел. А она — на меня...

Не стал я ни о чем расспрашивать соседку тетю Лиду. Наверняка она не пожелала бы со мной общаться. Как в тумане, я вышел из отчего дома и направился к своей машине: хотелось поскорее уехать в ближайшую гостиницу, спрятаться от мира, от глаз, от себя... И только я открыл дверцу своего кроссовера, как позади себя услышал шаги и мужской голос с хрипотцой:

— Вячеслав Иглевских?

Я обернулся. Незнакомый мужчина средних лет подошел ко мне вплотную, снял старомодную широкополую шляпу темно-коричневого цвета.

— Вы сын Захара и Марии Иглевских, не так ли?

Я кивнул головой.

— Мои соболезнования вам. Хорошие люди были ваши родители, прекрасные, той еще, старой советской закваски. — Незнакомец странно всматривался в мои глаза, щурясь от солнца. — Понимаю ваше горе.

— Да, — ответил я, глотая слезы и пытаюсь понять, кто этот человек, знавший моих родителей: слесарь, врач, почтальон?

— Откуда в человеке берется эта пакость, не понятно. Вот над чем бьются ученые-генетики, над природой происхождения этой заразы, — продолжал мужчина, разглядывая родительский дом.

— Вы про что? — не понял я, удивленный внезапной сменой темы и выражением лица незнакомца.

— Пока есть такие, как вы, славики-сорванцы, будет жить и этот порок.

— Да вы о чем? — Мне уже не нравился этот странный тип.

— О памяти, — ответил он и вздохнул с сожалением: — О короткой памяти, о забывчивости.

— О какой такой забывчивости? Что вы вообще несете?

— Вы не понимаете? — вперил он в меня изучающий взгляд.

— Я не забывал их... — выпалил я и тут же осекся, сам себя не понимая, почему я решил, что он имеет в виду меня. — Вы про кого говорите?

— Теперь я говорю про Марину... — Незнакомец резко развернулся и двинулся дальше.

Я почувствовал укол в сердце — Марина... Марина. При чем тут Марина? Кто он такой?

— Эй! Вы кто такой? — крикнул ему вслед, раздраженный тем, что он так беспардонно уходит, оставляя меня в недоумении и на полуслове.

И при чем тут моя дочь Марина? Не тот ли это сыщик из Екатеринбурга?

— Да кто вы такой, черт вас дерит? Вы куда? Стойте!

— Я отправляюсь к Марине, — не оборачиваясь, ответил сумасшедший, в прощальном жесте махнув рукой.

— Постойте! Кто вы?

Человек остановился, опустив голову. Потом оглянулся через плечо и артистично, размахивая шляпой над головой и ехидно улыбаясь, представился:

— Зовите меня Ген Забывчивости. — После чего водрузил шляпу на голову и продолжил путь в конец улицы.

— Что...

— Ты чего, Слава? — Голос деда Афанасия, давнего знакомого нашей семьи, вывел меня из оцепенения. — Ты чего? С кем это ты? Я сначала подумал, что ты с кем-то по телефону говоришь... Подхожу, вижу...

— Я... я с ним, с... — указал я в сторону незнакомца, повернулся... но не увидел никого на пустынной улице — сумасшедший как испарился!

— Слава, я понимаю тебя. Тебе надо побыть одному, успокоиться, — подбодрил меня старик, кладя руку на мое плечо. — Тебе надо привыкнуть...

— Но там только что был какой-то человек! Странный... в шляпе такой. Он ушел туда... — Я недоуменно смотрел на безлюдную улицу, не понимая, куда мог деться этот тип. — Вы должны были видеть его!

— Тебе надобно как следует выспаться, парень. Это бывает с каждым.

Я плохо понимал, о чем мне говорил дед Афанасий, но запомнил слова про то, как отец сильно любил мою маму, как он не смог пережить ее смерть; как принял много снотворного, лег рядом с покойной мамой, взял ее за руку, уснул и... умер. Лидия Матвеевна пришла спустя полчаса после смерти отца.

Спohватившись, я достал мобильник и как безумный принялся набирать номер дочери. В ответ — короткие гудки. Стал вспоминать, когда мы с ней в последний раз созванивались? Гудки, гудки... Марина, возьми же трубку... Гудки, гудки. «Забывчивость, ген забывчивости», — вертелось в голове. Марина не отвечала. Я набирал снова и снова, но она отключила телефон: «Абонент временно недоступен или находится вне зоны действия сети. Попробуйте позвонить позднее...» Когда же мы перезванивались: на той неделе, в том месяце, или на Рождество? Или в том году? Или в том веке?!

Не обращая внимания на утешения Афанасия, я молча сел в машину, посмотрел через лобовое стекло на улицу, на городок своего детства — и все вдруг поплыло перед глазами. Я почувствовал пустоту в душе, ощутил себя неким нулем — никчемным, жалким и пустым местом в этом мире.

И меня обуял страх — я испугался. Испугался одиночества.

Я не хотел быть забытым...

Собственными детьми.

Смутно помню, как автоматически продолжал набирать номер дочери, и как связь вдруг появилась; как в полубморочном состоянии успел услышать щелчок — произошло соединение, как хотел, было, от радости выкрикнуть ее имя, но вместо этого мой онемевший рот произвел некий утробный звук в виде мычания.

Довольно знакомый, спокойный мужской голос с хрипотцой на другом конце провода стал монотонно повторять:

— Вы забыты собственными детьми... вы забыты собственными детьми... вы забыты... □

Евгения Гордиенко

«Служитель Аполлона»

Дать четкое определение человеку, о котором мы сегодня говорим, практически невозможно. Он и сам затруднялся в этом. Будучи уже немолодым, успешным, состоявшимся во множестве областей, он все же писал в мемуарах: «Я так и не решил, кто я таков. Во Франции за меня решило «общественное мнение» <...> Я зарегистрирован в качестве художника-декоратора русских балетов. Так меня представляют в обществе.<...>

Деятельность же моя отнюдь не ограничивалась театром. Я и художественный критик, я и журналист, я и «просто живописец», я и историк искусства... Если идти по линии тех разных дел, которые я возглавлял и коими заведывал, то я был и редактором двух весьма значительных художественных журналов в течение трех лет, и чем-то вроде «содиректора» Московского Художественного театра, я был и полномочным постановщиком в Большом Драматическом театре в Петербурге, был управляющим одного из самых значительных музеев в мире — петербургского Эрмитажа и т.д. Все это, правда, относится к царству, подвластному Фебу-Аполлону, но не могу же я на карточке поставить «Александр Бенуа, Служитель Аполлона».

Между тем, именно этим и занимался Бенуа всю жизнь — служил Аполлону.

В семье, в которой он родился и вырос, заниматься ничем иным было невозможно. Огромный род, сплошь состоящий из «служителей» различного вида искусства: отец, Николай Леонтьевич, был академиком архитектуры, старший брат Альберт — акварелистом, другой брат, Леонтий, как и отец, стал архитектором, оба преподавали в Академии художеств. Сестра Екатерина вышла замуж за скульптора Евгения Лансере. Ее дети, художники Николай и Евгений Лансере, и дочь, известная художница Зинаида Серебрякова, приходились Александру Бенуа племянниками. Мать будущего «служителя Аполлона», музыкант Камилла Кавос, происходила из итальянской семьи и была дочерью архитектора. Семья отца перебралась в Россию после революционных потрясений во Франции.

Александр Бенуа родился 3 мая 1870 года. Его детство прошло в Петербурге, в доме №15 по улице Глинки, неподалеку от Крюкова канала. Образ города, «старого Петербурга», который полюбился ему с детства, художник сохранил на всю жизнь, и даже в старости довольно точно воспроизводил по памяти на рисунках места своего детства.

Осваивать живопись он начал еще в частном детском саду, и, разумеется, дома всегда находилось кому «поправить» ему руку, помочь или дать совет.

Годы с 1885 по 1890 он провел в гимназии Карла Мая, где обзавелся

друзьями: Вальтером Нувелем, Дмитрием Философовым и Константином Сомовым. Впоследствии все они вместе с Сергеем Дягилевым стали организаторами группы «Мир искусства» и одноименного журнала. Их основной целью было привлечение внимания к прикладному искусству, архитектуре, народным промыслам, графике, художественному оформлению и иллюстрированию книги. Словом, всему тому, за что «нес ответственность» Аполлон. Бенуа, к слову, даже не окончивший Академию художеств, был душой общества и журнала.

В Академию художеств он поступил в 1887 году и проучился четыре месяца, о которых впоследствии отзывался как о потерянном времени. Обучение ему казалось скучным, и главным результатом его стал вывод, что живописи нельзя научиться, слушая лекции. Таким образом, на академическом художественном образовании был поставлен крест, и Бенуа поступил на юридический факультет Петербургского университета.

Он справедливо считал, что стать художником можно, лишь непрерывно работая. И успевал он немало: за один день мог заполнить альбом рисунками, поработать над начатой картиной, побывать в мастерских театра, вникая в детали эскизов декораций и костюмов, в режиссуру и даже в проработку ролей с актерами. Кроме того, среди его дел было написание статей в газеты и журналы.

*Александр
Бенуа
и Анна Кинд*

При такой поразительной занятости (нужно отметить, что во всех этих делах Бенуа был успешен, это не было просто «забывание времени») он успевал уделять время семье.

Женат Александр Бенуа был на своей свояченице — его брат Альберт женился на Марии Кинд, а Александр заметил младшую сестру Анну. В 15 лет он признался ей в любви. Альберт и Мария через некоторое время развелись, а Александр с Атей, как ее называли домашние, прекратили общение, но хватило их ненадолго. Вскоре молодые люди снова начали встречаться, а, окончив университет, поженились. Этот брак стал единственным у обоих и был чрезвычайно счастливым. Анна на всю жизнь стала его верной подругой и любимой женщиной.

Не забывал Бенуа и о детях: сын Николай, дочери Елена и Анна, племянники и их маленькие друзья находили в «дяде Шуре» участника любопытных затей, полезных занятий и никогда не ощущали в нем ни раздражения, ни усталости.

В 1896 году состоялось важное событие не только для самого Александра Бенуа, но и для русского искусства в целом. Вместе с друзьями, Леоном Бакстом и Константином Сомовым, он посетил Париж. Здесь им были созданы знаменитые «Версальские серии», изображавшие красоту парков и прогулки «короля-солнца» Людовика XIV.

Сам Бенуа писал: «Какую бы чушь современные художественные борзописцы ни городили про меня, про мое «эстетство», мои симпатии влек-

ли и теперь влекут меня к простейшим и вернейшим изображениям действительности».

Из-за этого стремления к «простейшему и вернейшему» художник вошел в противоречие с родным ему «Миром искусства». В 1904 году по причине разногласий издание закрылось. Бенуа за это время написал «Историю русской живописи в XIX веке» о сохранении традиций русского искусства. «Дело вообще не в исканиях нового, а в строительстве из того, что найдено», — так он формулирует один из своих принципов. Журнал же призывал к прогрессу и обновлению, но при этом активно боролся против передвижничества и модернизма.

В 1910 году им было создано общество «Мир искусства», правда, стоящее уже весьма далеко от журнала и его принципов.

Помимо прочих своих талантов, Бенуа был отличным иллюстратором. Самая, пожалуй, известная его работа в этом направлении — «Азбука в картинках Александра Бенуа». Он также иллюстрировал два издания «Пиковой дамы» Александра Пушкина и три варианта его «Медного всадника».

Однако самым сильным увлечением Бенуа в течение его жизни был театр. И вспоминают Александра Николаевича чаще всего именно как театрального художника и теоретика театрально-декорационного ис-

*Рисунок
А.Н. Бенуа.
«Прогулка
короля»*

*А.Н. Бенуа.
Иллюстрация
к «Медному
всаднику»*

куства. В 1901 году князь Волконский, директор Императорских театров, поддавшись уговорам Дягилева, принял решение подготовить специальную постановку под его руководством одноактного балета Делиба «Сильвия». Бенуа был приглашен главным художником и работал над спектаклем, однако из-за ссоры Дягилева с Волконским балет так и не был поставлен.

В 1902 году Бенуа было поручено оформить постановку оперы Вагнера «Гибель богов» на сцене Мариинского театра. Вслед за тем он выполнил эскизы декораций к балету Черепнина «Павильон Армиды». Сам художник сочинил либретто и совместно с балетмейстером Фокиным участвовал в постановке этого спектакля.

После успеха этих спектаклей Бенуа сразу же был вовлечен во множе-

ство театральных проектов. В 1907 году он играл важную роль в основании Старинного театра в Петербурге (для которого создал занавес), на следующий год одна из его декораций была использована в парижской постановке «Бориса Годунова». Благодаря увлечению Бенуа балетом была организована частная балетная труппа, начавшая в 1909 году триумфальные выступления в Париже, — «Русские сезоны». В истории они остались связанными в основном с именем Дягилева, однако именно Александр Бенуа стал вдохновителем этого проекта.

Революция неожиданно обернулась для Александра Николаевича возможностью поучаствовать в сохранении сокровищ Эрмитажа и Русского музея, главных хранилищ главного в его жизни города. Он испытывал симпатию к большевикам,

из-за чего оказался по разные стороны баррикад со многими друзьями и коллегами. Новое правительство, осознавая профессионализм и невероятную честность этого человека, привлекло его к защите от вандализма художественных сокровищ. С 1918 года Бенуа заведовал картинной галереей в Эрмитаже и отбирал из частных коллекций, собранных во дворцах Царского Села и Петергофа, ставших народными, картины для музеев. Во многом именно благодаря Бенуа Эрмитаж и Русский музей в целостности и сохранности дошли до потомков.

Однако, невзирая на вроде бы теплые отношения с новой властью, в 1926 году он принял решение остаться в Париже. Было ли это спонтанное решение, или же он давно понял, что страну пора покидать, неизвестно. Зато точно известно, что до конца жизни он считал себя эмигран-

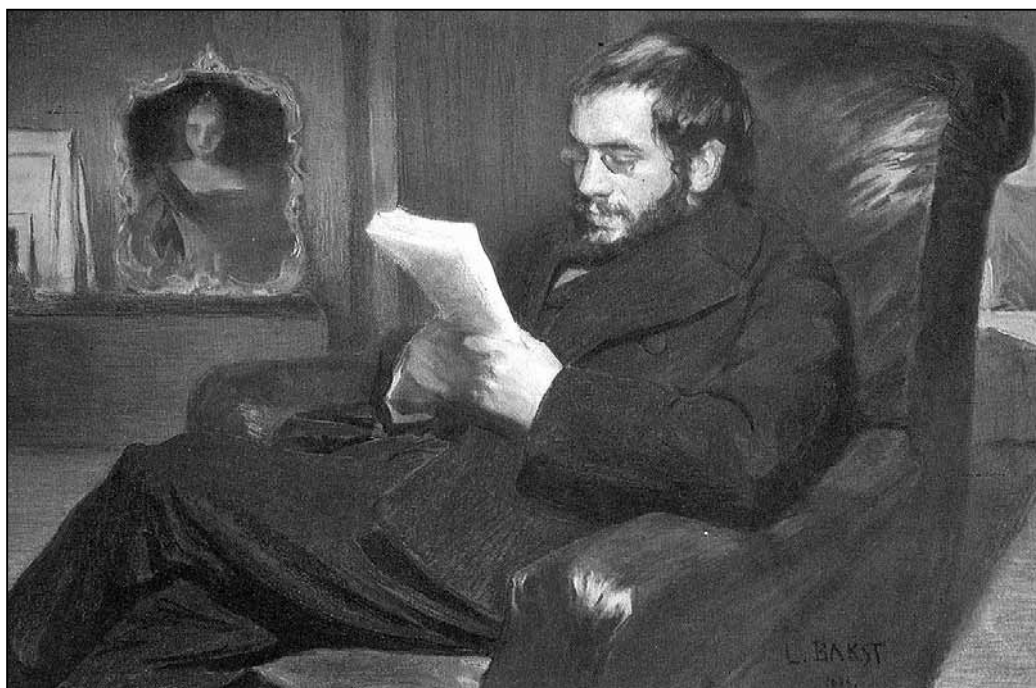
том, Франция не смогла стать для него родиной, несмотря на то, что предки по отцу были родом именно отсюда. «Мы не у себя», — писал он в мемуарах.

В эмиграции Бенуа работал в основном в театрах: в «Гранд-опера» в Париже, в миланском «Ла Скала», где постановочной частью заведовал его сын Николай.

С 1934 года «служитель Аполлона» был занят более всего написанием мемуаров («Мои воспоминания»), на страницах которых он подробно и увлекательно воскрешал годы своего детства и юности, воссоздавал атмосферу духовных и творческих исканий «Серебряного века» в России.

Скончался Александр Николаевич Бенуа 9 февраля 1960 года в Париже, не дожив лишь несколько месяцев до своего девяностолетия. □

*Л. Бакст.
«Портрет
А.Н. Бенуа»*

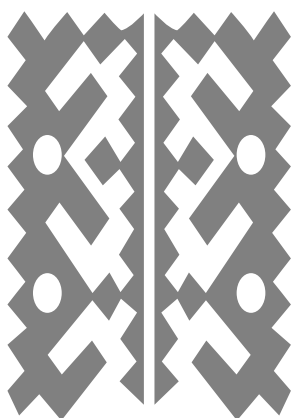
Ханты

Дмитрий Зелов

Фото автора

Магические ритуалы в таежном музее?!

Слова, вынесенные в заголовок этого материала, казалось бы, отдают абсурдностью. Однако не стоит спешить с выводами — логика здесь отсутствует только на первый, поверхностный взгляд. Между тем, слава о музее Природы и Человека, что находится в самой таежной глуши, в деревне Рускинской Сургутского района Тюменской области, идет такая, что люди добираются в эту отдаленную местность из всех уголков нашей необъятной России и даже из-за границы, причем число посетителей с каждым годом только увеличивается. Что же такого чудесного и необык-

новенного скрывается в этом небольшом по размерам музее?..

Он был открыт в 1988 году на основе богатейшей коллекции местного жителя Александра Павловича Ядрошникова и сейчас по праву носит его имя. Для Сургутского района эта знаковая личность — в течение нескольких десятилетий он (не имея пальцев на обеих руках!) все свое свободное время посвящал созданию чучел, демонстрирующих посетителям богатейшую флору Сургутского Приобья.

Когда музей только открывался, ханты, населяющие округу и составляющие значительную часть жите-

лей деревни, в знак признательности и уважения к деятельности Ядрошникова по бережному сохранению их уникальной, самобытной культуры, подарили ему медвежью

ной великан запросто может превратиться в человека, например, в своего обидчика, если его ранить или убить.

Вот реальный случай. Всех посетителей музея в Русскинской неиз-

голову, считающуюся у них роскошным подарком. Вот с нее-то все и началось. Подаренная представителями одного из малых народов России голова «хозяина тайги» оказалась не обычной, а священной. И с тех пор в музей, находящийся под покровительством и защитой верховного бога Нуми-Торума, не зарастает народная тропа желающих исцелиться и узнать свое будущее.

Култ медведя, которого местные ханты издавна называли сыном небесного бога и своим старшим братом, ничуть не ослабел у коренных жителей и в наш век высоких технологий. Обские угры полагают, что лес-

менно привлекает своим динамизмом и экспрессией композиция под названием «Схватка»: манекен человека в страшных объятиях «хозяина тайги». А дело было так. Житель одного из окрестных стойбищ отправился в лес рубить дрова и случайно наткнулся на медведя. В неравной схватке с огромным когтистым великаном он лишился глаза, получил множество травм, но смог одолеть могучего зверя, смертельно ранив его ножом. Весь в крови, еле живой, он все-таки дополз до своего жилища и выжил. А вот жена его, увидев изувеченного до неузнаваемости мужа, как говорят в народе,

«тронулась умом». И сегодня, когда этот человек изредка приезжает в Русскинскую за продуктами, жители в страхе и глубочайшем суеверном почтении старательно отводят глаза, как если бы перед ними вдруг возник сам косолапый хищник.

По местным поверьям, медведь запросто может воспринимать чело-

на». В стародавние времена у каждого хантыйского рода была своя священная медвежья голова. Ну а если смелым и сильным охотникам не удавалось одолеть в схватке медведя и принести его домой, то мастерили деревянного идола хозяина тайги, которому вверяли свои просьбы.

веческую речь. Поэтому так велика роль образной иносказательности в культуре хантов (как, кстати, и в большинстве других народов в древности) при упоминании этого зверя. К выставленной в музее священной голове тотемного животного пришедшие за здоровьем обращаются шепотом: «мой добрый хозяин», «могучий богатырь», «когтистый мужчи-

на». Сам лечебно-гадательный ритуал в музее происходит следующим образом. Рядом с головой медведя, повязанной платком, накрывается столик. Очень важно задобрить лесного хозяина, поэтому на стол кладут мелкие деньги и конфеты (важно, чтобы они были без обертки!) Потом мужчина становится напротив священной головы и очень долго

разговаривает с ней, а женщина в это время исполняет ритуальный танец. Обязательна и символическая сцена «отречения», когда глава семьи клянется медведю, что это не он виновен в его смерти. И только в конце завершения обряда задается предельно конкретный вопрос, ради которого, собственно, и приходят в

же ответ отрицательный — то оторвать голову медведя от стола невозможно. К этому обряду можно было бы относиться с улыбкой, как к досужему вымыслу не в меру экзальтированных и легковерных посетителей, если бы не одно но... Сами экскурсоводы музея, которых сложно заподозрить в повышенной внушае-

музей многие посетители. В принципе он может касаться чего угодно, но обычно спрашивают о прогнозах относительно хода болезни и выздоровления. Затем, как только вопрос задан, женщина должна приподнять голову медведя. Впрочем, это ей удастся в случае положительного ответа хозяина тайги, тогда голова медведя становится легкой. Если

мности или недостатке специальных знаний, неоднократно наблюдали как положительные, так и отрицательные ответы священной головы. Разумных рациональных ответов, объясняющих происходящее с научной точки зрения, пока нет. Впрочем, ханты (равно как и многочисленные участники старинного ритуала) и не ищут объяснения чуду, лежащему

вне пределов нашего с вами материального мира. Для них достаточно самого факта, что «это» работает!

Особо потряс местных жителей случай исцеления... шамана. Произошло это более десяти лет назад. К медвежьей голове принесли (сама она уже не передвигалась) женщину-шамана. До этого она безуспешно пыталась лечиться во многих клиниках традиционной медицины, но врачи только разводили руками, и, в конце концов, вынесли неутешительный приговор о невозможности выздоровления. Но... через несколько сеансов, проведен-

ных у медвежьей головы, женщина-шаман вышла из музея на своих ногах. Случай, зафиксированный многими очевидцами. Впрочем, ханты особо о нем стараются не распространяться: по древним поверьям, шаманский дар можно навсегда потерять, если о нем узнает слишком много людей.

А вот еще одно из старинных хантыйских гаданий, непостижимым образом работающее на музейном медведе и в наши дни. Нужно загадать желание и сразу дотронуться до носа медведя. Если черный пяточок носа лесного хозяина теплый — загаданное непременно сбудется, ну а если холодный — значит, не судьба. Как-то приехавший на ежегодно проводящийся в Русскин-

ской традиционный слет оленеводов, охотников и рыбаков журналист из областного центра решил проверить это гадание на себе. Он загадал скорое возвращение домой, хотя, по всем прогнозам, погода была явно нелетной, и ему, скорее всего, предстояло на какое-то время застрять в аэропорту Сургута, до которого из Русскинской нужно было еще добраться, преодолев свыше ста километров в сильную метель. Подшучивая над древними суевериями, он дотронулся до медвежьего носа и... тотчас отдернул руку. Пятачок был очень горячим, и, к его изумлению, он добрался домой вместе со своими коллегами без всяких препятствий.

Не знаю, стоит ли, да и возможно ли постигать глубинную суть древних ритуалов, символизирующих духовную память народа, его древнюю связь с Космосом. И так ли уж обязательно каждый раз докапываться до истины и детально все раскладывать по полочкам, чтобы узнать, где кончается правда, и с какого места начинается вымысел в историях об исцелениях при помощи медвежьей головы? Сказка и легенда в сознании хантов тождественны самой жизни. Жители Русскинской в разговоре нередко произносят: «если нашей сказке продолжаться», что значит, «если будем живы». Знаю одно, недаром древняя мудрость гласит: по вере вашей воздастся вам. Чудеса случаются только с теми, кто в них верит! □

СОКРОВИЩА ГОХРАНА

Глава двадцать пятая

Этот клад, случайно обнаруженный под одиноко растущей сосной, стал не только самым первым, но и самым несчастливым в жизни Виктора. Вскоре он уже знал, что кувшин, изготовленный в мастерской Сазикова, стоит многократно дороже тех двух сотен николаевских серебряных рублей, которые в итоге достались Венгеру.

В то лето он больше ни разу не ходил с приятелями на танцы или в баню, да и за грибами выбрался только однажды — больше для того, чтобы в последний раз повидаться с вещим дедом, услышать от него напутственное слово. Ведь Виктор собирался круто изменить свою жизнь...

Он понял: для того, чтобы сделаться везучим кладоискателем, в первую очередь нужны обширные знания, информация и связи с единомышленниками. Почти год Виктор безвылазно просидел в егорьевской городской библиотеке, упорно готовясь к поступлению на исторический факультет МГУ. Даже курить бросил, чтоб мозги дольше выдерживали нагрузку, забыл и о выпивке, и о девчонках.

Окончание. Начало в №12, 2020.

И он поступил-таки на дневное отделение истфака. Жить устроился в общежитии на улице Шверника, напроць позабыв и о Егорьевске, и о дяде Степане.

Надо было, однако, приодеться к началу учебного года, к тому же держать в тумбочке увесистый пакет с николаевскими рублями представлялось Виктору неразумным, поэтому как-то ранним утром он поехал на Сиреневый бульвар, в магазин-скупку под названием «Лазурит».

На беду Венгерова, это было утро девятнадцатого августа, по Москве шли танки и бронетранспортеры. А вот на Сиреневом бульваре, в отличие от обезумевшего центра, царили тишь да гладь. Но «Лазурит» был, тем не менее, закрыт. Какой-то барыга, из тех, что вечно толкаются возле скупки, предложил оптом купить у него весь «лом», давал какие-то смешные деньги, пытаясь убедить новоиспеченного студента, что завтра он вообще за эту кучу барахла ничего не получит, кроме, разве что, тюремного срока.

Виктор еле отделался от прилипшего к нему барыги и двинулся в центр, надеясь продать монеты в антикварном магазине на Пушкинской улице.

Тверская и прилегающие к ней бульвары да переулки были забиты народом. Возле мэрии шеренгами выстроились десантники в касках и бронежилетах. Неожиданно пошел дождь, и Виктор нырнул в арку, где нос к носу столкнулся с несколькими парнями.

— Э, а что это ты несешь? — схватил его за плечо один из них, похожий на хряка. — Бомбу? Подложить хочешь, падла?

Венгеров безучастно смотрел, как из его спортивной сумки вытаскивают целлофановый пакет с монетами, оценивающе взвешивают на ладонях.

— Изымаем в фонд поддержки защитников Белого дома, — авторитетно заявил хряк.

С того дня Виктор Венгеров окончательно превратился в холодного, замкнутого и мстительного человека. Все чаще вспоминал он об отце-негодяе, которого даже в мыслях называл не иначе как «мерзавец». Надо все-таки выбрать время и разыскать его, чтоб ему жизнь медом не казалась. А может, стоит даже...

Эту мысль он старался не додумывать до конца. Как получится, так получится.

За день до первого сентября он сорвался в Егорьевск, заявился к дяде Степану и потребовал денег на учебу. Старовер безропотно отдал Витюшке свою пенсию, пытался усадить его за стол, но Венгеров буквально оттолкнул от себя старика.

— Некогда мне, — буркнул он и, распахнув дверцы старинного буфета, собрал все имеющиеся там серебряные вилки и ложки, прихватил графинчик с хрустальной насечкой и двуглавым орлом на стеклянной пробке. Потом посмотрел в угол, где стоял внушительный киот с иконами, и проговорил: — Я возьму вот это, дядь Степа.

Старик сокрушенно крестился двумя перстами, глядя, как Витюшка заворачивает в газету образ Пресвятой Богородицы Казанской.

— Да зачем тебе, Витя? — только и спросил старовер сквозь слезы.

— Продам, — коротко бросил Венгеров и пошел к выходу.

— Ты хоть адрес-то свой оставь, — засеменил за ним дядя Степа.

— Это еще для чего? — не оборачиваясь, хмыкнул студент.

— Да как же, Витя, — причитал старовер. — Я тебе хоть немного с пенсии высылать буду...

Венгеров остановился, вернулся к столу и, как бы нехотя, написал на клочке бумаги почтовый индекс и адрес общежития на улице Шверника.

Больше всех университетских преподавателей Венгерову нравился доцент Иван Ильич Беспалов, на лекциях которого неизменно был аншлаг. Беспалов вдохновенно толковал о монахе Сильвестре и его «Домострое», в лицах изображал убиение князей Бориса и Глеба, назидательно цитировал «Юности честное зерцало», переписку Грозного и Курбского... Звенел звонок, и вся аудитория дружно вставала, аплодируя сухонькому доценту, тот смущенно раскланивался.

Венгеров несмело подходил к Беспалову, задавал какие-то вопросы... Иван Ильич давно приметил этого умненького студента, создававшего, в отличие от других, свою фундаментальную необразованность, охотно беседовал с ним, а как-то обмолвился, что он, то есть Беспалов, — увлеченный нумизмат, и с гордостью перечислил свои наиболее древние и редкие экземпляры.

— Как же могли сохраниться до наших дней такие старые монеты? — удивленно спросил Виктор.

— А они веками в земле лежали, — пояснил Иван Ильич. — Клады это.

— Так вы... Кладоискатель? — вспыхнул от радости первокурсник.

— Да что вы такое говорите, Венгеров, — укоризненно покачал головой доцент. — Просто львиная доля нынешнего нумизматического рынка — это плоды трудов кладоискателей. Нашел человек кубышку и давай продавать.

В порыве откровенности Венгеров рассказал Ивану Ильичу свою историю обретения клада и его утраты.

— Ну, ваши так называемые сокровища были запрятаны под сосной, скорее всего, в сорок первом — сорок втором, когда немцы вот-вот ожидались, — выслушав его, ответил доцент и внезапно предложил: — Хотите посмотреть мою коллекцию?..

С того времени Виктор стал часто бывать у Беспалова, тот давал ему книги о древностях, мемуары царских губернаторов... Как-то Иван Ильич познакомил студента со своим другом-пенсионером:

— Владимир Филиппович Шестаков, человек в своем роде замечательный, и тоже нумизмат.

— Очень приятно... — пробормотал студент.

Шестаков смерил юношу надменным взглядом и руки не протянул.

Лишь немногим позже словоохотливый доцент проболтается Виктору, что еще совсем недавно пенсионер Шестаков служил заместителем руководителя Гохрана СССР, и через его руки прошло несметное количество сокровищ и кладов.

Виктор хорошенько запомнит эту ценную информацию...

Глава двадцать шестая

Стояла середина апреля. Виктор, вечно недоедающий, сидел в квартире Беспалова и пил чай с булкой, а Иван Ильич подыскивал для студента очередное полезное чтиво.

— Вот, почитайте, — глянул он на Венгерова поверх очков. — Только поаккуратнее... Исключительно редкая книга!

— А что это? — Виктор взял в руки пахнущее кожей дореволюционное издание.

— Воспоминания наполеоновского маршала Армана де Коленкура, — со значением проговорил Иван Ильич. — Тут много чего можно почерпнуть...

Виктор лежал на кровати в своей общежитской комнатухе и при слабом свете настенной лампы пробирался сквозь дебри косноязычного повествования. Веки его слипались, в глазах рябило от «ятей», «фит», «еров» и прочих прелестей дореволюционного алфавита. «Хорош», — решил он, как вдруг его взгляд зацепился за слово «сокровища». Виктор вернулся чуть назад и принялся снова перечитывать главу. А потом — еще раз. И еще. Наконец захлопнул книгу, вскочил и принялся ходить взад-вперед по комнате, анализируя прочитанное у Коленкура...

Маршал с военной четкостью повествовал о событиях октября 1812 года. Французская армия, бесславно отступавшая из пылающей Москвы, тащилась по дороге между Вереей и Боровском. Изможденные, больные французы еле стояли на ногах, волоча ранцы с награбленным золотом.

Недалеко от села Совьяки император отдал приказ по армии: всем солдатам и офицерам под страхом расстрела очистить ранцы от трофейных сокровищ. Распоряжение Наполеона армия выполнила неукоснительно: тысячи людей вытряхивали ранцы в реку Протву. И здесь же, в Совьяках, Наполеон организовал обширный госпиталь для тех, кто не мог идти дальше. Они были обузой для армии, которой предстояло сражение с русскими за Малоярославец...

Виктор изрядно поумнел за минувший год и не собирался перелопачивать дно Протвы на протяжении нескольких километров. Тяжелое золото давно опустилось сквозь ил на два аршина. Да и, скорее всего, попытки достать разбросанные в реке сокровища уже не раз предпринимались до него.

Но в Совьяках был французский госпиталь! Ясно же, что солдаты, опорожня ранцы, напихали в карманы своих брюк столько золота, сколько могли вместить. Это ведь формально не противоречило приказу императора... А потом сотни французов остались в Совьяках, и у них наверняка сохранилась часть золота...

Виктор рванул в Совьяки. Полумертвое, издыхающее село встретило студента истфака печальным шорохом ветра в голых ветвях яблонь и тополей. Здесь даже собаки не лаяли, а смотрели на чужака с тоской и какой-то непонятной мольбой.

Венгеров имел в спортивной сумке бутылку кристалловской водки и баночку красной икры. Он напрямик потопал к председателю сельсовета, тот встретил московского студента подозрительно.

Виктор поведал, что пишет курсовую работу на тему 1812 года, и попросил помочь ему разыскать место, где почти двести лет назад был французский лазарет. Толстый, испитой председатель вяло кивал, глядя куда-то мимо заезжего студента. Но когда на столе появились бутылка и закуска, глаза сермяжного чиновника прояснились и обрели осмысленное выражение.

На следующий день Виктор стоял на окраине деревни, там, где когда-то располагался наспех сколоченный из досок «бусурманский» лазарет. Давний знаток леса, он без труда определил, что ветлам и дубам, что возвышались над речным обрывом, больше двухсот пятидесяти лет. Значит, они росли тут и при Наполеоне... А галыюн, куда могли случайно высыпаться монеты, пока французики сидели там, мог быть только у реки. Пациентов в наполеоновском лазарете насчитывалось немало, значит, и сортир должен был напоминать нынешний, армейский: несколько отверстий в деревянном настиле. Следовательно, строение наверняка было довольно длинным.

Лишь в одном месте между ветлами и дубами зиял прогал, куда мог бы поместиться обширный гальюн. Значит, здесь и надо копать... Виктор наметил траншею вдоль обрыва и принялся за дело. Увы, ни одна золотинка не подмигнула ему из глубины веков. Все правильно, так и должно быть: золото опустилось гораздо ниже... Под сапогами зачавкало, сквозь торф проступила зловонная черная жижа, и он принялся лихорадочно разгребать месиво двумя руками.

Червонцы Виктор деловито складывал в полиэтиленовый пакет, припороченный к поясу, и был при этом столь же спокоен и умиротворен, как когда-то при сборе грибов.

Четыре дня ковырялся Венгеров в бывшем гальюне, пока не сказал самому себе: все, он выбрал золото до последней монетки. Ибо кроме золотых монет в яме не было ровным счетом ничего драгоценного.

Но что это были за монеты! Мечта! Екатерининские, павловские и александровские червонцы, несколько пятерок, один двадцатипятирублевик. Яркие, четкие рисунки и надписи, словно монеты отчеканены только вчера. Не иначе, французы обчистили Московский монетный двор, деньги не успели побывать в обращении. Всего на дне гальюна было полторы сотни золотых монет.

Виктор засыпал траншею и уехал в Москву, даже не попрощавшись с председателем сельсовета, у которого гостил все эти дни. Как говорится, долгие проводы — лишние слезы... И расспросы.

Не заезжая в общежитие, он отправился к Беспалову. Того не оказалось дома, и Виктор изрядно понервничал, дожидаясь Ивана Ильича: как никак, за пазухой у голодного студента было целое состояние.

Когда Беспалов, наконец, появился, Венгеров, не дав ему рта раскрыть, требовательно произнес:

— Иван Ильич, я должен немедленно встретиться с вашим другом.

— Каким другом? — растерялся доцент, отпирая дверь в свою квартиру.

— Известно, каким, — досадливо поморщился Виктор. — С Владимиром Филипповичем Шестаковым.

— А на какой, простите, предмет?

— Хочу предложить ему купить у меня монеты.

— А почему бы вам не предложить их мне? — обиделся Беспалов.

— Да потому, что у вас, простите, расплатиться нечем... — Тут Виктор спохватился, вспомнив, что впереди весенняя сессия, надо бы повежливее вести себя с будущим экзаменатором, и заискивающе промямлил: — Вы уж не сердитесь, Иван Ильич. Извините за резкость... Измотался я, почти не ел ничего всю неделю...

Доцент, хлопотливо кудахча, кинулся, было, накрывать на стол, но Венгеров настоял на незамедлительном визите к Шестакову.

— И вот что, Иван Ильич, — сказал он, когда они шли по Малой Бронной. — Вы уж, пожалуйста, ради Христа, оставьте нас одних... Шестаков сам потом все вам покажет и расскажет, если захочет.

— Так вы не хотите, чтобы я присутствовал? — удивился Беспалов. — Зря, молодой человек. Я мог бы выступить вашим консультантом...

— Мне не нужен консультант. Я знаю, сколько стоят эти монеты, — прекратил разговор Венгеров.

Не зря же он в последнее время постоянно толкался на Таганке, где возле антикварного магазина день-деньской тусовались нумизматы всех мастей. «Беспалов хочет иметь свою долю за посредничество, — злобно подумал Виктор. — Хрен тебе!»

Шестаков минут сорок рассматривал червонцы, время от времени пронзительно поглядывая на Венгерова. Студент, от которого пахло довольно-таки дурно, сидел напротив Владимира Филипповича с каменным, ничего не выражающим лицом.

— Ну те-с, — промолвил бывший гохрановец и скрестил руки на столе. — Что вы хотите за все это, милостивый государь? — Назовите же вашу цену.

— Я реалист, — сказал Венгеров как можно беспечнее. — И потому много не запрошу. А именно — половину от реальной стоимости монет. Сто пятьдесят тысяч долларов.

— Десять, — веско объявил Шестаков.

— Что? — возмущился студент. — Десять тысяч?!

— Нет, не тысяч. Лет. Десять лет. Я вам могу гарантировать, что вы их получите. Соккрытие клада, незаконные золотовалютные операции в особо крупных... Так что выбирайте — десять лет лагерей или двадцать тысяч долларов. И это еще слишком гуманная постановка вопроса.

Виктор горько пожалел, что рядом с ним нет сейчас доцента Беспалова.

— Согласен, — вздохнул он. — Но деньги прямо сейчас.

— Нет, не сейчас, — поднялся со стула Шестаков. — Через месяц-полтора. Причем золото останется у меня, чтобы вы, не дай Бог, не натворили глупостей. Вы понимаете, что запросто можете лишиться жизни из-за этой кучки желтых бляшек?..

Прошло три нескончаемых месяца, самых мучительных в жизни Виктора, прежде чем Владимир Шестаков приватизировал и тут же успешно продал свою дачу на Рублевке. Две пачки стодолларовых банкнот наконец-то легли в карман студента Венгерова.

Особой радости вчерашний голодранец, однако, не испытывал. Он понимал, что его попросту обокрали. Эта мысль донельзя отравляла существование. И рядом с образом ненавистного отца-предателя в мозгу студента истфака прочно обосновался образ хапуги Шестакова, цинично присвоившего себе клад, гениально вычисленный Венгерovým.

Виктор купил себе двухкомнатную квартиру в районе Первомайской, подержанную «ауди», компьютер последнего поколения. Что там ни говори, а в то время двадцать тысяч долларов были фантастической суммой. А как бы он зажил, если получил бы за свою уникальную находку хотя бы полцены — сто пятьдесят тысяч баксов! Даже сто... Эх, эх...

Его товарищи по факультету крутились, как умели, чуть ли не каждый из однокурсников что-то продавал или перепродавал. Венгеров за восемьсот долларов приобрел у студента Гонадзе пистолет неизвестной иностранной модели и с тех пор частенько, сидя на кухне своей собственной квартиры, целился куда-то в пространство, воображая в качестве мишени то глумливую физиономию отца, то надменное лицо Шестакова.

«Подождите, придет ваш срок!» — мстительно сжимал зубы студент истфака Виктор Венгерov.

Глава двадцать седьмая

С наступлением двадцать первого века резко возрос интерес к предметам старины, раритетам минувших эпох. Взмыли вверх и цены на антиквариат.

Виктор многому научился за эти годы. Помимо красного диплома истфака МГУ он получил лицензии аквалангиста и водолаза, и целыми месяцами исследовал прибрежные воды Балтики. Неподалеку от Выборга, согласно добытым Венгерovým архивным сведениям, в восемнадцатом веке затонули купеческие корабли с грузом золота на сорок пять миллионов долларов — по нынешним ценам, разумеется.

В поисках затонувших кораблей Венгерov погружался в воды Ладожского озера — где-то здесь лежало золото на тридцать миллионов баксов...

Каждый раз Виктор хоть что-то, да находил: амфору с вином семисотлетней выдержки, которое давно превратилось в уксус; серебряную братину, оплечье с потемневшими речными жемчужинами... Все это он продавал перекупщикам, прекрасно понимая, что не получает и десятой доли от той суммы, за которую его находки будут проданы западным коллекционерам.

Надо было на что-то жить, причем жить хорошо — иначе зачем же он ступил на опасную и трудоемкую стезю «черного археолога»? Сколько

таких, как он, погибло от рук мафии или своих же компаньонов... Безопаснее на рынке торговать или машины из Европы перегонять.

Венгеров твердо решил жить долго и обеспеченно. А для этого нужен был постоянный источник дохода, каковым разовые находки по определению быть не могли. Весьма недешево обходилось и специальное поисковое оборудование: импортные металлоискатели «Уайт Спектрум» и «Силвер Иггл» в магазинах для экстремальщиков стоили больше двух тысяч долларов, а ведь это еще далеко не вся амуниция кладоискателя. Тут и бинокли, и приборы ночного видения, и оружие. Не говоря уж о таких мелочах, как титановые лопатки, химикаты, фальшивые документы.

И Виктор разместил свое резюме в Интернете, где сообщил, что ищет спонсоров для поисковых экспедиций. Спонсоры быстро отыскивались — ведь среди «черных археологов» очень мало настоящих специалистов, каковым являлся краснодипломник истфака Виктор Венгеров.

Он взял себе прозвище «Викинг»: и с подлинным именем созвучно, и воспринимается романтично. Хорошая наживка для скучающих толстосумов, которым до смерти надоели казино и южные курорты.

Викинг быстро стал считаться одним из лучших проводников для малоопытных, но богатых кладоискателей. Ради получения острых ощущений нувориши готовы были платить любые деньги. На один только Урал Венгеров возил впавших в детство богачей раз двадцать, не меньше. Показывал искусно подделанные старинные карты, излагал фантастические версии местонахождения несметных сокровищ.

На уральской речке Яйве атаман Ермак Тимофеевич спрятал в какой-то пещере несколько бочонков с золотом и камнями. И восторженные клиенты под предводительством сурового Викинга карабкались по скалистым берегам, ели уху у костра, слушали диковинные рассказы бывалого кладоискателя... И всякий раз что-нибудь, да находили: Виктор незаметно «подбрасывал» азартным искателям сокровищ то пригоршню серебряных копеек времен Ивана Грозного (цена им по десять-пятнадцать рублей за штуку), то наконечник стрелы периода монголо-татарского ига (тут уж Венгеру приходилось выкладывать американскую двадцатку).

Счастливые клиенты чуть не падали в обморок, благодарили Викинга, что он подарил им самые острые впечатления, которые не забудутся до конца дней, и отваливали проводнику тысячедолларовые премии сверх оговоренной платы.

Если бы в этих экспедициях они действительно наткнулись на сокровища, то Венгеров без колебаний похоронил бы спонсора там же, на месте находки. Он не расставался с пистолетом. Но сокровища не открывались, и окрыленные толстосумы с просветленными лицами возвращались к своему бизнесу живыми-здоровыми.

А Виктор богател, он теперь соглашался только на сверхвысокооплачиваемые заказы. При этом стремление самому найти миллионный клад не покидало Венгерова ни на секунду. Должно же ему хоть раз в жизни повезти по-настоящему! Двадцать тысяч долларов, полученные когда-то от Владимира Шестакова, казались ему насмешкой судьбы.

Несколько месяцев он копался в приоткрытых для научных сотрудников архивах НКВД, под видом написания диссертации о голоде начала двадцатых годов искал сведения о запрятанных попами церковных ценностях. Ведь молодая в те годы советская власть под видом помощи голодающим безбожно изымала золотые потиры, диски, панагии и ризы с икон. И служители культа хоронили святыни, где только успевали.

Так Венгеров вышел на довольно подробную информацию о расстреле священника, диакона и алтарника Ольгинской церкви в Раменском районе. Их казнили за сокрытие древних драгоценных святынь.

«Фольксваген» медленно ехал вдоль села Ольгинского, Виктор то и дело останавливался, выходил из машины. Он не собирался так просто отказываться от своих планов завладеть церковными сокровищами, спрятанными от большевиков в начале двадцатых под солеей храма равноапостольной Ольги. Да, его опередили, но ведь драгоценности где-то есть, черт возьми! Их просто перепрятали, вот и все.

Почти полгода кропотливой исследовательской работы, благодаря которой Виктор и оказался в Ольгинском, не должны пропасть даром. Надо лишь найти наглого святотатца и получить то, что принадлежит ему, Венгерову, по праву умного, профессионального кладоискателя. Ясно, что нынешний обладатель церковного клада — кто-то из местных. Он отправился наковырять себе мраморных плит в заброшенном храме и случайно открыл тайник с сокровищами. И вот ведь какой куркуль, мало того, что озолотился на всю жизнь, так он и плиты прихватил, не положил на место. Значит, надо искать мраморные плиты. Скорее всего, ими ворюга замостил садовую дорожку — больше-то они ни на что в хозяйстве пригодиться не могли. Ну, разве что кладбищенский участок мрамором выложить... Так ведь и на погост Виктору съездить нетрудно.

Доехав до середины села, Венгеров остановил машину, заглушил мотор и пошел дальше пешком. Какая-то старуха пристально смотрела на него из окна своей покосившейся избы...

И, наконец... «Вот они!» — екнуло сердце Венгерова. Знакомые мраморные квадратики были в один ряд уложены от калитки до крыльца добротного бревенчатого дома. Поодаль стоял железный гараж. Что ж, по здешним меркам, зажиточное хозяйство, крепкое...

Виктор услышал покашливание за своей спиной и резко обернулся. Перед ним стоял плотно сбитый мужик лет пятидесяти, с чуть насмешливыми, зоркими глазами.

— Ну, входи, коли дело какое имеешь, — спокойно сказал хозяин дома и подтолкнул Венгерова к калитке.

Глава двадцать восьмая

Василий Шестаков уже который час курсировал взад-вперед по коридору Латницкой психбольницы, мимо зловонных камер-палат, мимо ковыряющих в носу, лопочущих всякую ахинею дегенератов. Неужели когда-то все они были нормальными людьми, где-то работали, ходили с друзьями на футбол, дарили женщинам цветы? И неужели он, Василий Шестаков, тоже вскоре станет таким же получеловеком, как эти несчастные?

Мозг отказывался верить в такое. Тем более сейчас, когда на неудачливого рекламщика свалилось огромное наследство отчима.

Васю снова развязали пару часов назад, после того как он почти сутки метался на кровати в горячем забытии. Больных громко звали на обед, но Шестаков в пищеблок не пошел: есть не хотелось, к тому же сама мысль о том, чем могут накормить приговоренных в этом сатанинском капище, вызывала непреодолимое отвращение к еде.

Смирнов дал Васе вареное яичко, и Шестаков с невероятным усилием заставил себя проглотить его. Уж в яйцо-то, по крайней мере, ничего подмешать нельзя...

Он остановился у зарешеченного окошка в коридоре, с тоской посмотрел на узенькое пространство между корпусами — мужским и женским. Строения психбольницы были, оказывается, деревянными, и ветхость облупившихся стен говорила о преклонном возрасте этого дома скорби.

Вася увидел двух исхудавших мужичков, размеренно сгребавших метлами прошлогодние листья. На мужичках мешками висели больничные робы, их головы были обриты до синевы. Значит, это пациенты дурдома, а не вольнонаемные дворники.

Шестаков принялся соображать. Выходит, кого-то все же выпускают за пределы корпусов? Ну, пусть хотя бы во внутренний дворик больницы-душегубки... Все-таки, как ни крути, а бежать оттуда легче, нежели из запертого, днем и ночью охраняемого корпуса. Да и черенок метлы — какая-никакая, а дубина.

Подошедший к нему Смирнов сразу догадался, о чем думает Шестаков.

— Ты, паря, не надейся, что тебя отправят территорию чистить, — сокрушенно сказал Евгений Михайлович. — Здоров ты больно. И физически, и душевно. Пока здоров.

Смирнов почти не лицемерил, то есть не прикидывался сочувствующим, когда морально и физически поддерживал своего нового соседа по палате. Старик был вполне искренен. К тому же, как знать, а вдруг Шестакову удастся то, чего до сих пор никому не удавалось? Вдруг он сумеет бежать из Латницкой психбольницы? Тогда, глядишь, и ему, Смирнову, что-нибудь обломится.

— Мне кажется, вы можете что-то посоветовать, Евгений Михайлович. — Глаза Шестакова смотрели с мольбой. — Намекните хоть, как мне выбраться отсюда! Клянусь, в случае неудачи я вас не выдам.

Смирнов пожевал губами, словно раздумывая, стоит ли ему ввязываться в историю с непредсказуемым концом, и полушепотом заговорил:

— Тут вот какое дело, парень. Тамара дворец себе строит, оно и понятно — царице положено в хоробах жить... А кто у нее на стройке черно-рабочими вкалывает? Ну-ка, догадайся с трех раз!

— Неужели пациенты? — засветился от вспыхнувшей надежды Шестаков. — Господи...

— Ты раньше времени-то не радуйся, — одернул его Смирнов. — Но попытаться стоит. Не так уж много здесь крепких мужиков, раз-два и обчелся. А на тебе возы возить можно. Вдруг Тамара польститесь на твою дармовую рабсилу? Скупа она до страсти... Так что просись на работу, скажи, мол, свежего воздуха охота, да и размять кости требуется. Только про ее строительство — ни гу-гу! Ты знать ничего не заешь. Она сама тебе предложит, если надумает.

— Как же я стану на воздух проситься, если заявление о добровольном согласии на лечение подписывать отказался? Она ведь меня тут же этим к стенке припрет, — помрачнел Василий.

— А ты подпиши, касатик, не сумлевайся, — затараторил Евгений Михайлович. — Это для тебя без разницы — добровольно, не добровольно. Один конец — уморят. А так она спокойнее к тебе станет относиться, добрее. Вот увидишь. Главное, чтобы Тамара от тебя никакой «бязи» не ждала...

Василий понуро стоял перед Ископаевой.

— Я осознал, — говорил он покаянно. — Мне надо лечиться... Эта проклятая пьянка лишила меня всех радостей жизни. Потерял жену, работу, здоровье... Друзья отвернулись...

— Ваш самый лучший и надежный друг — это я, — мягко произнесла Ископаева. — Не держите камня за пазухой, Василий Владимирович, давайте начнем наши отношения с чистого листа, — и, как бы невзначай,

придвинула к Шестакову вновь выведенный на принтере текст его заявления о добровольном лечении от алкоголизма.

Василий взял ручку, склонился над бумагой.

— Я вам верю, — продолжала Тамара, пристально глядя, как пациент ставит на документе свою подпись. — Обратите внимание, Василий Владимирович, я на этот раз даже не позвала санитаров присутствовать при нашем общении.

Шестаков при этих словах мысленно усмехнулся: действительно, Сашка в кабинете не было, но он был хорошо виден в полуоткрытую дверь.

— А то, что нам пришлось вас... как бы это сказать... усмирять, так это, к сожалению, обычная практика для подобных медицинских учреждений, — размеренно продолжала Ископаева. — Мы ничем не хуже и не лучше других. Психиатрия, Василий Владимирович, существует уже много веков. Накоплен огромный, печальный опыт. И он показывает, что без физического воздействия на больного иногда невозможно добиться успеха.

— Да-да! — Шестаков прижал руки к груди и умильно посмотрел на главврача. — Физическое воздействие! Я как раз хотел с вами об этом поговорить...

Ископаева нахмурилась, не понимая, куда клонит пациент.

— Понимаете, — проникновенно заговорил Василий, — я совершенно закис от безделья и пьянки. И сейчас мне как никогда в жизни хочется поработать физически, выгнать из себя вместе с потом все шлаки, всю ту дрянь, которой пропитан мой организм. Каждая клеточка взывает: дай нагрузку, помоги наладить обмен веществ!

— Это естественные позывы, — кивнула Ископаева с улыбкой. — Разрешаю вам делать физические упражнения, зарядку. Это действительно не повредит.

— Спасибо! — растрогано ответил Шестаков, сиюсь прослезиться. — Сегодня же начну... — Он двинулся, было, к выходу, однако возле двери обернулся и несмело добавил: — Тамара Сергеевна, я в окошко видел, что пациенты уборкой территории занимаются... Может, и для меня сильная работенка найдется? Все польза какая-никакая.

— Может, и найдется. Я поговорю с завхозом. — В голосе Ископаевой вновь послышался металл. — Идите, больной.

Она смотрела вслед Шестакову и вспоминала слова академика Ардашкина: «Он уйдет, но не так, как другие». Что ж, ей и самой изрядно поднадоели однообразные истязания, которым денно и ночью подвергались узники Латницкой психбольницы. Пора применить что-нибудь новенькое. Этот увалень, который, как ни странно, еще был вполне дееспособен, идеально подходит для изобретенного ею аттракциона.

Впрочем, что ж удивительного в том, что Шестаков так долго держится в здравом уме?

Ведь он Рыбарь...

Глава двадцать девятая

Подполковник Бурцев сосредоточенно вел свою «тойоту» по запруженному разнокалиберным транспортом МКАДу. Надо же, обеденное время, будний день, а москвичи уже лавиной потянулись за город, на дачи.

Они с Комаром тоже ехали на дачу, правда, чужую.

— Хочу ввести тебя в курс дела, прежде чем мы примемся за господина Пискунова, — повернувшись к напарнику, проговорил Бурав. — Те фотографии, что ты обнаружил в квартире убитого Владимира Шестакова, оказались очень любопытными. Ну, помнишь, снимки церковных драгоценностей с печатью Гохрана на обратной стороне?

— Угу, — кивнул Комар.

— Что мне пришлось перенести из-за этих фоток, Леша, ты бы знал! Я пошел к Кротову, тот подписал запрос на имя руководителя Гохрана с просьбой дать исчерпывающую информацию по означенным предметам. А эти козлы, которые всю жизнь над золотом чахнут, через сутки отвечают: мол, так и так, запросы подобного рода рассматриваются только в том случае, если на бумаге стоит подпись как минимум вице-преьера. Да не любого, а одного из двоих: или того, кто курирует силовые структуры, или того, кто ведает экономикой и финансами.

— Во, дают! — присвистнул Алексей.

— Не то слово. Хват сказал, что это на полгода мороки. Ну, пришлось мне к одному весьма известному деятелю на поклон идти. Он хоть уже давно не вице-премьер, но связи и влияние у него — дай Бог. Мы давно знакомы, по работе пересекались, да и не только по работе. Нормальный мужик, порядочный, насколько это возможно в верхах. Короче, я уже через день имел всю необходимую информацию, и даже больше того. Так вот, на шестаковских снимках запечатлены те самые драгоценности, из-за которых в Гохране разгорелся сыр-бор осенью 1991 года. Они исчезли тогда, понимаешь? А в результате разбирательств Шестакова выпроводили на пенсию с должности зама руководителя Гохрана, Пискунова поперли из КГБ, а Минаев по необъяснимой причине покинул пост начальника отдела Внешторга.

— Макс, похоже, мы начали охоту на крупного зверя! — не удержавшись, воскликнул Комар.

— Н-да... Только, Леша, два зверя из трех уже забиты насмерть — Шестаков и Минаев. В живых наличествует только один, в логово которого

мы сейчас и направляемся. Похоже, исчезновение сокровищ из Гохрана в 1991 году — дело рук Владимира Шестакова. И действовал он не в одиночку. Ему помогали Минаев и Пискунов. Пискунов развалил следствие по делу об исчезнувших ценностях, Минаев осуществлял их переправку за границу. Время было суматошное, бесконтрольное. Как только операция завершилась, все трое ушли в тень. Боюсь, Комар, что вернуть ценности уже не получится.

— Значит, это Пискунов убрал поделщиков! — горячо заговорил Каморин. — Алиби-то у него сомнительное, далеко не железное!

— Точнее — никакого алиби, — вставил Бурав.

— Вот-вот! — подхватил Комар. — А для бывшего кагэбэшника пристрелить парочку-другую человек — сущий пустяк.

— Ну, не надо так говорить про всех чекистов, — одернул Алексея подполковник. — Там полным-полно хороших парней. А что касается твоей версии, то и я к ней склоняюсь. Тем более что из достоверных источников мне стало известно кое-что об этом Пискунове. Он, брат ты мой, серьезный мафиози, и его адвокатская деятельность — не что иное, как солидное прикрытие. Но вот что непонятно — зачем Пискунову понадобилось срочно, практически без подготовки, ликвидировать бывших сообщников? Деньги-то они давно поделили, все остались довольны и разбежались. А если бы кто-то из них был обижен при дележе, то конфликт вспыхнул бы гораздо раньше, а не спустя столько лет. Значит, тут кроется еще что-то...

Бурцев свернул направо, к престижному дачному кооперативу «Ракитки».

На небогатых садовых участках — а были здесь и такие — всю кипела посевная страда. Дачники надсадно копали грядки, будто от этого и в самом деле зависело их будущее пропитание.

Фешенебельные коттеджи располагались чуть дальше от шоссе. Здесь звучала музыка, дымили мангалы и барбекюшницы, разгуливали в шлепанцах вызывающе красивые девушки.

— Чтоб я так жил, — хмыкнул Бурцев. — Я на своей дачке уже года полтора не был. Поди, вынесли уже все, им сейчас наплевать, что хозяин — мент.

— А где у тебя дача, Макс? Может, выберемся на выходные вместе с Ириной и Ксюшей? — беззастенчиво предложил Каморин.

— Хибара у меня в Раменском районе, — ответил Бурав. — Недалеко от старинного села Ольгинское. А вот насчет выбраться... Мне одному туда сначала съездить надо, а то, глядишь, и впрямь там все разорено. Конфуз выйдет перед твоими дамами...

Он затормозил возле кирпичного коттеджа. У подземного гаража суетился молодой парень. Бурав вышел из машины, расспросил его,

как найти участок адвоката Пискунова, и, снова сев за руль, произнес:

— Почти приехали... Только вот что, Леша. Приготовься к тому, что мы не застанем адвоката в живых. В смысле, обнаружим в доме труп Николая Пискунова.

— Вот как? — растерялся Каморин. — Значит, ты все-таки допускаешь, что похитителей сокровищ убивает кто-то со стороны?

— Может быть, Комар, может быть... — задумчиво покачал головой Максим.

Дело в том, что на следующий день после его встречи с Надей Волоховой позвонил донельзя взволнованный Артемий Кузьмич и сообщил, что пациентка не вернулась в больницу имени Кащенко. До сих пор Надя так и не объявилась. Сколько времени ей могло понадобиться, чтобы найти дачу Пискунова? У нормального человека, не имеющего связей, да к тому же вынужденного скрываться, это заняло бы минимум неделю. Но сумасшедшие почему-то очень быстро выходят на цель.

Видимо, у них есть свой бес-путеводитель...

Предполагать, что Волохова исполняет волю Всевышнего, казалось подполковнику чудовищным и даже кощунственным.

Глава тридцатая

Коттедж служителя Фемиды представлял собой сказочный бревенчатый терем, причем терем трехэтажный. Резные наличники и флюгера, уютные лоджии, высокое крыльцо, ведущее на просторную террасу. Участок в семь или восемь соток был явно тесен для такого дома.

Никаких признаков жизни во владениях Пискунова не наблюдалось. Бурав всматривался в окна и нутром чуял, что живых обитателей в доме нет.

— Пошли! — скомандовал он Алексею.

Со стороны соседнего участка доносился нескончаемый стук молотка: хозяин строил новый сарай. Подполковник толкнул калитку, и они поднялись по резному крыльцу на террасу.

— Николай Викторович! — негромко позвал Бурав.

Тишина.

Бурцев и Каморин одновременно вытащили пистолеты, и Максим отворил тяжелую дубовую дверь, обитую, как в старину, фигурными железными полосами.

В доме до сих пор стоял ни с чем не сравнимый запах свежей сосны. Видно, не так давно адвокат отстроил свои хоромы.

Оперативники бесшумно двигались по комнатам. Первый этаж был пуст. Почему же тогда входная дверь не заперта? Или у них тут не воруют? И где собака Пискунова, о которой он так беспокоился во время допроса на квартире убитого Минаева?

Ответ на последний вопрос не заставил себя ждать. За спинами оперативников послышалось угрожающее рычание. Бурав и Комар разом обернулись. Огромный сенбернар, склонив голову набок, изучал гостей своим умным взглядом.

— Где твой хозяин, псина? — дружелюбно спросил Бурцев.

Сенбернар показал клыки и зарычал на полтона выше.

— Макс, я слышал, что эти собаки не кусаются, они смирные, — пролепетал Алексей.

— Вот все это ты ему и объясни, — буркнул Бурав.

Послышались быстрые шаги, и в комнату вошел Пискунов.

— Здравствуйте, господа! — кивнул он сыщикам. — Я ждал вас. Валет, спокойно, это свои.

«Да уж, свои, — неприязненно подумал Максим. — А кто заказал меня прошлым летом, а? Интересно, где я тебе тогда перешел дорожку, любезный ты мой адвокатик?»

— Добрый день, Николай Викторович, — вежливо ответил он вслух, и Комар не смог определить по его голосу, рад он видеть Пискунова живым или как раз наоборот.

— Мы с Валетом были на противоположной террасе, там, знаете ли, солнечная сторона... Стол накрыт, прошу следовать за мной.

На ярко освещенной террасе, с которой открывался вид на участок Пискунова, кипел электрический самоварчик, тут же, на сосновом столе, стояли корзиночки с баранками, печеньем и сухарями. Мужчины придвинули к себе чайные приборы, Валет, часто дыша и роняя слюну, улегся у ног хозяина.

Здесь действительно было жарко, и Бурав, отдуваясь и отгоняя мух, с видимым удовольствием налил в свою чашечку душистый чай.

— Вижу, тракторист все-таки приезжал? — вскользь спросил он, кивнув головой в сторону идеально вспаханного газона.

— Представляете, — оживился Пискунов, — возвращаюсь тогда поздно ночью от Минаева — ну, где мы с вами познакомились, — и что бы вы думали? Возле моей калитки стоит мини-трактор, а этот пропойца дрыхнет в нем. Я его не добудился, плюнул... А на следующее утро он мне все добросовестно вспахал и разровнял.

— Небогатый у вас садик-то, — задумчиво посмотрел Бурав на две приземистые яблони, покрывшиеся молоденькой листвой.

— Был богатый, — вздохнул адвокат. — Но я прошлой осенью все спилил, выкорчевал. Только две самые лучшие яблони оставил, да и то, главным образом, из-за того, что они в углу участка.

— Что ж вы так... безбожно? — исподлобья посмотрел на него Комар.

— Потому что, видите ли, сейчас не престижно садоводством заниматься, у всех порядочных людей зеленый газон должен быть. — Говоря это, Пискунов явно кого-то передразнивал.

— Понятно, — кивнул Бурцев. — А модный адвокат обязан следовать моде во всем.

— Верно, — согласился Пискунов.

Комар с наслаждением пил уже вторую чашку чая и в «артподготовке» участия больше не принимал.

— Николай Викторович, — наконец перешел к делу Бурав, — вы уже знаете, что Шестаков-старший и Дмитрий Минаев убиты примерно в одно и то же время. Как вы думаете, какова связь между этими преступлениями?

— Для меня связь очевидна только с одной точки зрения, — деловито нахмурился Пискунов. — Дмитрий собирался претендовать на часть имущества Шестакова в случае его смерти. Шестаков, очевидно, тоже мог бы заявить свои права на имущество Минаева в том случае, если бы Дмитрий скончался раньше него. А в результате ликвидации этих людей их имущество достанется совсем другому лицу. Или лицам. Вот вам и информация к размышлению, подполковник.

— А не могло ли это спорное имущество заключаться в церковных сокровищах, которые пропали из Гохрана в 1991 году? — вкрадчиво спросил Бурав. — Подумайте, Николай Викторович... Ведь именно вы возглавляли тогда следственную группу КГБ СССР. То есть вы в 91-м непосредственно занимались хищениями из Гохрана с целью сбыта ценностей за рубеж.

— Ну что вы такое говорите, подполковник! — поморщился Пискунов. — Это все равно, что сказать, будто вы с вашим молодым коллегой занимаетесь убийствами. А на деле вы ведь никого не убиваете, верно? Вы разыскиваете преступников, совершивших убийство. Уж, пожалуйста, извольте выражаться юридически грамотно, а то прямо слух режет... — Бурав в ответ только усмехнулся, и адвокат продолжил: — В свое время я вел довольно серьезные дела, когда служил в КГБ. Кстати, я не очень-то люблю вспоминать о своем чекистском прошлом. А вы, оказывается, покопались в моей биографии, проявили, так сказать, повышенный интерес к моей скромной персоне. Ну да ладно, у вас работа такая — всех подозревать... А у меня — защищать.

— И защищаться, — ядовито вставил Бурцев.

— Ну да, — спокойно ответил Пискунов. — Дело по Гохрану обещало быть грандиозным, я даже надеялся получить повышение. Но... Как вы понимаете, следствие прекратили, так по-настоящему и не дождавшись результатов. Просто мы не нашли документацию на те церковные ценности, которые тогда пропали. Были только свидетельские показания, да и то невразумительные... Даже конкретного описания исчезнувших предметов не нашлось. В общем, я думаю, что кто-то здорово погрел тогда руки...

Лицо юриста вдруг исказилось бешенством, взгляд устремился куда-то за спину оперативников. Бурав и Комар обернулись.

Сквозь плотную живую изгородь, разделявшую владения Пискунова и его трудолюбивого соседа, одна за другой протискивались изящные курочки. Видимо, хозяин выпустил их пощипать молодой травки. Деловито кудахта, хохлатки гурьбой направились в глубь участка адвоката.

— Мать-перемать! — злобно выругался Николай Викторович. — Мало я их вчера гонял. Ну-ка, Валет, задай им трепку!

Он подтолкнул сенбернара, и тот радостно устремился к несчастным клушам. Насмерть перепуганные птицы, громко квохча и взывая о помощи, заметались по вспаханной земле.

Когда уцелевшие куры вновь скрылись за изгородью соседского участка, Пискунов спустился с террасы, поощрительно потрепал сенбернара по загривку. Потом подобрал с земли двух цесарок, не подающих признаков жизни, и швырнул их опешившему соседу, жалкое лицо которого выглядывало из кустов.

— На, держи к столу! — презрительно процедил адвокат. — И чтобы больше я твоих кур у себя не видел!

Глава тридцать первая

Дорога на Москву была свободна, и Алексей с победоносным видом поглядывал на встречную вереницу машин, еле ползущую по направлению в область. Крепкий чай и несколько баранок только раздражили аппетит тридцатилетнего капитана, и он попросил Бурава высадить его в Беляево, благо это по пути.

— Пообедаю дома, и сразу — в управление, — клятвенно пообещал Алексей.

— Дело хорошее, домашних щей-то похлевать, — согласился Бурцев.

— Может, и ты?.. — несмело предложил Комар.

— Леша, ты же знаешь, что я туда не пойду, ну сколько раз можно объяснять.

Алексей поспешил сменить тему:

— А у тебя в Раменском районе какой дом — кирпичный?

— Деревянный. Из бруса. Обшит вагонкой. Там даже зимой жить можно, в принципе, хотя дорогу чистить самому приходится. У меня ведь печка там, газ баллонный. Помню, сколько хлопот было оцинковку на кровлю достать!

— А давно ты строился?

— В разгар девяностых, как на Анастасии женился, — ответил подполковник. — Сразу таким куркулем заделался! Все хотел перед ней выглядеть человеком со связями. Выбил себе участок по линии ГУВД, хотя там, в кооперативе то есть, кроме меня никого из наших нет. Потом со стройматериалами морока началась. Год прошел, пока мне брус и вагонку по нашей специальной разрядке выписали, цемент, блоки бетонные... Зато дешево все обошлось, прямо скажем. Ну, пока строился да рядился с подрядчиками, Настя от меня и сбежала. Так что она там даже ни разу и не была.

— Макс, а баллистическая экспертиза пуль все еще не готова? — вернулся к насущному вопросу Алексей.

— Официального заключения пока нет, но мне уже шепнули, что Минаев и Шестаков были застрелены из одного и того же «парабеллума».

— Это уже кое-что!

— Кое-что, кое-что... Да и сам «парабеллум» уже найден, Леша.

— Вот как?! Что ж ты молчал о самом главном? — обиделся Комар.

— Главным сей факт стал бы лишь в том случае, если бы пистолет обнаружили на квартире или на даче Пискунова, — с досадой ответил Бурцев и прибавил газу. — Тогда можно было бы смело арестовывать адвоката-убийцу. Но преступник выкинул оружие. Его нашел грибник.

— Да ведь сейчас и грибов-то нет! — вытаращил глаза Алексей.

— Есть, Комар... Сморчки, строчки. На рынке — полторы сотни рублей малю-ю-сенькая кучка. А это пузырь водяры, между прочим. Вот и шастал мужичок по лесу, да и набрел возле дороги на «парабеллум». Мог бы испугаться, оставить пистолет, где лежал. Или толкнуть за ящик отравы. А он, представляешь, в полицию снес. Бывает же такое... Вообще, тут на нашей стороне было сплошное везение. И это меня слегка беспокоит, куманек. Менты ведь тоже могли пистолетик прикарманить, как оно обычно и бывает, а местные «пинкертонеры» все честь по чести оформили, в зональный исследовательский центр ГУВД «парабеллум» отправили. Надо бы им благодарность какую-нибудь объявить, что ли...

— Ты сказал — нашего ГУВД? — удивился Каморин. — Значит, «парабеллум» в Москве обнаружили?

— Леша, ну какие в Москве грибы?! Пистолет валялся на обочине дороги между Сосенками и Ракитками. Теперь ведь это тоже Москва стала. Мы только что проехали это место.

— Боже мой! — воскликнул Алексей. — Значит, Пискунов выбросил улику, когда ехал к себе на дачу! Из квартиры Минаева в Ракитки поехал после разговора с нами! И в тот момент «парабеллум» был еще при нем, мы могли бы взять этого адвокатишку с поличным...

— Могли, да не смогли, — мрачно изрек подполковник. — Он все время играет на грани фола, провоцирует, издевается над нами...

Бурцев не мог себе простить, что не досмотрел машину Пискунова после того, как тот дал свои первые показания. А ведь хотел, уже направился, было, к лифту! Но апатия последних месяцев погасила профессиональный порыв, и Пискунов спокойно уехал, увез главную улику...

Если, конечно, убийцей действительно был он.

Комар все же уговорил Бурцева подняться в квартиру и вместе пообедать, и Максим нисколько не пожалел об этом — на обед Ирина приготовила вкуснейший куриный суп с лапшой.

— Хорошо-то как, — мечтательно вздохнул Алексей.

— Что, вкусно? — пытливо посмотрела на него Ирина, которая всегда с ревностью следила за реакцией мужа на ее стряпню.

— Да, суп отменный, — кивнул Комар. — Но я вообще-то имел в виду погоду. Как же сейчас здорово на природе, за городом! Мы с Буравом только что были в дачном поселке, допрашивали там одного деятеля... Народ на грядках копается, куры травку щиплют... Я намекнул Максиму, что неплохо бы нам всем вместе к нему на дачку съездить, да он сначала один хочет дом проведать, прибраться там...

Ирина вышла из комнаты за вторым и вернулась с большим блюдом, на котором исходил ароматами плов с курицей.

— На рынке курицу брала, в Теплом Стане, — сказала она. — Вместе с Ксюшкой утром ездили. Гляжу — Петелинские куры, самые лучшие. Их, говорят, там хорошим кормом кормят.

— А свои все равно вкуснее и полезнее, — вздохнул Алексей. — Вон, сосед у нашего подозреваемого — работающий мужик, сарай строит, кур разводит... Уважаю таких.

— Леша... — с укоризной посмотрела на него Ирина. — Ты в последнее время совсем перестал мне рассказывать про ваши с дядей Максимом приключения. А ведь раньше, бывало, мы с тобой так интересно все твои дела обсуждали, даже разгадки находили, версии всякие прикидывали... А ну, давай, выкладывай все по порядку. Я ужасно соскучилась по твоим детективным историям...

Когда Комар закончил свой красочный, прямо-таки литературный рассказ, она почему-то загрустила и решительно вынесла свой приговор:

— Плохой человек этот Пискунов, злой. У меня прямо сердце кровью обливается из-за тех двух кур, которых задрала собака этого адвоката. Если он такой богатый, мог бы сплошной забор поставить между участками, а он жадный, не хочет в одиночку платить за материал и работу. У соседа-то, видать, лишних денег нет, чтобы вскладчину забор поставить.

— Да, — согласился Алексей, вспомнив прижимистость Пискунова. — Умеет адвокат копейку считать.

— А куры-то чем виноваты? — кипятилась Ирина. — У них, Леша, оказывается, нюх просто феноменальный. Сразу чувствуют, где свежевскопанная земля, и туда идут червячков поклевать. А то черви быстро на глубину уйдут, день-два, и курам ничего не достанется.

Она ненадолго замолчала, потом вдруг улыбнулась и снова заговорила:

— Знаешь, мне бабушка одну забавную историю рассказывала — при Горбачеве это было. У нас в деревне, как во всей советской стране, началась борьба с самогонварением. А как на селе без самогона прожить? За любую работу только им и расплачивались. Ну, и сами пили, конечно... Водка-то по талонам была, одна бутылка в руки на целый месяц, да и цены поднялись.

— Лучше бы и не было ее совсем, этой водки, — проворчал Алексей, вспомнив пропавшего невесть куда Шестакова-младшего. — Одна беда от нее.

— Леша, я не про то, у нас в семье вообще никто сильно не пил, кроме деда, да и тот меру знал. Но самогон ему бабушка варила, это точно. Так вот, стал дед думать, куда ему от участкового первач прятать. Нюх у нашего участкового был на самогон просто собачий! И дед придумал. Гнали самогон по ночам, а трехлитровые банки с первачом на огороде закапывали.

Алексей насторожился, какая-то смутная мысль зародилась в его мозгу...

— Утром приходит участковый, — со смехом продолжала Ирина, — и говорит: ну, где самогон прячете? Дед руками разводит: нету, мол, не гоним мы эту отраву. Да только участкового провести не так-то просто было, он же сам деревенский, все хитрости крестьянские знает. И приказывает бабушке: ну-ка, Авдотья, веди к курятнику! Той делать нечего, ворчит, а курятник отпирает. А участковый возьми да и выпусти всех кур в огород! Так они его сразу к самогону и привели. Я ж говорила тебе, Леша, что безошибочно чувствуют куры, где недавно копали, напрямик туда идут...

Алексей вскочил с места так молниеносно, что табуретка опрокинулась на пол, и обнял жену:

— Иришка, ты просто гений!

Он был уверен, что теперь точно знает, где находятся церковные сокровища, исчезнувшие из Гохрана в 1991 году...

Глава тридцать вторая

В далеком селе Ольгинское профессиональный кладоискатель Виктор Венгеров шагнул на садовую дорожку, мощеную церковными плитами.

— Волохов Григорий Лукич, — представился хозяин и хитро так глянул на непрошенного гостя: — Может, слышал?

— Да нет, признаться, не доводилось, — растерялся Виктор, который пока не мог определиться с линией поведения.

Он украдкой разглядывал сельского жителя, чья манера общения с незнакомыми людьми не могла не настораживать. То ли Волохов, и в самом деле, гостеприимный простачок, то ли прикидывается, и тогда надо держать ухо востро.

— Писатель я здешний, можно сказать, единственный на всю округу, — с достоинством пояснил Григорий Лукич. — Тебе случайно не попадалась в руки книга «История Латницких золотых промыслов»? Так это я — автор. А тебя как звать-величать? — подмигнул он Венгерову и лопатой протянул свою ладонь.

— Раб Божий Виктор, — потупясь, ответил Виктор.

— Ха-ха! Раб Божий, обшит кожей! — искренне веселился Григорий Лукич. — Ты это брось, Витек! Божьи рабы на таких крутых машинах не разъезжают, они бедные, как церковные мыши. А у тебя — такая тачка шикарная. Раб Божий он, видите ли... Это ты, брат, Михайлу Потапычу лапшу на уши вешать можешь, сколько тебе влезет. И сколько его уши выдержат.

— Между прочим, Григорий Лукич, я как раз и приехал сюда, чтобы бескорыстно потрудиться на благое дело восстановления Божьего храма во имя равноапостольной Ольги, — с мягким укором ответил Венгеров. — И Михаил Потапович мне очень приглянулся, душевный человек, от корней земли русской...

— Ой, ой, ой! — притворно захохотал хозяин. — Да за тобой прямо записывать надо, эка ты высоким штилем говоришь-то. Мне, чтоб такое из себя вымучить, надо сутки голову ломать, несмотря на то, что я писатель. А у тебя уж, видать, вся роль назубок выучена, молодец, парень!

Виктор непроизвольно вздрогнул: этот мужик будто насквозь все видит. Ошибся Венгеров — с таким надо либо напрямую, либо ноги отсюда уносить.

А Волохов между тем продолжал чехвостить «раба Божия»:

— Это только у вас в столицах незаметно, когда человек лицемерит да лукавит, вы без вранья жить не можете, это у вас в крови. А здесь,

в деревне, тебя всякий на чистую воду выведет, имей в виду, парень. Тут люди светлые, незамутненные. Так ты чего, на ночлег, что ли, проситься пришел?

— Да, — совсем стушевался Венгеров, чего с ним давненько уже не случилось.

— А чо ко мне? Дом понравился аль плиты церковные опознал?

Виктор почувствовал, что бледнеет. Этот Волохов — он что, колдун здешний, что ли? И фамилия-то подходящая — из древних волхвов, стало быть... Из ведунов языческих.

— Думаешь, я колдун? — опять угадал мысли гостя Григорий Лукич. — Был бы колдун, я бы тоже клады искал, как и ты. Только у меня это гораздо лучше получалось бы. Чудак ты, парень... Нету никакого во мне колдовства. Просто... Думаешь, ты первый сюда за кладом приехал? Как бы не так. Прочитают в архивах про наши дела двадцатых годов, и айда сюда, в Ольгинское. Насмотрелись мы тут на всякого вашего брата-кладоискателя, за версту теперь видим. Один художником прикинется, мол, церкву рисовать приехал, другой бумажку из епархии показывает — я, дескать, с ревизией, храм скоро опять открывать будем... А сами, как стемнеет, шасть в церковь, да с миноискателями...

— С металлоискателями, — поправил его Виктор и понял, что выдал себя окончательно. Впрочем, ему и без того не имело никакого смысла притворяться дальше.

— Во-во, с металлоискателями, — закивал головой хозяин дома. — Ты-то вот поумней оказался, придумал верующим прикинуться, помощником бескорыстным. Да только меня все равно не проведешь. А клад тот давно уж вынули, такие дела, раб Божий Витек...

— Да кто же вынул-то? — спросил Виктор. — Вы знаете, кто нашел сокровища? Говорите прямо, без обиняков.

— Клад тот откопал бывший хозяин этого дома, который тут прежде до меня жил. Ну, во всяком случае, люди так говорят. Я у него дом купил лет десять назад. Так что правильный ты след взял, первым из вашего брата догадался плиты на участках поискать. Кстати, не нужны мне эти плиты, только глаза мозолят да черные думки навевают. Увидишь Потапыча, скажи ему, чтоб мужиков прислал, пускай мрамор обратно в церковь возвращают... От них беда одна, от плит этих.

— Какая же беда? — машинально спросил Венгеров.

— Да уж такая, самая что ни на есть обыкновенная. Проклятие на них лежит, это как пить дать. Не принес клад счастья своему обладателю. Вот что значит — церковь обворовывать... Жена-то евояная, Лизка-то, поскользнулась на этих плитах после дождя, да все нутро себе и отшибла. Так и не поднялась больше, бедная, через месяц схоронили ее на погосте

возле той самой церкви. А сам он от людей стал прятаться, на него ж все пальцем показывали... Купил я у него этот дом за три копейки, в придачу еще и «Москвича» его горбатого получил... И уехал он в Москву. Да только, говорят, потом с ума сошел от видений всяких.

— А фамилия того мужика была какая? — спросил Виктор, предчувствуя недоброе.

— Венгеров, — четко, с расстановкой ответил ведун. — Венгеров Станислав Николаевич. Ты, Витек, машину-то свою подгони, я сейчас ворота открою. Баньку истопим, попаришься с дорожки... А про историю с кладом забудь. Конец ей настал, этой истории-то.

Виктор, словно во сне, подошел к «фольксвагену», отомкнул дверцу, повернул ключ зажигания.

Нет, это еще не конец истории, что бы там ни говорил прозорливец Волохов. Значит, судьба своим таинственным промыслом вела его, Виктора Венгерова, по следам ненавистного отца! Это он, отец, опять изломал его жизнь, опять нагадил, присвоил себе клад, который должен принадлежать Виктору! Невероятно, но факт... Что ж, все складывается в удивительно четкую мозаику, все — один к одному. Владимир Шестаков убит, полторы сотни золотых червонцев, которые он практически отобрал у беззащитного студента, не принесли бывшему гохрановцу радостей жизни. Теперь очередь за отцом-негодяем. Он до конца выпьет чашу расплаты. Ответит за все свои провинности перед сыном.

Банька у Волохова была что надо: не так давно срубленная, она еще источала смолистый запах сосны. Полки были гладкие и совсем не обжигали. А веники Григорий Лукич предложил сразу нескольких видов: классические березовые, дубовые и смешанные, с можжевельником.

Он сам крякал и ухал, нещадно охаживая себя дубовым веником. Потом спустился с полка и, отдуваясь, изрек:

— Ну, парень, с меня хорош, я вчера только парился.

Виктор лежал на полке с закрытыми глазами и потому не мог видеть, как зорко смотрел на него хозяин. Расслабился Викинг, потерял свою извечную бдительность. Захотел стряхнуть с себя напряжение, побыть просто человеком в деревенской баньке...

Григорий Лукич поддал жару, прикрыл за собой дверь в парилку, наскоро оделся и принялся исследовать карманы Венгерова. Пролистал паспорт, усмехнулся. Потом прихватил ключи от «фольксвагена» и, выйдя во двор, подошел к машине. Отомкнул багажник и снова хмыкнул. Здесь лежали два импортных металлоискателя, ломик, заступ и топор. Была и свернутая в чехле палатка. Захлопнув багажник, он открыл переднюю дверцу справа от водительского места и сразу полез в бардачок.

Покачал головой, вынимая пистолет, примерил его к своей руке, взвесил. И пошел обратно в парилку.

Виктор сидел на полке, свесив голову, и блаженно созерцал, как крупные капли пота, падающие с его лба, сливаются в лужицу на гладком полу. Дверь распахнулась, обдав Викинга внезапной прохладой, и в проеме показался Григорий Лукич. Он жестко посмотрел на своего гостя и неожиданно низким, скрипучим голосом произнес:

— Я ждал тебя, Виктор Венгеров. Давно ждал. Можно сказать, всю свою сознательную жизнь.

В лицо Викинга смотрело дуло его собственного пистолета.

Глава тридцать третья

Омоновский микроавтобус, игнорируя и правила движения, и вяло текущий в сторону области поток автомобилей, мчался по Калужскому шоссе по встречной, свободной полосе. Шесть парней в камуфляже и черных масках, с укороченными автоматами Калашникова в руках, сидели на продольных скамьях в салоне микроавтобуса. Капитан Дутов меланхолично постукивал пальцами по коленке, подполковник Бурцев хмурился, глядя на встречные огни, Алексей Каморин нервно мял свои ладони, страшно волнуясь и за себя, и за Бурава.

Слишком уж гладко все получалось. Сначала Бурцев безо всяких насмешек и сомнений принял версию Комара о закопанных под яблоней церковных сокровищах; затем начальник отдела убийств Геннадий Кротов без промедления связался с бригадой капитана Дутова и благословил омоновцев на вторжение в пределы дачного участка адвоката Пискунова... А вдруг догадка Алексея — миф, нелепость? Подумаешь, куры какие-то... Эти боязливые птицы могли пойти за червячками в уголок чужого участка, под укрытие яблонь, чисто инстинктивно, а не потому, что там вспашка свежее...

— Вы там, ребята, поосторожнее, — напутствовал «дутовцев» Максим Бурцев. — Он адвокат, имейте в виду. Если что не так, попьет нам всем крови... Так что без особой необходимости дверей и костей не ломать, окна не крушить, из автоматов не палить. Да и собаку не убивайте, уж будьте добры.

— Постараемся, товарищ подполковник, — с досадой отвечал капитан Дутов. — Хотя и не привыкли мои парни к политесам всяким. Нам не за доброту деньги платят. Не для того мы созданы, понимаете?

Микроавтобус тихо причалил возле участка Пискунова. В окнах дома горел мягкий свет. Омоновцы выгрузились, один из них просунул руку между прутьями и отодвинул щеколду.

— На хрена было нас вызывать, — нарочито громко буркнул верзила. — Для такого дела можно было обойтись парой курсанточек из полицейского училища...

Адвоката под белы ручки вывели на террасу, предусмотрительно заперев сенбернара в комнате. Николай Викторович оторопело хлопал глазами в лучах мощных фонарей.

— Вы за это ответите, подполковник, — прошипел Пискунов и тут же получил резкий тычок автоматным дулом. Правда, сам омовец искренне полагал, что ведет себя вполне галантно.

Адвокат замолчал, поняв, что в данный момент сила не на его стороне.

Бурцев тем временем пошел за понятами на соседнюю дачу. Хозяин пострадавших кур торопливо одевался, его жена едва поспевала за супругом.

— Я видел, как сегодня погибли ваши бедные куры, — неторопливо говорил подполковник, расхаживая по маленькой гостинной. — Печальное зрелище... Но вы не жалеете о курах, Юрий...

— Павлович.

— Так вот, Юрий Палыч, поверьте, они героически отдали свои жизни во имя благого дела. Гуси, как известно, спасли Рим, а ваши куры сохранили сокровища для нашей Православной Церкви.

— Не понимаю...

— Сейчас все поймете.

Впрочем, сопровождая соседей Пискунова на участок адвоката, Бурав так и не был до конца уверен в успехе затеянной кутерьмы.

В недрах сказочного терема отчаянно лаял сенбернар, фонари освещали вспаханную землю возле старой яблони. Адвокат понуро смотрел себе под ноги, рядом с Николаем Викторовичем бдительно дежурил Комар, демонстративно положив руку на расстегнутую поясную кобуру.

— Копайте здесь, — распорядился Бурцев, и омовцы принялись ожесточенно махать саперными лопатками. Раздался глухой стук, и через минуту-другую в неглубокой яме обнажился контур продолговатого пластмассового ящика.

— Понятые, подойдите поближе, — пригласил Юрия Павловича и его супругу Бурцев. — Внимательно смотрите, что будет дальше.

Пискунов с ненавистью глянул на соседскую чету. Будь его воля, он с наслаждением натравил бы своего Валета не на глупых кур, а на этого куркуля с его дебильной бабой...

Омовец поддел лопаткой крышку, и она с треском подалась. В свете фонарей переливались золотом и разноцветными камнями напре-

стольные кресты, матовые диски, бриллиантово-изумрудные архие-рейские панагии...

— Узнаешь, Леша? — подмигнул Каморину Бурав.

— Вроде, узнаю... — неуверенно ответил Алексей. — Макс, да это, похоже, те самые предметы, что мы видели на фотографиях в квартире уби-того Шестакова!

— И как вы прокомментируете нашу находку, Николай Викторович? — ласково обратился к Пискунову Максим.

— Как, как... — по-вороньи огрызнулся адвокат. — Хватит глумиться, подполковник. И без того все ясно. Запираться мне нет никакого смысла — на предметах есть мои отпечатки пальцев...

— Ну, так изложите вкратце, уж будьте любезны, историю перемеще-ния этих ценностей из подвалов Гохрана на ваш участок.

— Вкратце дело было так, — недовольным голосом начал Пискунов. — В июле 1991 года ко мне пришел Минаев и сообщил, что ему по его кана-лам стало известно о готовящемся в стране перевороте. Ну, который впо-следствии путчем обозвали. Я поначалу не поверил, счел Дмитрия фанта-зером, но он убедил меня в справедливости своих опасений.

— Каким же это образом? — быстро спросил Бурцев.

— А таким. Минаев обратил внимание, что тогда, летом 91-го, резко увели-чилась продажа за рубеж ценностей Гохрана. И делалось это как-то нервоз-но, впопыхах, что ли... За каждой такой операцией маячили высокие партий-ные чины. По сути, партийную кассу попросту переводили за границу.

— И вы с Минаевым, как истинные патриоты... — начал, было, Бурав, чем привел Пискунова в бешенство.

— Да! — выкрикнул адвокат. — Именно так! И я буду настаивать на та-кой формулировке наших мотивов. Вот увидите, процесс надо мной ста-нет политическим, а не уголовным! И еще не известно, как все закончит-ся... Мы, как истинные патриоты своей Родины, решили спасти для Рос-сии то, что еще можно. У Минаева был дальний родственник, заместитель руководителя Гохрана Владимир Шестаков. Он случайно рассказал Дми-трию, что в Гохран поступили церковные ценности, изъятые у какого-то рижского антиквара. Ценности были приобретены им незаконно и готови-лись к переправке за границу.

Бурав и Комар непроизвольно переглянулись: рижский антиквар... Уж не Андрея ли Степановича Безлепкина имел в виду Пискунов?

Николай Викторович между тем продолжал:

— Мы встретились с Шестаковым, объяснили ему ситуацию. Я уже знал от Минаева, что Владимир Филиппович сильно переживал из-за разбазаривания национальных сокровищ. В общем, он разделял нашу позицию, стал единомышленником и согласился тайно изъять церковные сокрови-

ща, которые были конфискованы в Риге. Задача упрощалась тем, что эти предметы еще не были как следует задокументированы и не успели поступить в бронированные хранилища. Прятать ценности решили у меня на квартире, поскольку я вроде был вне подозрений, к тому же имел доступ к следственной информации...

— Мало того, вы каким-то образом устроили так, что лично возглавили следствие по делу о сокровищах Гохрана, — усмехнулся Бурцев, — и благополучно развалили его.

— Разумеется, — осклабился Пискунов, при этом он то и дело поглядывал куда-то вниз и вбок. Комару, который стоял по левую руку адвоката, пришла в голову нелепая мысль: вот сейчас развернется земля, обнажив потайной ход, и Пискунов юркнет туда, оставив с носом оперативников и омоновцев...

Знал бы он, куда на самом деле смотрел его подопечный!

Глава тридцать четвертая

— А теперь, господа, — вздохнул Бурцев, — позвольте изложить вам концовку всей этой грустной истории. В 2000 году власть вновь сменилась, в стране наступила относительная стабильность. Короче, новый режим вполне соответствовал чаяниям Владимира Шестакова. И вам, Николай Викторович, становилось все труднее затягивать передачу спрятанных ценностей государству, убеждать Владимира Филипповича подождать еще немного. К тому же недавно здоровье Шестакова стало стремительно ухудшаться. А он хотел умереть честным человеком, с чувством выполненного долга, и, на свою погибель, принялся форсировать события, возможно, даже угрожать вам и Минаеву разоблачением и судом.

Адвокат пронзительно посмотрел на Бурцева, и тот понял, что угодил в самую точку.

— В день двойного убийства Минаев позвонил вам сюда, на дачу. Он был в панике: ведь Шестаков настаивал на немедленном возвращении сокровищ государству!

— Справедливости ради, подполковник, должен вам сказать, что и Минаев был за то, чтобы отдать ценности обратно в Гохран. Не хочу, знаете ли, очернять покойника... — перебил его Пискунов.

— Вот как?.. — удивленно поднял бровь Бурав. — Что ж, выходит, порядочных людей на свете гораздо больше, чем я думал... Н-да. Но ни Шестаков, ни Минаев знать не знали, что за эти годы вы уже распродали часть церковных сокровищ. Я вижу, что здесь, например, не хватает нескольких пасхальных яиц работы Фаберже, двух или трех наперсных крестов... Да и с теми драгоценностями, которые сохранились — а это льви-

ная доля! — вы, конечно же, расставаться не желали и спешно отправились в Москву, прихватив с собой «парабеллум». Поочередно ликвидировав Минаева и Шестакова, вы вернулись на квартиру к бывшему внешнеторговцу и вызвали полицию.

— Интересно, зачем же мне это понадобилось? — скривился Пискунов. — Ведь я таким образом сразу попал в поле вашего зрения...

— Верно, — охотно согласился Бурав. — Но вы были вынуждены вернуться, ведь ваша квартира — по соседству с минаевской. А там, у вас дома, хранился этот ящик с драгоценностями. Вам пришло в голову, что неплохо бы его перепрятать понадежнее. Скажем, здесь, на своем участке, где со дня на день появится трактор и все разровняет. Но тракторист проспался раньше, чем вы думали, и уже спозаранку распахал ваш участок. Поэтому вам пришлось закапывать ящик с сокровищами спустя сутки, в уже разрыхленную землю. А сегодня на участок проникли соседские куры и ... посмеялись над вами, Николай Викторович. Прежняя-то вспашка уже корочкой подернулась, а эта, — кивнул он в сторону яблони, — свежа-свежихонька!

Омоновцы зачехляли титановые лопатки и всем своим скучающим видом давали понять, что делать им тут больше нечего. Казалось, диалог Бурцева и Пискунова этих парней нисколько не затрагивает.

— Спасибо за интересную историю, подполковник, — серьезно произнес Пискунов. — Что касается церковных ценностей, то я буду настаивать, что не похитил их, а сохранил для государства. А ваши фантастические предположения, будто я убил Минаева и Шестакова, вам придется не только обосновать, но и доказать.

— Докажу, — кивнул Бурцев. — И еще докажу, что по вашему личному заказу в прошлом году братья Савичевы застрелили капитана полиции Петра Шилова. У меня, кстати, есть свидетель того убийства.

При этих словах капитан Дутов и его brave ребята встрепенулись и впились недобрым взглядом в Пискунова. Ах, кабы не куча свидетелей, лежать бы Николаю Викторовичу на вспаханной земле, и жизнь его утекала бы в чернозем сквозь множественные пулевые отверстия...

— А вот это — действительно курам на смех! — воскликнул адвокат. — Надежда Волохова — умалишенная, и потому в качестве свидетеля выступать не может. Вам-то уж совсем стыдно не знать таких вещей, подполковник! А оба Савичевых мертвы.

— Волохова выздоровела, со дня на день ее признают полностью дееспособной, — издевательски парировал Бурав. — Что касается Савичевых, то они были убиты во время неудачного исполнения очередного вашего заказа. Вы, Николай Викторович, в данное время являетесь адвокатом Михаила Савичева, младшего брата Валерия и Бориса. И в счет опла-

ты ваших адвокатских услуг вы потребовали от Савичевых ликвидировать Ивана Беспалова.

— Зачем мне это? — картинно воздел руки к небу Пискунов.

— А затем, что Беспалов был единственным близким другом Владимира Шестакова, и вы жутко боялись, что в порыве откровенности Шестаков успел рассказать ему историю похищения гохрановских ценностей, назвать имена участников аферы. Вот вы и поторопились убрать Ивана Ильича. Только, опять же, он остался жив. А ваш подзащитный Михаил Савичев в отместку за своих погибших братьев уже дал показания на ваш счет. Подписался, что именно вы поручили братьям ликвидировать несколько человек, в том числе — капитана Шилова. — Бурцев повернулся к Дутову и распорядился:

— Наденьте на него наручники.

В руке у Дутова блеснули никелированные кольца, и Комар сделал шаг в сторону, словно передавая своего подопечного с рук на руки. При этом Алексей машинально убрал руку с расстегнутой кобуры пистолета.

Этого мгновения для бывшего майора КГБ Пискунова оказалось достаточно...

Глава тридцать пятая

— Ну и зачем вам понадобилось наставлять на меня мой же собственный пистолет? — хмуро спросил Венгеров.

Волохов усмехнулся, налил себе и Викингу по рюмочке самодельной брусничной настойки и пояснил:

— Проверить тебя хотел, парень. На вшивость. Поглядеть, чего ты стоишь как мужик. Умеешь ли смотреть смерти в лицо или нет. Вообще, годишься ли для серьезного дела.

Они выпили, не чокаясь.

На струганном столе возле печки-лежанки стояли тарелки с хлебом и салом, грибами, отварной картошкой и квашеной капустой. Виктор, чье детство прошло в схожих условиях натурального хозяйства, с молчаливым одобрением уплетал всю эту деревенскую благодать.

— Ну и как, проверили? — спросил он с набитым ртом.

— Ага. Ты мужик хоть куда, даже глазом не моргнул...

— А если б я, Григорий Лукич, вас кипятком обварил? — хмыкнул Виктор. — Была у меня такая мыслишка, шайка-то с варом под рукой стояла, на каменке.

— Получил бы в зубы, — коротко ответил Волохов и уже миролюбиво добавил: — Ладно, ты того... Не смотри волком-то. Я сам волк, причем,

доложу тебе, очен-но даже матерый. Если в глотку вцеплюсь — считай, конец. Но волк волку — завсегда товарищ, друг и брат. — Он вдруг пылливо глянул в глаза Венгерову: — Стало быть, батяня твой тут обитал допреж меня.. — Ты знал, аль случайно на след родителя вышел?

— Случайно, Лукич, — вздохнул Виктор, выпил настойку и принялся рассказывать короткую историю своей жизни. Этот прямолинейный сельский мужик, что сидел напротив его и нарезал толстыми ломтями шматок сала, вызывал у кладоискателя все большее доверие. А может, он уже давно подсознательно тосковал по настоящей дружбе — то есть дружбе, скрепленной общим делом. Причем делом опасным, рискованным.

— Н-да, парень, — покачал головой Волохов.. — Вот оно, значит, как все обернулось... Судьба!

— Судьба, — эхом отозвался Виктор и выразительно посмотрел в сторону кипевшего на тумбочке самовара.

Цилиндрическая, начищенная кирпичом тушка медного красавца была сплошь разрисована медалями и знаками отличия, полученными еще в период знаменитых Парижских выставок. Двухколенная, с отводом, труба уходила в отдушину печи, и дым от жарких сосновых шишек почти не проникал в избу.

— Чайку, стало быть? — перехватил его взгляд Григорий Лукич и без суеты выставил из дореволюционного буфета гарднеровские чашки, расписанные земляникой. — Щас будет чаек, да такой, какого ты в жизни не пивал.

— Спасибо... — задумчиво пробормотал Викинг. — Вы это про судьбу правильно сказали, Григорий Лукич. Она-то, видать, и привела меня сюда, под кров этого дома. С Владимиром Шестаковым мне поквитаться не довелось: другой человек застрелил его, тоже, видать, обманутый, как и я. Но уж с отцом-то своим я рассчитаюсь по полной программе! По гамбургскому счету!

— Ты это брось! — сурово одернул его Волохов. — Даже думать забудь об этом! И чтоб я больше таких речей не слышал... Я тебе дело настоящее собираюсь предложить, а ты все прошлым живешь. На хрен ты мне тогда нужен?

— А что за дело?

Волохов залил пузатый заварочный чайник бурлящим кипятком, поставил на стол.

— Брусничный лист тут, смородина, земляника, малина... — неспешно проговорил он, словно и не слышал обращенного к нему вопроса. — Ну, и чая немного, для скуса да ядрености.

Мужчины помолчали, дожидаясь, пока заварка войдет в силу.

— Ты, Витек, для начала одну историю послушай, — с хитрым видом начал Григорий Лукич. — Был в стародавние времена один ювелирный завод, уж не помню — то ли в Америке, то ли в Европе. Десятилетиями там золотишко плавил, небо коптили. А рядом большой жилой дом стоял с железной крышей. Ну, один тамошний мужик и смекнул, что почем... Купил он этот ветхий дом, железо с крыши содрал и переплавил. И получилось у него восемь кило чистого золота!

— Это что же, копать с завода?..

— Соображаешь, — похвалил гостя Григорий Лукич. — Я сразу определил: умный ты мужик. Представляешь, годами сажа из заводских труб оседала на крыше соседнего дома, а в саже той немало было золотых примесей... Крепко мне эта байка в мозгу засела, с самого детства. Не буду тебе всего рассказывать, да и неинтересно это... В общем, поселился я здесь, в Ольгинском, сначала в старой хлабуде на окраине села, а потом уж этот дом у отца твоего купил. Про старинный клад в церкви мне уже рассказали, да только я не жалел, что мимо моих рук сокровища прошли. Другая цель перед глазами маячила. А цели той, кроме меня, никто из смертных не видит... — Волохов посмотрел на Венгерова тяжелым взглядом: — Тебе первому говорю, так что учти, парень...

— Учту, учту, — досадливо отмахнулся Викинг, которого все больше и больше занимал неторопливый рассказ хозяина.

— Вот ты, Витек, клады повсюду ищешь, — продолжал Григорий Лукич. — Видать, хорошо у тебя это получается, коли ты разбогатеть сумел. Я видел твою машину, да и амуницию тож... Кстати, там у тебя в багажнике акваланг лежал. Это тебе зачем, а?

— Я профессиональный водолаз и аквалангист, — нехотя пояснил Викинг. — А с собой гидрокостюм и баллоны вожу на всякий случай, всегда пригодиться может...

— Это хорошо, — с удовлетворением кивнул Григорий Лукич. — Это как раз то, что надо. В общем, начал я в местных архивах копать, статейки в здешней газете печатать про обычаи старинные, про природу да историю. Стали мои выступления в газете подписывать: «Григорий Волохов, краевед». А мне только того и надо. Пробился я к директору Латницкого завода ювелирных изделий, да и говорю: так, мол, и так, хочу составить историю вашего знаменитого предприятия. А истории этой — полтора века с гаком! Еще при императоре Николае I завод стал золото лить да побрякушки разные изготавливать. Директор подумал и говорит: дело хорошее, нам для рекламы и бизнеса очень даже нужное. И вы, как специалист, с ним справитесь. В общем, заказал он мне ажно цельную книгу про Латницкий завод, от самых истоков до наших дней. Аванс я получил приличный... А главное — дали мне доступ к архивным документам завода, копайся, мол, пиши свою книгу.

Волохов встал, бережно снял с полки подарочное издание в глянцевого переплете, с гордостью протянул Венгеру.

— Вот оно, мое творение. Теперь я не только краевед, но и писатель, во как! В Союз вступил, корочку писательскую имею... Все честь по чести. Недавно вторую книгу написал, теперь уж художественную. Правда, не печатают, сволочи, все «завтраками» кормят...

Виктор в растерянности перелистывал мелованную финскую бумагу, мельком разглядывал старинные литографии и фотоснимки... Куда клонит этот самовлюбленный графоман?

— А клоню я вот куда, — угадал мысли Венгерова пронизательный Волохов. — Искал я в архивах завода не столько материал для книги, сколько...

— Что же? — вопросительно поднял бровь Виктор.

— Золотые залежи! — торжественно изрек Григорий Лукич, нависая над гостем.

Глава тридцать шестая

В воздухе мелькнула рука Пискунова, и мощный зажим сковал горло капитана Каморина. Правой пятерней адвокат выхватил из кобуры Алексея табельный пистолет Макарова и ткнул ствол под ребра плененному оперативнику.

Вмиг все шестеро омовцев упали на одно колено, и дула укороченных автоматов зафиксировались на Пискунове и его заложнике.

— Всем в угол! — истошно орал Пискунов, прижимая запрокинутую голову Алексея к своему плечу. — В угол, к яблоне! Оружие на землю!

Каморин выпученными глазами смотрел на Бурцева. Тот сделал знак омовцам, и автоматы легли на вспаханную почву.

Прикрываясь телом оперативника, адвокат пятился назад, к выходу со своего участка. Соседская чета испуганно прошмыгнула мимо, под защиту доблестного ОМОНа.

— Фонари погасить! — закричал Пискунов, и лучи света, направленные на сомкнувшихся в смертельных объятиях людей, потухли.

За спиной адвоката, метрах в семи, неслышно возникла фигура омовского водителя. Он поднял пистолет и тщательно прицелился в затылок Пискунову.

Максим сделал шаг вперед, одновременно поднимая вверх левую руку — дескать, всем оставаться на местах, а правой вытащил из кобуры пистолет.

В лунном сиянии посверкивал лишь правый глаз Пискунова, который выглядывал из-за головы Комара. Бурав медленно поднял пистолет и направил ствол в эту единственно возможную цель.

— Бросьте пистолет, подполковник! — выкрикнул адвокат, пятясь назад вместе с Камориным. — Учтите, я пристрелю его! Дайте мне возможность уехать на вашем микроавтобусе, и он останется жив! Я высажу его на шоссе!

— Никого вы не пристрелите, Николай Викторович, — спокойно отчеканил Бурцев. — Ну, продырявьте вы ему правый бок, так в больнице эту пустяковую рану быстренько залатают. Зато я разнесу вам башку, это уж как Бог свят. Прямым ходом в морг отправитесь.

При этих словах Комар заледенел от нестерпимого ужаса: ему казалось, будто пистолет Бурава смотрит точно ему в лицо.

— Так вы желаете, чтобы я приставил пистолет к его виску? — в истерике завизжал Пискунов.

Ствол «Макарова» на мгновение оторвался от бока Алексея, и рука адвоката поползла вверх.

В ту же секунду грохнул выстрел, и пистолет подскочил в руке подполковника Бурцева. «Надо же, я и не думал, что «Макаров» может греметь так оглушительно», — пронеслось в голове Бурава, и он ринулся к слипшимся фигурам.

Комар, словно во сне, стряхнул с себя обмякшее тело адвоката и, шатаясь, сделал несколько шагов в сторону. Потом обессилено сел на землю и пробормотал побелевшими губами:

— Спасибо, Макс.

Капитан Дутов подошел к трупам Николая Пискунова, наклонился, поцокал языком и уважительно произнес:

— Отличный выстрел, товарищ подполковник. — После чего обернулся к своим парням: — Вот, учитеесь, как надо стрелять в мерзавцев, которые берут заложников!

Омоновцы с восхищением и завистью смотрели на Бурава. Этот коренастый, чернявый подполковник, одетый в штатское, умел, оказывается, не только болтать языком, но и сыграть ва-банк! Да еще как сыграть, им бы так...

Максим подошел к Пискунову, склонился над ним и повернул мертвую голову на сторону.

В правом виске адвоката зияло отверстие.

— Пуля попала в глазницу, срикошетила от черепной кости и вышла через висок, — прокомментировал капитан Дутов. — Теперь пусть ваши эксперты ищут ее, как иголку в стоге сена...

Бурцев посмотрел в сторону живой изгороди, разделявшей владения Пискунова и его соседа. Высокие кусты, находившиеся в двух шагах от тела адвоката, еще колыхались, потревоженные кем-то незримым.

— Никита, — тихо прошептал Максим.

Черная дыра в правом виске убитого была вовсе не выходным, а входным отверстием. Пуля сначала угодила в висок, а уж затем выбила глаз Пискунова. И подполковник никак не мог произвести такой выстрел.

Хотя бы потому, что он вообще не стрелял.

Алексей ощупал свой правый бок, поднес ладонь к лицу, понюхал.

— Макс! — беспомощно позвал Комар, не вставая с земли.

— Чего тебе? — недовольно повернулся к напарнику Бурцев.

— Макс, ты только не ругайся... Я, кажется, ранен...

— Что-о? — взревел Бурав, кидаясь к Алексею. — Дутов! Бинты, аптечку!

— Может, мы чем-нибудь помочь можем? — сбивчиво спросила жена соседа, с материнской жалостью глядя на Алексея.

— У меня спирт есть, — встрял Юрий Палыч. — Могу принести.

Бурцев тут же вспомнил о докторе Груздине, ибо спирт и Груздин — понятия неразделимые. Он достал мобильный и, придирчиво наблюдая, как омоновец обрабатывает рану Комара, принялся набирать номер Сергея Сергеевича.

— Серега? Давай бросай все, что там у тебя, и дуй на мою бывшую квартиру. Да, к Камориным... Ага, праздник... Леху подстрелили. Да нет, обойдемся без госпиталя, своими силами... Точнее, твоими. Да, бери всю амуницию.

Бурав дал отбой и повернулся к Юрию Павловичу:

— У вас есть машина?

— Да-да, конечно...

— Я должен отвезти его домой. Дайте мне ключи. Завтра я верну вам ваше авто в целости и сохранности. И с полным баком в придачу.

Алексея водрузили на заднее сиденье видавшей виды двадцать четвертой «Волги», и Бурав погнал машину в сторону бледного зарева, полыхавшего над ночной столицей.

Глава тридцать седьмая

— Тонны, а может, десятки тонн золота! — возбужденно тараторил Григорий Лукич, расхаживая по избе. — Начиная с середины девятнадцатого века, в речку Мошенку сваливали шлаки от золотого производства! И воду сливали техническую... И все это — на одном коротком участке, не то что твои наполеоновские солдаты!

Викинг почувствовал, как от слов Волохова у него заколотилось сердце... Вот она, удача! Вот клад всей его жизни! Не жалкие червонцы и побрякушки, а пласты золотоносного шлака на дне подмосковной речушки... Миллионы, десятки миллионов долларов!

— Шлак гораздо легче золота, поэтому не ушел сквозь ил на глубину, — сосредоточенно заговорил он. — А река — это естественная драга, она десятилетиями промывала, обогащала породу! Григорий Лукич, вы открыли настоящее золотое месторождение! Дно реки выстлано золотом!

— Да, Витек. И никто, кроме меня, о нем не знает. И не узнает. Я ведь документику-то с цифирками и координатами из архива выкрал, ни одна собака не заметила.

— А я-то вам зачем понадобился, Григорий Лукич?

— Кабы я мог в одиночку все это дело провернуть, так и не стал бы тебе открываться, — вздохнул Волохов. — Но одному в таком предприятии никак нельзя. Компаньоны нужны. И деньги, в первую очередь. А какие у меня сбережения? Так, шиш да кумыш...

— Значит, вы берете меня в качестве финансиста?

— И полноправного партнера, долевого пайщика, можно сказать, — кивнул Григорий Лукич. — Только, чур, главный — я, не замай. У меня уже и план весь разработан... От тебя понадобятся деньги, связи твои столичные, набор рабсилы, техники, охранников... А план мой такой. Нам надо взять в аренду золотоносный участок реки — якобы для строительства зоны отдыха. Под эту сурдинку мы реку перегордим с двух концов, станем якобы дно реки расчищать и углублять... Под видом туркомплекса будем строить на берегу сушилку для сырого шлака, склады, жилье для рабочих, гаражи... Ну, это уже детали. Как, нравится мой план?

— План хорош и вполне осуществим, — согласился Виктор. — Только риску больно много...

— Риск был бы, если бы мы тут слитки золотые стали выплавлять, — горячо заговорил Волохов. — А мы только доводить породу шлаковую будем до товарной кондиции. Потом продадим заводу, который скупает золотоносные отходы в неограниченных количествах. Конечно, дело мы затеваем опасное, не без того. Так ведь мы вроде не из пугливых, а, Витек?.. Кстати, дорогой мой директор, твоя доля — не более двадцати процентов от прибыли.

— А вам, значит, восемьдесят? — Виктор старался, чтобы его голос звучал насмешливо.

— Нет, завистливый ты наш, — в тон ему ответил Волохов. — Нам придется взять в долю еще пару-тройку пайщиков.

— Это еще зачем?

— Во-первых, не надо быть слишком жадным. Жадность губит всех, причем всегда и без исключений. Я, знаешь ли, не хочу валяться в морге с простреленной башкой. Во-вторых... Ты располагаешь хотя бы парочкой «лимонов» баксов для начальной стадии разработок нашего месторождения?

— Нет, конечно... — растерялся Виктор.

— Тогда слушай и помалкивай. Нам нужен богатый лох, желающий сделать рискованную ставку на все свои капиталы. Еще нам, видимо, придется взять в соучредители владельца золотоперерабатывающего завода — иначе мы больше потеряем при определении закупочных цен на обогащенный золотоносный шлак. И главное — нам нужен человек, который возьмет на себя прикрытие нашей компании от правоохранительных органов и от мафии.

— То есть «крыша», — кивнул Венгеров, начиная с уважением относиться к простоватому на вид Лукичу.

— Именно! Но не бандитская, а ментовская. Такой человек у меня на примете есть. Авторитет у него в органах полиции, прокуратуре, судебных инстанциях — колоссальный. И, что немаловажно, — пост весьма скромный, не очень заметный. То, что нужно. Человек этот обижен на судьбу, значит, хочет ее резко изменить.

— Кто же это? — хмуро спросил Викинг.

— У него дача неподалеку, я имел честь многократно общаться с ним. Мы даже чуть ли не приятелями стали.

— А зовут-то его как?

— Бурцев Максим Юрьевич, подполковник МУРа. Может, слышал?..

Глава тридцать восьмая

Доктор Груздин уже маячил возле подъезда, попыхивая сигаретой, когда рядом с ним затормозила «Волга», и из нее вышел Бурцев.

— Как ты ухитрился приехать раньше нас, глумливый эскулап? — пожал он ладонь Сергею Сергеевичу.

— Тачку взял... — доктор переложил тяжелый саквояж из одной руки в другую. — Ты, я вижу, тоже?..

— Угу. Пришлось конфисковать на время...

Бурцев и Груздин осторожно выволокли Комара из утробы «Волги» и, поддерживая раненого с двух сторон, потащили его к железной двери подъезда. Подполковник привычно набрал знакомый код, и вскоре троица уже стояла в скрежетавшей от натуги кабине лифта. Поднявшись на свой бывший этаж, Максим позвонил в дверь, и она тут же открылась, словно Ирина ждала их. Стоя на пороге, она мгновенно стала бледнее мужа, а тот при виде ее изменившегося лица потерял сознание и обвис на плечах сослуживцев.

— Сюда, сюда, — причитала Ирина, и Комара уложили на длинную, под его рост, кушетку.

— Ирочка, ничего страшного не случилось, — буднично заговорил Сергей Сергеевич. — Как видишь, у нас даже не было необходимости его

в госпиталь везти. Да, он ранен, но ранения ведь бывают разные. У муженька твоего — царапина, пуля прошла по касательной.

При слове «пуля» Ирина изо всех сил сжала зубы. Груздин распахнул саквояж, коротко распорядился:

— Ира, срочно большой стакан, кипяченую воду и огурец.

Ничего не соображая, Ирина кинулась на кухню выполнять команду врача, который был для нее сейчас царем и Богом в одном лице, и вернулась с граненым стаканом и чайником.

Груздин наполнил стакан спиртом на две трети, долил водой и протянул Алексею:

— Давай залпом.

Алексей, зажмурясь и набрав в легкие побольше воздуха, затолкал в себя весь стакан до дна, и Сергей Сергеевич, не дав ему перевести дух, тут же сунул ему в рот соленый огурец.

С мукой на лице Комар сгрыз его и в изнеможении откинулся на подушку, его лоб покрылся испариной, но щеки заметно порозовели. А Сергей Сергеевич наклонился над ним, задрал его свитер и стал придирчиво осматривать бинты, пропитанные бурой кровью.

— Так, дутовцы, похоже, гораздо лучше обучены перевязывать раны, чем стрелять точно в цель. Все правильно сделали, и антисептик, и тампоны... Но перевязать все-таки придется.

Комар не чувствовал боли, когда Груздин отдирает ссохшиеся бинты: спирт делает свое благодатное дело. А Сергей Сергеевич обильно смочил рану спиртом, затем наложил мазь, свежие тампоны и ловко перебинтовал Алексея поперек груди.

— Все, дамы и господа. Теперь пусть спит, сколько влезет. От пуза.

— А вы у нас не останетесь? — с надеждой спросила Ирина. — Дядя Максим, переночуйте здесь вместе с Сергеем Сергеичем! Пожалуйста...

Мужчины переглянулись, чуть заметно кивнули друг другу.

— Что ж, хозяйка, — рассудительно произнес Груздин. — Тогда готовь закусок... Не одному же твоему ненаглядному стаканчик пропустить охота.

Глава тридцать девятая

— Ну, здравствуй, птица!

Бурав вплотную приблизил свое лицо к прутьям просторной клетки, и попугай взволнованно закивал головой, затрепал что-то укоризненное.

— Заберу я его от вас, пожалуй, — тихо сказал Максим.

— Правда? — обрадовалась Ирина, которая спешно метала на кухонный стол всякую снедь. — Дядя Максим, вот хорошо-то было бы! Нет, вы

не подумайте, мы попугайчика любим, потому и жалко его до смерти... Ведь он уже который месяц взаперти сидит, крыльев не разминает!

— Знаю, мне Леша говорил, — вздохнул Бурцев. — Если его выпустить, он Ксюшке волосы выщипывает, а запрешь в кухне — он о стекло биться начинает...

— Так, — вмешался Груздин. — Я не попугай, я — соловей. А соловья, как известно, баснями не кормят. Давайте полопаем...

Опрокинув свою воробьиную дозу и наскоро зажевав кусочком копченого окорока, Ирина выпорхнула из кухни, плотно затворив за собой стеклянную дверь.

Помимо домашней хрюшки, которая была категорически противопоказана подполковнику Бурцеву, на столе красовались боровички в собственном соку, холодная телятина, кабачковая икра собственного приготовления, соленые огурцы и помидоры, вяленые караси...

— Ну, за здоровье нового хозяина этого дома, — Бурцев поднял граненую стопку.

— Давай, хотя здоровье у него такое, что он еще выпьет на наших с тобой поминках, — проворчал Груздин. — Впрочем, я не прав. Пройди пуля на три сантиметра левее, отвоевался бы наш Аника-воин. Я слышал, ты пристрелил своего подозреваемого?

— Быстро летит по свету незаслуженная слава, — хмыкнул Бурав. — Как бы то ни было, давай наливай по второй — аккурат за упокой души раба Божия Николая Пискунова...

Груздин, конечно же, взялся за бутылку, но при этом пытливо посмотрел на подполковника. Что-то Бурцев сегодня спешит выпиться, такого раньше за ним не водилось...

Тут в кармане подполковника переливчато затренькал мобильный телефон. Максим вынул его, проглотил закуску и сказал в трубку:

— Слушаю...

Звонил Артемий Кузьмич, лечащий врач Нади Волоховой. Он взволнованным голосом сообщил, что пропавшая чуть ли не на целую неделю пациентка с покаянным видом вернулась в психиатрическую больницу имени Кащенко. Только что, буквально вот-вот. Оправдывалась, что ей ужасно захотелось на природу, и она поехала на дачу к подруге. Просила прощения...

— Да-да, — устало перебил его Бурав. — Она в черной кожаной куртке, джинсах и кроссовках?.. Видел, видел... Не переживайте, если понадобится, я обеспечу Волоховой алиби.

Тут до него дошло, что он брякнул лишнее, поскольку на другом конце трубки повисло недоуменное молчание, и, быстро попрощавшись, дал отбой.

— Кстати, Серега, — спохватился вдруг Максим. — Не забудь напомнить, чтобы я вынул один патрон из обоймы моего «Макарова». Мне же завтра отчитываться за произведенный выстрел... И вот еще что. Труп адвоката Пискунова сейчас в Лефортовском морге, но вряд ли его тщательно осматривают. Ты уж будь другом, съезди туда и составь заключение. Только имей в виду: входное отверстие в глазнице, а выходное — в области виска. И никак не наоборот!

Друзья снова выпили, и тут же общим голосованием решили сделать небольшой перерывчик в потреблении «беленькой». Тем более что бутылка незаметно уже почти опустела. Бурцев поднялся, хрустнул суставами и снял со стены свою старушку-гитару. Сел, потеревил расстроенные струны и, как бы между делом, проговорил:

— Серега, ты случайно не имеешь понятия, кто такой князь Анатолий Долгорукий?..

Глава сороковая

Академик Ардашкин неспешно готовился ко сну: облачился в длинную пижаму из тонкого шелка, надел мягкий, невесомый колпак с кисточками.

Незаметно для себя самого он плавно вошел в роль его светлости князя Долгорукого-Рюриковича, и вряд ли кто-то узнал бы сейчас в этом статном, породистом старике недавнего пенсионера Юрия Георгиевича Маслова, имевшего привычку покачивать головой, будто китайский болванчик. А ведь еще совсем недавно академик был именно этим неприметным старичком, Масловым...

В дверь спальни осторожно постучали.

— Да! — раздраженно каркнул Ардашкин.

— Ваша светлость, — послышался голос слуги. — Извините за беспокойство, но аппаратура фиксирует голос объекта. Вы приказали сообщать вам об этом в любое...

— Войдите! — нетерпеливо крикнул академик. — Давайте же, давайте...

Слуга с поклоном протянул Анатолию Семеновичу радионаушники, и Ардашкин начал сосредоточенно слушать разговор между Буравом и доктором Груздиным. Он мысленно воздал себе хвалу за то, что в свое время удосужился с помощью полковника Лисина установить «прослушку» в квартире подполковника Бурцева. Правда, вскоре Максим Юрьевич из-за нелепой сентиментальности переехал в однокомнатную халупу своего юного друга, и не появлялся в беляевском жилище несколько месяцев. Казалось, он твердо вознамерился никогда больше не возвращаться под крышу дома своего, но вот наконец-то аппаратура среагировала на заданный тембр голоса...

— ... кто такой князь Анатолий Долгорукий?

— Насколько мне известно, Макс, — пожал плечами Сергей Сергеевич, — этот так называемый Долгорукий — почтенный старец, претендующий на титул наследника российского престола. Только не по линии Романовых, а по линии Рюриковичей.

— Не хило, не хило...

— Это точно, — согласился доктор. — Если ты помнишь, последним царем из рода Рюрика был Федор, сын Ивана Грозного. Потом власть в результате убийств, интриг и целого моря кровушки русской перешла к непонятно откуда взявшимся Романовым. По сути, их возвели на трон отряды казаков...

— Ты давай ближе к сегодняшнему дню, — остановил Груздина Бурав.

— Так вот, сегодняшние приверженцы Анатолия Долгорукого заявляют, что Россия должна призвать исконных государей — Рюриковичей, которые ничем себя не запятнали перед русской идеей и православием, верны заветам Киевской Руси. А князь Анатолий Долгорукий и есть наипрямлейший потомок Рюрика.

— Это что-то новенькое, док, — покачал головой Бурцев. — А все новое, тем более, если оно — хорошо забытое старое, имеет неплохие шансы на успех.

— Может быть... Во всяком случае, этот Долгорукий неплохо себя пиарит, а это, по-моему, и есть для него самое главное, а не какие-то бредовые идеи насчет престола. Бизнес, брат... Впрочем, ты сам можешь прочитать о Долгоруком в Интернете... Там уйма материалов. Личность загадочная... Недавно была статья в «Коммерсе».

— Я ведь тоже газетки почитываю, — поморщился Бурцев. — Правда, статья в «Коммерсанте» мне не попадалась. Зато в других газетах фамилия Долгорукого нет-нет да мелькнет, причем не только в великосветской хронике... И знаешь, Серега, мне этот сановный старик кое-кого здорово напоминает... Тоже, кстати, Анатолия.

От Бурава не ускользнуло, что лицо доктора Груздина стало каменным.

— Значит, и ты тоже... — пробормотал Сергей Сергеевич.

— Видишь ли, Серега, — внимательно посмотрел на него Максим, — когда погибла Анастасия, я получил траурную открытку из Русско-Европейского дворянского собрания. Аккурат накануне сорока дней... Прислали с нарочным ко мне на службу, заметь! И текст примерно такого содержания: «Русско-Европейское дворянское собрание и лично его светлость князь Анатолий Долгорукий выражают свои глубочайшие и искренние соболезнования в связи с трагической гибелью Вашей бывшей супруги, Клеваки Анастасии Викторовны...» Я так понял, что ее второй

муж, Валерий Клевако, член дворянского собрания и устраивает там что-то вроде поминок. Меня действительно просили прибыть...

— Ну и что дальше?

— Дальше-то... Дальше я выяснил, что означенный князь Долгорукий имеет весьма смутное отношение к этому Русско-Европейскому дворянскому собранию. Но я все-таки поехал туда, надеясь на встречу с таинственным и почему-то соболезнующим мне Долгоруким-Длинноногим. Побродил по залам, выслушал несколько дежурных фраз о тяжелой утрате... Потом ко мне подошел какой-то пожилой дядька, заметно навеселе... Подвел меня к шведскому столу и говорит: «Князь! Не желаете ли портвейна?» Я, признаться, был несколько шокирован таким панибратством. Отвечаю: «Да я, вообще-то, портвейн не пью. И не князь я вовсе». Знаешь, что он ответил? «Ну, это дело недолго поправить. Только с вас — банкетик по случаю присвоения высокого титула»... Ты, наверное, уже догадался, кого я рассчитывал опознать в новоявленном князе Долгоруком. Все эти штучки... Открытки, буклеты и рекламные агитки с всякими прозрачными намеками очень любил присылать мне академик Анатолий Ардашкин. Такая вот у него своеобразная манера назначать встречи и переговоры.

А совсем недавно, на полгода со дня смерти Анастасии, мальчишка-посыльный доставил мне на квартиру огромный букет черных роз — двадцать две штуки. И опять же — открыточку с текстом. Якобы цитата из высказывания Федора Шалапина, примерно такая: «Бас! Воздаю тебе хвалу и поклонение. Бас — это подлинное выражение русской души, русской идеи. Бас — это пение дьяконов в старинных соборах, это грозный клич на поле сражения за Святую Русь... Настоящих Бурцевых осталось в нашем Отечестве не так много, может быть — всего один». Как, по-твоему это понимать? Похоже, мне все еще протягивают руку сотрудничества, предлагают мир и союз. — Что скажешь, док?

— Макс! — хрипло произнес Сергей Сергеевич. — Это Ардашкин, он же — Долгорукий, убил твою жену. Его надо просто ликвидировать!

(На далеком балтийском взморье Анатолия Семеновича аж покорило от столь прямолинейного, циничного предложения доктора. Фу, какой моветон, однако...)

— Думаешь, не справимся? — задиристо, по-мальчишески напирал Груздин. — Ты да я, да мы с тобой...

— Знаешь, Серега, — чужим голосом заговорил Бурцев. — Я очень переживал из-за гибели Анастасии... Но... Хочешь верь, хочешь — нет, однако я почему-то зла за это на Ардашкина не держу. Мне просто жаль Настю, вот и все. Ведь тогда, возле клуба «Монреаль», Ардашкин хотел взорвать меня, а не кого-то другого. Я перед этим стрелял в него, всю обойму выпустил... Он, по сути, ответил тем же. Война есть война... Мы оба остались

живы, погибли совсем другие люди. Выходит, пока так надо. Значит, на то есть причины. И не нам о них судить. А уж если все-таки судить, так надо судить меня. По большому счету, это я виноват в гибели Насти.

— Но корень всей трагедии — в академике Ардашкине, — гнул свое доктор Груздин. — Твое призвание — бороться со злом, и ты не имеешь права уклоняться с прямого пути! Я тоже всю жизнь философствую, рассуждаю о причинах и следствиях, вместо того чтобы действовать. Определил врага — стреляй, попал — молодец! Вот кредо настоящего мужика. Ты ведь, кстати, убил сегодня человека, Макс. Потому что на рассуждения времени не было, надо было спасать Комара. И ты ведь нисколько не жалеешь о содеянном, верно? А теперь подумай, сколько людей мы можем спасти, если возьмем на себя миссию по уничтожению этого монстра Ардашкина!

— Но ты-то чего так гоношишься? — уничтожающе посмотрел на доктора Бурав. Он был уверен, что всплеск агрессивных эмоций Сергея Сергеевича — это не что иное, как последствия выпитого.

Груздин убрал под стол опустевшую бутылку, пошарил в саквояже и выставил емкость со спиртом. Неторопливо налил по полстопочки, добавил клюквенного морса и тихо проговорил:

— Потому что, Макс, академик Ардашкин убил и мою жену.

Глава сорок первая

В прибрежном особняке высокий старик в ночной пижаме и колпаке машинально поправил наушники и нахмурился. Разговор между подполковником Бурцевым и доктором Груздиным заходил куда-то не туда. Если Бурцев поверит тому, что сейчас расскажет ему судмедэксперт, то привлечь подполковника на свою сторону будет значительно сложнее...

...— Насколько мне известно, Серега, — оторопело произнес Бурцев, — Лариса умерла от...

Груздин остановил его нетерпеливым жестом:

— ...от передозировки морфия. Это, Макс, так сказать, официальный эпикриз. То есть непосредственная причина остановки сердца. Но морфий я колот ей как обезболивающее, она просто на стенку лезла от мучений, когда рак достиг последней стадии. Она все равно была приговорена. — Но откуда у Ларисы рак появился, а? У нее, конечно, была предрасположенность к раку, многие ее родственники от него умерли. Требовался лишь внешний толчок, дополнительное вмешательство извне, чтобы включить механизм самоистребления ее организма. И Ардашкин сделал этот толчок...

— Ты никогда об этом не говорил, док. А ведь прошло уже столько лет...

— Все правильно, Макс, — с горечью ответил Груздин. — Я не только тебе, я даже себе самому не хотел открыть глаза, назвать вещи своими именами. Ведь если бы я признал вину академика Ардашкина, это означало бы, что мне надо действовать, мстить. А для меня оказалось гораздо легче пить водку и плавно спиваться, балагурия о высших материях... Н-да, столько лет прошло, а как будто вчера... — пробормотал он. — Кое-что ты знаешь, кое-что я сейчас поясню. В семидесятые годы я жутко увлекся изучением наследия средневекового врача и естествоиспытателя Парацельса. Он сумел взглянуть на окружающий мир другими глазами, и ему открылись невидимые связи между природой и человеком, живой и неживой материей, причиной и следствием. Парацельс предложил совершенно немыслимые методы лечения всех болезней — пересаживать недуг в родственника, животное, дерево... А потом поднялся на высшую ступень: открыл способ управлять событиями с помощью незначительного на первый взгляд вмешательства... Вскоре Парацельса убили из страха перед его всемогуществом.

— Значит, он не был всемогущим, раз допустил свою смерть, — холодно произнес Бурцев.

— Видишь ли, всякая замкнутая система стремится к самоуничтожению... Это закон бытия. Но есть еще один закон: любая система является подсистемой более широкой системы... Кроме одной, Верховной. Тьфу, по-моему, я зарапортовался. Но ты ведь понял, о Ком я говорю?

— Я понял, док, — кивнул Максим. — Парацельса руками людей устранил Высший Разум, который не потерпел дерзкого вмешательства простого смертного в предопределенный ход событий...

— Теперь-то и я так думаю, — вздохнул Груздин.. — А тогда, в конце 80-х, мысли о Боге просто не приходили мне в голову. Я жаждал славы и престижной работы... Опубликовал статью о Парацельсе в «Науке и жизни», и тут началось! Редактора журнала уволили, меня тоже выгнали с работы... Даже дискуссию на страницах печати затеяли о недопустимости мистификаций в науке. И тогда на меня вышел академик Ардашкин. Он возглавлял секретный НИИ Минобороны, занимался якобы созданием психотронного оружия. Ардашкин пригласил меня к себе в институт, обещал хорошую должность, деньги и творческую свободу. Я поставил условие, чтобы он взял к себе и Ларису — она химиком была. В результате Ларису приняли, а меня — нет. Я ведь в «черных» списках фигурировал у Конторы. В общем, не прошел проверку, даже Ардашкин ничем помочь не сумел.

— И он присвоил себе твои идеи? — то ли спросил, то ли констатировал Бурцев.

— Мои и Парацельса. Или, скорее, наоборот... Я ведь только систематизировал его разрозненное наследие и немножко продвинулся дальше.

У меня одни гипотезы были, но они-то и заинтересовали Ардашкина... Он забрал мои труды и разработки, да так и не вернул их. И, по-моему, ухитрился-таки создать некую систему или программу, которая позволяет ему управлять людьми и событиями. Ардашкин, кстати, по специальности — кибернетик. Наука управления, воздействия на личность — его конек.

— А Лариса?

— Лариса работала у Ардашкина, уволиться оттуда никому не давали. Мы почти не виделись в тот период — всех сотрудников НИИ заставляли жить в закрытом институтском поселке. И черт меня дернул как-то позвонить Ардашкину, я тогда, кажется, здорово напился... Я кричал в трубку, что если он немедленно не отпустит Ларису по собственному желанию, то я разоблачу его как плагиатора и научного шарлатана... К моему удивлению, через неделю Лариса была дома. Свободной от всех подписок и обязательств. Она приехала какая-то бледная, больная... Сказала, что в лаборатории произошла утечка токсинов, ее несколько дней откачивали в институтской больнице. А вскоре у нее обнаружили рак... Его не было до поступления на работу к Ардашкину! Значит, это там, в секретном НИИ, ей перед увольнением и пересадили колонию раковых клеток... Когда она в их больнице под наркозом была.

— А зачем, Серега? — осторожно спросил Бурцев. — Ведь Лариса, как мне кажется, опасности для Ардашкина не представляла... Не проще ли было просто убрать тебя?

— Анатолий Семенович не ищет легких путей, — печально усмехнулся доктор. — Но главное — удар по Ларисе оказался сильнейшим ударом по мне. Тут он все правильно рассчитал. Видимо, во время нашего разговора в его кабинете какая-то аппаратура сканировала мои психофизические характеристики. Когда Лариса слегла, я стал попивать, все сделалось мне безразличным... Честолюбивые помыслы отлетели, жажда борьбы улетучилась... Зачем меня убивать? К тому же Ардашкин, видимо, припасал меня на всякий случай.. А для этого ваш покорный слуга как минимум должен оставаться в живых.

— Потом Лариса умерла... — в задумчивости проговорил Бурцев.

— Да. Покончила с собой из сострадания ко мне. Я торопился в то утро на работу — к тому времени уже устроился судмедэкспертом. Лариса спала после укола... А я впопыхах оставил на табуретке перед ее кроватью шприц и упаковку ампул с морфием. Макс, любое самоубийство — это смертный грех, за который нет прощения? Так?

— И так, и не совсем так...

— А если господин приказывает слуге застрелить его, то это как? Самоубийство или убийство?

— С юридической точки зрения — конечно же, убийство. А по сути... Док, не нам об этом судить, не нам и выносить окончательный приговор....

— И все-таки, Макс, — решительно проговорил Сергей Сергеевич, — мы обязаны ликвидировать Ардашкина-Долгорукого. Кроме нас никто его не остановит...

Глава сорок вторая

«Что ж, Парацельса убили, — размышлял академик Ардашкин, снимая наушники. — Помнится, кирпичом по голове ему врезали... Просто и гениально, без затей. Время такое было, незамысловатое. Ты, доктор Груздин, тоже умрешь. И очень скоро. Как там писал великий Есенин? Пора тебе в дорогу бранные пожитки собирать...»

Анатолий Семенович подошел к письменному столу, включил матовую лампу под зеленым абажуром. Тщательно набрал длинный код на циферблате металлического чемоданчика, лежавшего на столе, убедился, что желтая лампочка на боковине корпуса отозвалась спокойной пульсацией. Не приведи Господь, попытаться открыть чемоданчик, если ошибся хоть на одну цифру или букву! Не только сам ноутбук, но и весь особняк взлетит на воздух, унося на Страшный Суд создателя программы «Мозаика»...

Академик запустил компьютер, еще трижды набирал на клавиатуре лишь ему известные пароли, пока, наконец, на экране не возникло окошечко с просьбой приложить к сенсору указательный палец левой руки. Считав рисунок папиллярных линий, программа удовлетворенно выбросила квадратик «О`К». Анатолий Семенович надавил клавишу ввода и загрузил в «Мозаику» все имеющиеся данные на Груздина Сергея Сергеевича, а также людей, чьи жизненные пути пересекались с линией судьбы ненавистного доктора..

«Задача?» — спросил экран.

«Груздин. Смерть», — набрал Анатолий Семенович лаконичный текст.

«Срок?»

«Срок оптимальный», — впечатал Анатолий Семенович в текстовое окошко неопределенную формулировку. И снова нажал клавишу «Enter».

Для окончательной формулировки решения задачи «Мозаике» требовалось от одной до пяти минут. Академик встал, вышел на террасу.

Вот уже который месяц он живет в этом особняке под именем князя Анатоля Долгорукого. Эта громкая «легенда» была тщательно подготовлена полковником Лисиным, бывшим «службистом», по сей день имеющим своих людей в спецслужбах. Родословная, фамильные документы, включая переписку и векселя, купчие на поместья и государевы грамоты... И вот перед вами уже не Анатолий Семенович Ардашкин, а светлейший князь Долгорукий, прямой потомок Рюрика.

Особняк принадлежал вовсе не Анатолию Семеновичу, он был здесь просто гостем. Хозяином старинного загородного дворца значился академик Леонид Трофимов — семидесяти двух лет, вдовец.

В советское время Трофимов возглавлял Калининградский научно-исследовательский институт новых технологий. Там разрабатывали способы переработки производственных шлаков, содержащих драгоценные металлы. Был у института и свой опытно-экспериментальный завод.

С приближением капитализма Трофимов сумел правильно оценить ситуацию и извлечь из нее максимальную выгоду. Он ухитрился приватизировать опытно-экспериментальный завод, подружиться с новыми российскими идеологами. Он добровольно, без борьбы оставил пост директора Калининградского НИИ новых технологий, благо все эти технологии уже были у него в кармане, и стал в прямом смысле делать золото, штамповать червонные слитки на своем перерабатывающем заводе.

Трофимов скупал шлаки и другие отходы производства, где содержался мало-мальский процентик золота, причем старался привозить это вторсырье из других стран, чтобы впоследствии правительство не могло предъявить академику претензий.

Золотой запас Леонида Трофимова рос день ото дня. А умножить эту самую казну поможет освоение шлаковых залежей на дне реки Мошенка, что возле старинного Латницкого ювелирного завода...

Академики сошлись не только по идейным соображениям. До знакомства с Трофимовым Ардашкин был убежден, что после сорока лет у человека не может возникнуть новых друзей, однако в последние месяцы судьба одарила его еще одним подарком: на старости лет он обрел не только единомышленника, но и настоящего друга.

Если бы не преклонный возраст Трофимова, то, пожалуй, лучшего наследника для передачи в его распоряжение программы «Мозаика» Анатолию Ардашкину было бы не сыскать. Но Трофимов, к сожалению, неумолимо приближался к черте, разделяющей сей бренный мир и непостижимую Вечность. К тому же он был тяжело болен, так как в свое время загубил легкие вольфрамовой пылью. Ясно, что Леонид Северьянович не задержится на этом свете.

Кроме Трофимова на всем белом свете был только один человек, кому Анатолий Семенович со спокойным сердцем передал бы «Мозаику» после своей смерти. Недаром же человек этот остался в живых после взрыва «Жигулей» возле пылающего клуба «Монреаль». Значит, был в этом какой-то высший смысл... Тем более, что в результате взрыва он так и остался бобылем, что очень даже немаловажно. Но этот человек, упрямый муровский подполковник, не был пока ни другом, ни единомышленником академика Ардашкина. Другой у Бурцева товарищ по жизни. Доктор Груздин... Непримируемый противник Анатолия Семеновича.

Глава сорок третья

Академик вернулся к компьютеру, взглянул на жидкокристаллический экран, и брови его непроизвольно поползли вверх.

Да, он давно привык не удивляться самым неожиданным решениям, которые бесстрастно диктовала своему хозяину «Мозаика». И сейчас Ардашкин не столько удивился, сколько обрадовался лаконичному тексту, высвеченному на экране.

Для успешной и естественной ликвидации Сергея Груздина от академика требовалось: «Убрать полковника Лисина с должности вашего советника и поставить на его место начальника отдела убийств Московского уголовного розыска Кротова Геннадия Ивановича». Каким-то образом эта рокировка должна была неизбежно прервать жизнь доктора Груздина.

Что ж, Анатолий Семенович и без этой подсказки уже не раз подумывал обновить круг ближайших единомышленников. Кротов давно придерживался симпатий к православию, самодержавию и народности — русскому триединству. Правда, о подлинных движущих силах этого триединства Геннадий Иванович не имел не малейшего понятия, но, как человек прямолинейный и порядочный, Кротов, безусловно, будет не лишним подле Анатолия Семеновича, придаст его идеям солидность и дополнительный авторитет в глазах союзников. А если к тому же уйдет в мир иной доктор Груздин — как все конкретно произойдет, неважно, — то это вдвойне хорошо.

Полковник Лисин давно вызывал раздражение академика Ардашкина. С одной стороны, это умный, решительный человек, а с другой — нет в Лисине должной преданности. Для него вся жизнь — игра и интриги. Сегодня он — с Анатолием Семеновичем, завтра перейдет на другую сторону... Похоже, все к тому идет, а может быть — уже и пришло.

Когда Анатолий Семенович перебрался сюда, в прибрежный особняк, зажил здесь князем Долгоруким, то поначалу рассчитывал пожить какое-то время спокойно: мол, в Москве он оставил надежного человека — полковника Лисина. И вот, оказывается, от него следует избавиться...

Анатолий Семенович перевел программу в режим визуального наблюдения. На экране возникло обширное подвальное помещение московского клуба «Монреаль», от здания которого полгода с лишним назад остались одни обгоревшие развалины. Однако подвал, напичканный мощной электронной техникой, не пострадал от пожара.

Почему Ардашкин до сих пор не уничтожил аппаратуру, хранившуюся на глубине третьего этажа под землей и содержащую в себе полный дубликат программы «Мозаика»? Ведь Анатолий Семенович уже скачал все базы данных и саму программу на диски мощнейшего ноутбука, с которым

никогда не расставался, и мог бы вполне обойтись без громоздких машин, установленных под обломками клуба «Монреаль».

Но академик, привыкший дорожить умной техникой, просто-напросто жалел ценное оборудование, приобретенное кропотливым трудом и огромными финансовыми затратами. Оно стоило не один миллион долларов...

Со скрытых камер, установленных в подвале клуба «Монреаль», на дисплей ноутбука поступило четкое видеоизображение. Ардашкин криво усмехнулся: ага, вот он, голубчик... Полковник Лисин нервно расхаживал между рядами мигающих панелей, за которыми колдовали профессиональные хакеры. Решил-таки сыграть ва-банк, взломать систему и завладеть ардашкинской программой «Мозаика»! Совсем страх потерял, а с ним — и всегда присущую службисту осторожность.

Анатолий Семенович набрал на клавиатуре несколько комбинаций, чуть помедлил и нажал кнопку ввода. После чего тут же погасил дисплей.

Он не хотел смотреть на то, как в огненной стихии корчатся, обугливаются тела полковника Лисина и тех несчастных, кого угораздило оказаться в тот момент в подвале клуба «Монреаль». Нет, это зрелище отнюдь не доставит ему удовольствия.

Академик был эстетом, что ни говори.

Глава сорок четвертая

Василий Шестаков метался по коридору Латницкой психиатрической больницы, будто одержимый приступом клаустрофобии. Стены давили на его сознание, вонь подолгу немых тел вызывала тошноту, а причитания и взвизгивания пациентов заставляли то и дело затыкать уши ладонями.

Утром старик Смирнов попытался приободрить Шестакова:

— Ты, Рыбарь, смотри на вещи с оптимизмом. Я тут уже экспертом стал, и могу тебя порадовать своими наблюдениями. Тебе после разговора с царицей Тамарой психотропные препараты и нейрорептики колоть перестали, понял? Значит, скоро тебя на работу повезут, особняк Тамаре достраивать. Так что готовься, Рыбарь. А если у тебя что получится, ты уж меня, голубчик, не оставь без средств к существованию.

— Не оставлю, — машинально пробормотал Шестаков. — И этого музыканта Крамского тоже...

Вася стоял у зарешеченного окна коридора, смотрел, стиснув зубы, на узенький дворик между корпусами, как на недосыгаемую свободу. Все дальнейшее произошло внезапно, даже как-то буднично.

— Пошли! — грубо толкнул его в плечо санитар Сашок.

Они сидели на продольной скамье в тесном салоне белой «Газели»: Шестаков и с ним еще четверо угрюмых пациентов, которые пока сохранили физическую силу и более-менее сносную координацию движений. Все пятеро были спеленаты смирительными рубашками.

Напротив, на другой скамье, вальяжно развалились двое сопровождающих с резиновыми дубинками в руках. Весь их вид говорил о том, как не терпится этим парням пустить их в дело, как надоело им играть в «гляделки» с покорными, апатичными полулюдьми.

Ископаева, сидевшая в кабине рядом с водителем, называла охранников Геша и Кеша. По каким-то неуловимым интонациям Шестаков определил, что оба они были ее родными сыновьями. А может, и санитар Сашок — ее сын? Дегенерат, плод пьяного зачатия? Тогда становились ясными истинные причины убийства Тamarой Сергеевной собственного мужа... Вот откуда у санитара такая преданность главврачу психбольницы, вот почему он с таким сладострастием забивает насмерть пациентов-алкоголиков!

Взгляды Геша и Кеша почему-то чаще всего останавливались на Шестакове, и сквозило в этих взглядах что-то насмешливо-поощряющее...

Салон был без окон, и Вася украдкой посматривал в лобовое стекло «Газели». Они миновали какой-то завод, потом мост через неширокую речку, и микроавтобус заколыхался на проселочной дороге. Здесь начался лес, и Вася непроизвольно вздохнул полной грудью, почувствовав при этом, как смирительная рубашка сдавила его ребра.

«Газель», переваливаясь с боку на бок, вырулила на обширную поляну, обрамленную березами и елями. В середине ее высился недостроенный кирпичный коттедж с пустыми глазницами окон и измазанными раствором стенами. В проемах мелькнули физиономии строителей.

Геша и Кеша выскочили из салона.

— Выгружайсь! — бравым голосом крикнул Геша.

С пациентов психбольницы сдернули смирительные рубашки, и Шестаков принялся разминать затекшие руки.

— Ну, мужички, к столу! — радушно пригласила всех Ископаева.

Глаза у четверых сотоварищей Василя оживились, загорелись алчным огнем.

Их подвели к дощатому настилу, лежавшему на двух козлах. Ископаева достала из объемистой сумки свертки с нарезанной вареной колбасой, крутыми яйцами, хлебом. Со стуком брякнула на доски три бутылки водки.

— Геша-Кеша, банкуйте! А я пока с прорабом поговорю. Пейте, ребята, глядишь, быстрее подохнете, — весело благословила она трапезу.

На столе появились засаленные граненые стаканы, Кеша виртуозно свернул головки бутылок, наполнил тару. Не забыл он при этом и себя

с братаном, что немного успокоило Шестакова. Значит, не такая уж плохая водка, уж во всяком случае — не убийственная отравка. Однако пить он, тем не менее, решительно отказался:

— Спасибо, мужики, но я поклялся с этим делом завязать. Хочу вылечиться, понимаете?

Братья, как ни странно, навязывать угощение не стали, только Геша метнул на Васю угрожающий взгляд:

— Смотри, мужик... Дело твое. Только если свалишься от работы, мигом отдубасим...

— От всей души, — ласково подтвердил Кеша.

Никто из пьющих практически не закусывал, и Шестаков усиленно набивал свой живот колбасой и яйцами. Хлеба он почти не касался: не та калорийность, а желудок ссохся от долгого поста, мог принять весьма ограниченный объем пищи.

Вася давился, но ел. Ему были нужны силы. Но не для работы, а для замысленного им побега.

Потом Кеша повел их в недра особняка. Шестакова поставили к железной лохани месить раствор.

— Только давай проворней, чтоб тебя с носилками не ждали, — буркнул Геша. — Работу знаешь, или тебе все объяснять надо?

— Знаю, — заверил Шестаков и взялся за совковую лопату.

Он не замечал усталости, потому что все его мысли и чувства были сконцентрированы на переменах в окружающей обстановке. Электрические дубинки в руках Гешы и Кешы сменились охотничьими двустволками, которые братья то и дело переключивали с ладони на ладонь. Тамара не появлялась...

Две пары пациентов-носильщиков через каждые двадцать минут подходили к Шестакову, и он едва успевал намесить нужное количество бетона.

— Перекур! — наконец объявил Геша и, усевшись на сосновый чурбак, протянул невольникам пачку сигарет.

Вася заметил, что двустволку Геша поставил поодаль, на расстоянии вытянутой руки. Он тоже подошел к охраннику, хотя от предложенной сигареты отказался. Кеша стоял в десяти шагах, взвалив ружье на плечо.

— А ты молодец, парень, — сказал Шестакову Геша. — Умеешь ворошить клешнями. Как звать-то?

— Вася.

— Тогда слушай сюда, Вася. Если и дальше будешь проявлять такую трудовую сознательность, поставим тебя бригадиром над доходягами.

— Дай попить, — попросил Шестаков.

Геша наклонился к пластиковой бутылке с минеральной водой, и в ту же секунду Шестаков ринулся к опиравшейся на штабель кирпича двустволке. Геша резко выпрямился, и его висок уперся в холодный металл стволов. Вася щелкнул предохранителем и крикнул:

— Кеша! Бросай ружье мне под ноги! Быстро! Учти, я псих, сейчас оба ствола в него разряжу!

Вторая двустволка грохнулась возле Шестакова. Он быстро наклонился, поднял ружье и, держа в каждой руке по двустволке, начал пятиться в сторону леса.

Глава сорок пятая

Откуда-то с неба грохнул выстрел, и картечь брызнула осколками кирпича возле самых ног Шестакова. Левую лодыжку проткнула острая боль.

Вася поднял глаза: на балконе коттеджа стояла царица Тамара с винтовкой в руках.

Беглец повернулся и, преодолевая резь в ноге, трусцой заковылял к лесу.

— Беги, Рыбарь! — пронзительно завизжала Ископаева. — Спасайся, если можешь!

— У-лю-лю! — гоготали Геша и Кеша. — Молись, Рыбарь! Ты покойник! Ты труп!

Шестаков похолодел. Он узнал эти голоса... Все происходило точно так же, как в состоянии «белой горячки»: женский голос вроде бы сочувствовал Васе, другие, мужские, издевались и грозили смертью.

Охота на приговоренного зверя началась.

Ископаева спустилась вниз, протянула пятизарядную винтовку-полуавтомат старшему сыну. Младший отпер высокий железный шкаф, стоявший под навесом, и теперь держал в руках вертикальную двустволку «Иж-94».

— Геша-Кеша, — коротко напутствовала она, — вперед! Бронежилеты?

— Надели, — кивнул Геша и кинул в рот пластинку жвачки.

— Развлекайтесь, мальчики, — с любовью потрепала сыновей по загривкам Тамара Сергеевна.

— Начнем? — посмотрел на старшего брата Кеша.

— Угу.

Геша вскинул винтовку, в прицеле мелькнула спина Шестакова. Грохнул выстрел, и фигура беглеца повалилась в траву.

— Пошли! — скомандовал брату Геша.

Шестаков лежал лицом в высокой и сухой прошлогодней траве и унижал тяжко бухавшее сердце. Промазали, слава богу. Однако лучше все-таки попытаться доползти до леса по-пластунски.

Он вспомнил, что в коттедже видел вольнонаемных строителей. Неужели эти люди позволят, чтобы его вот так просто подстрелили как кролика? Неужели возможно такое, чтобы на глазах у нормальных людей происходило убийство ради потехи?

«Золото», — вдруг произнес в мозгу Шестакова голос старика Евгения Михайловича. И Вася вспомнил вчерашний рассказ Смирнова о старинном золотопромышленном заводе в Латницах, о том, что веками незримые флюиды «желтого дьявола» поражали души людей в здешних краях... Может быть, здесь, в Латницах, какая-то особая психофизическая зона? И нормальных людей тут просто не осталось? Тогда на сочувствие и помощь со стороны рассчитывать не приходится.

Шестаков перевернулся на спину, посмотрел назад. Геша и Кеша неспешно двигались на него в полный рост. Метров семьдесят до них, не меньше. Патронов у Васи всего четыре штуки — по два в каждой двустволке. Жалко расходовать понапрасну, если не уверен в попадании... Но он понимал: надо отвечать, чтоб хотя бы замедлить бравый шаг этих палачей. Он дрожащей рукой поднял винтовку и выстрелил в направлении братьев. Те мгновенно упали на одно колено, и стволы в их руках огрызнулись ответными выстрелами.

Вася переломил двустволку, из которой только что впервые в жизни палил по живым мишеням, вдохнул кислый дым, вынул оставшийся патрон и сунул его в нагрудный карман. Снова перевернулся на живот и пополз к лесу уже с одной винтовкой. Он загребал ею перед собой, словно веслом.

Сколько времени Шестаков скреб землю своим телом, об этом он не имел ни малейшего представления. Каждую секунду Вася ожидал услышать над ухом насмешливый голос Геши или Кеши, приказывающий ему бросить оружие и подняться.

Беглец и не заметил, что уже ползет между корнями деревьев. Прислонившись к толстому стволу березы, он надсадно свистел легкими, перед закрытыми векамиплыли рваные красные круги. Господи, не дай умереть без покаяния!

Вася достал из нагрудного кармана патрон, вынутый из брошенной двустволки. Судя по маркировке, шестнадцатимиллиметровый картонный цилиндр был снаряжен пулей, а не дробью. Вероятность попадания, конечно же, меньше, зато уж наверняка... Скорее всего, и та винтовка, что оттягивала сейчас его правую руку, также заряжена пулями. Ему, разумеется, не уйти от этих сытых, бодрых преследователей. Значит, надо поджидать здесь, укрывшись за стволом березы. Только бы не надавить на спусковой крючок слишком сильно, не разрядить оба ствола одновременно!

Силуэты охотников появились между деревьями неслышно. Вася вытер горячий пот, заливающий глаза, поднял двустволку...

— Смотри-ка, Геша! — услышал он возбужденный голос. — Кровь! Он ранен, значит, где-то поблизости.

Старший брат наклонился, и это спасло его. Шестаков поймал в прицел стоявшего во весь рост Кешу и надавил на спуск.

Приклад ударил его в плечо, едва не выбив ключицу, в глазах помутилось... Вася лишь успел заметить, как высокого Кешу отбросило назад, и он с размаху ударился затылком о ствол дерева. Брат кинулся к нему, наклонился, злобно посмотрел в сторону Шестакова.

В том, что происходящее в лесу — вовсе не игра, а если и игра, то ставка в ней — его собственная жизнь, Вася убедился уже через секунду. Грянул выстрел, и от ствола березы, за которым он укрывался, отскочил кусок бересты. Быстро же этот Геша сориентировался, вычислил местонахождение объекта охоты...

Теперь старший Ископаев тоже стоял за деревом. Вася мысленно провел прямую линию между своей березой и сосной, заслонявшей Гешу, и, согнувшись в три погибели, побежал к кустарнику. Вслед ему снова раскатисто грохнул выстрел, и он буйволом ворвался в заросли.

Глава сорок шестая

Вася шел и шел, не разбирая дороги, и ему казалось, что этому не будет конца. Деревья качались в розовом мареве, он несколько раз падал, зацепившись волочащейся левой ногой о корень или мелкий кустарник, и даже не заметил, когда и как потерял двустволку, а осознав себя безоружным, чуть не застонал от отчаяния. Теперь он подчинялся одному лишь инстинкту затравленного зверя. Упав на колени, сгреб в кучку сухую еловую хвою, достал мятый коробок, неведь как сохранившийся в кармане его брюк, сломал несколько спичек, прежде чем хвоя вспыхнула стойким пламенем, кинул в костерок последний патрон и, что есть силы, бросился куда-то в сторону...

За спиной грянул негромкий хлопок, отдаленно напоминающий выстрел из двустволки. Н-да, звук у разорвавшегося в костерке патрона был совсем иным, чем при выстреле из нарезного ствола. И все-таки была надежда, что Геша пойдет в том направлении...

Между деревьями показался широкий просвет. Неужели поле? Тогда ему конец! Но он продолжал идти вперед, не останавливаясь и боясь услышать за собой шорох шагов. Только вперед, а там — будь что будет!

Шестаков буквально вывалился из леса на грунтовую дорогу, идущую вдоль бескрайнего поля. У него даже не было сил ни удивиться, ни обра-

доваться, когда рядом с ним притормозила красная «Нива», и передняя дверца гостеприимно распахнулась.

— Садись, — угрюмо сказал водитель, чем-то смахивающий на медведя.

Вася тут же плюхнулся на переднее сиденье.

— Ры-ы-барь! — эхом раскатился по лесу истошный крик. — Ты где, сволочь?!

И тут же вслед за проклятиями увесисто бухнул выстрел.

Водитель «Нивы» зорко глянул на обессиленного пассажира и рванул машину с места.

— Так-так, брат, — покачал головой «медведь». — Ты, стало быть, из дурдома сбежал? От царицы Тамары и ее дьяволят? Ну-ну, добре... Меня Михайло Потапычем кличут, а тебя как звать-величать?

— Василием, — невнятно прошептал Шестаков.

— Значит, они Рыбарем тебя прозвали? — мотнул головой в сторону леса водитель.

— Да, — выдавил из себя Шестаков. — А вы... Вы тоже... Рыбарь? И поэтому мне помогаете?

Патапыч усмехнулся:

— Все мы рыбаки, кто не с ними... — усмехнулся Потапыч. — И меня там, у царицы Тамары, тоже звали Рыбарем. Ненавидят они нас страшно, однако и боятся до оторопи.

— Да кто ж мы такие, что нас эти нелюди боятся? — испуганно спросил Вася.

— Ты крещеный? — взглянул на него водитель.

— Крещеный.

— А они, стало быть, нехристи, отродье бесовское. Слуги дьявола на чертовой мельнице... Это они нас, православных христиан, рыбаками величают. Знаешь, почему?

— Нет...

— Апостолы Господни рыбаками были, то есть, по старому, рыбаками. А потом, когда христиан гнать и убивать стали, промеж ними условный знак установлен был: рыбу они чертили на песке или в воздухе, чтоб своих от чужих отличать. Потому гонители христиан испокон веков нас рыбаками именуют.

Справа мелькнула табличка: «Ольгинское». Вдоль дороги потянулись небогатые избы, а впереди, за селом, маячила кирпичная церковь.

— Сейчас в храм пойдем, возблагодаришь Бога за избавление от плена агарянского, — сурово проговорил Михайло Потапыч. — Потом, перво-наперво, в баню, а там уж и разговоры говорить будем, что и как...

Глава сорок седьмая

Виктор Венгеров пристально всматривался в плешивого увальня, которого привез на своей «Ниве» бригадир Потапыч. Пришибленный какой-то этот мужик, не в себе, что ли...

Венгеров, как и обещал, к шести утра подошел к храму равноапостольной Ольги, где уже кучковались строители. Виктор и Григорий Лукич так и не ложились спать, все обсуждали свой совместный проект под названием «Золото». Составили примерную смету на первое время, набросали список местных и областных чиновников, с которыми предстояло встретиться по вопросу аренды участка реки Мошенка и прилегающих к нему бросовых земель.

Теперь Венгеров исправно грузил в носилки кирпич и раствор, его оголенный торс лоснился от пота. Он вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и поднял глаза. Увальень, приехавший с бригадиром, смотрел на Виктора со смятением и страхом. Черт его знает, действительно больной какой-то...

Откуда было Викингу знать, что еще пару часов назад Василий Шестаков точно так же накладывал раствор в носилки возле дворца царицы Тамары, и теперь он снова переживал трагические обстоятельства своего побега!

Венгерова насторожило совсем другое. Он вдруг осознал, что уже видел когда-то это дебелое лицо, этот смятенный взгляд... Да-да, сомнений быть не может: их пути пересекались где-то в далеком прошлом! Но где?

Бригадир и вновь прибывший паломник прошли в двух шагах от Викинга, и тот услышал обрывок фразы:

— Ну, Василий, перекрестись перед входом в храм и входи смело, ты же православный христианин, коего милость Божия не оставляет...

Василий! Теперь Венгеров вспомнил, где встречался с этим человеком: это было много лет назад, на квартире покойного Владимира Шестакова, который, чтоб ему на том свете икнулось, обманул Венгерова на сотню с лишним тысяч долларов. Этот дебелый Василий называл Шестакова... отцом! Значит, перед Викингом — наследник гнусного старика, нынешний обладатель клада золотых червонцев, которые Виктор добыл из французского сортира исключительно благодаря своему интеллекту!

Он воткнул лопату в жидкий бетон, мысли его путались. «Судьба!» — прозвучал в мозгу суровый голос деревенского волхва Лукича.

Да-да, это судьба... Невесть какими путями она привела его в отцовский дом — здесь, в Ольгинском, сделала полноправным соучредителем компании по добыче золота, и теперь Виктору предоставляется возможность взять реванш за отобранный у него клад золотых монет! Сколько

сейчас могут стоять полторы сотни червонцев двухвековой давности? Где-то под миллион долларов. Ну, может, семьсот-восемьсот тысяч... Но ведь этот Василий, безусловно, унаследовал и всю остальную коллекцию старика Шестакова, а также его роскошную квартиру на Бронной! Значит, реальное состояние дебелого увальня приближается к двум миллионам баксов... Что же он в таком случае здесь делает? Почему одет в жалкие обноски? Или он до сих пор не знает о смерти родителя, не подозревает о своем богатстве?

Не знает, так узнает. Дело не в этом. Дело в том, что Венгеров обязан завладеть капиталами Шестакова. Да, он не успел поквитаться со своим давним обидчиком, за него это сделал кто-то другой. Зато теперь у Викинга есть шанс обобрать Шестакова-младшего, точно так же, как когда-то обобрал его самого покойный Владимир Шестаков. Состояние толстяка Васи должно стать источником финансирования проекта «Золото». Для этого следует ввести богатого наследника в состав соучредителей компании. А потом...

Что будет потом, Виктор не стал формулировать в виде конкретного приговора. И так все ясно, зачем додумывать столь очевидную мысль до конца?

Под вечер Василий, размякший после бани, сидел вместе с Михаилом Потаповичем за столиком в яблоневом саду. Жена бригадира, дородная баба Евдокия, то и дело подносила мужчинам очередную миску с огнедышащими блинами.

Когда она в очередной раз скрылась в избе, Шестаков осторожно спросил:

— В машине вы обмолвились, что тоже побывали в... ммм... заведении Тамары Ископаевой?

— Да говори уж прямо: в Латницкой психушке, чего там финтить... — махнул рукой Потапыч. — Было дело. Года два назад... Поехал в Латницы, на рынок, поросенка продавать, ну и выпил потом с мужиками. Немного и выпил-то, а на станции загремел. Ладно бы в полицию, так нет же — меня на глаза Тамариным людоедам попасться угораздило. Заломили руки, толкнули в «Газель»... В общем, как тебя, все то же самое.

— И как же... вам удалось бежать?

— Пришлось мне на сделку с ней пойти, — горестно усмехнулся Потапыч. — Ты вот сегодня был у нее на стройке? Так знай, парень: участок тот в лесу, где она хоромы себе возводит, раньше мой был. Там в старину церква стояла, я и купил у властей поляну, чтобы храм восстановить во имя Николая Чудотворца. Но, видать, недостоин я дом Божий выстроить, грехи больно велики... В общем, как токмо я понял, что из капища того выбраться никак не можно, пошел к Тамаре и сказал: отпусти меня, а вза-

мен я тебе свой участок полгектарный в лесу отдам. Ей деваться некуда: жадность одолела. Она тут же вызвала в больницу нотариуса, и оформили дарственную, как положено. И я в тот же день с выпиской на руках ушел из психушки.

— Что ж вы не заявили, жаловаться не пошли? — укоризненно покачал головой Шестаков. — Там ведь людей до смерти забивают, препаратами с ума сводят, морят по-всякому...

— Не знаю, поймешь ли ты, Вася, — задумчиво отвечал Потапыч. — Я скажу, а там суди, как знаешь. Видишь ли... Я понял, что оказался в этом аду по воле Божьей, так может, и все остальные тоже так-то вот, неспроста? Откуда знать? И уж если на то пошло, неужто Господь не видит всех тех ужасов, что у Тамары в больнице творятся, а? Видит, брат. Но... Без попущения Господня никакая Ископаева не смогла бы вершить свое черное дело. Вот если ты или кто другой начнет судиться, то и я не смолчу, выступлю свидетелем и потерпевшим. Потому как, значит, тебе или еще кому такая миссия разоблачительная выпала. А сам я инициативу проявлять не могу, нет на то Божьего благословения. Но ты помни, что я — с тобой.

Евдокия подала чай, Потапыч налил янтарный настой в блюдечко, долго дул, держа его в растопыренной пятерне.

— Ты вот что скажи, Василий свет Володимирович, — степенно заговорил бригадир. — Сам-то как думаешь из беды выкарабкиваться? У тебя ж ни документов нет, ни денег. Ты беглый псих, к тому же — опасный. Человека застрелил при побеге... Поди, полиция тебя уже ищет. И найдут, будь покоен!

— Помогите, Михайло Потапыч... — умоляюще взглянув на него, попросил Вася. — Отблагодарю! Денег у меня ужас как много, мне бы только перед законом оправдаться.

— Ну, про это даже не заикайся, про воздаяние-то. Я мзду за добрые дела не беру. Ты меня послушай. Здесь тебе оставаться несподручно, машину мою вся округа знает, видеть могли, как я мимо Тамариных угодий проезжал... В общем, отведу я тебя к одному человеку, дом у него большой, да и искать там вряд ли станут. Мужик он видный, писатель, краевед. А я пока все разведваю, что по твою душу в Латницах делается...

Глава сорок восьмая

О том, чтобы уехать вместе с Ксюшей в деревню, теперь не могло быть и речи: Ирина из требовательной супруги перевоплотилась в «жену милосердия», как шутливо называл ее Комар. Он чувствовал себя превосходно, ел за троих и часами просиживал у телевизора. Уже несколько дней

Алексей купался в тихом блаженстве и мечтал продлить его еще хоть на чуть-чуть.

Заезжал Бурав, пару раз появлялся доктор Груздин, бегло осматривал исправно заживающую рану и тут же уезжал, чувствуя себя лишним посреди царившей в доме семейной идиллии.

— Серега, поехали со мной ко мне на дачу, — предложил подполковник, когда они в очередной раз покинули квартиру Камориных. — На выходные... Удочки возьмем, свинину на шашлык. В общем, отдохнем похолостячки...

Сергей Сергеевич не особенно удивился такому приглашению: в последнее время Бурцев заметно изменил свой образ жизни и теперь старался использовать выходные по прямому назначению, а не превращал их в два дополнительных рабочих дня.

— Лады, лады, — исподлобья посмотрел он на Бурава. — Макс, ты чего мне лепил тогда про входное-выходное отверстия в башке у этого адвоката, как его... Пискунова?

— Ну... Я от тебя хотел, чтобы ты написал в заключении: вход пули — глазница, выход — висок, — с тревогой ответил подполковник. — Надеюсь, ты сделал, как я просил?

— Сделал... Не велик подлог. Только там все как раз наоборот. Я не понял, Макс... Так это не ты завалил Пискунова?

— Да куда мне, Серега... Старею, рука не та, глаз притупился, — попытался отшутиться Бурцев.

— Иди ты... — зашипел Груздин. — Что же это за посланец небес с карающей десницей, которого ты так усердно прикрываешь? Труп на себя повесил, служебное расследование...

— Расследование прекратили, — отрезал подполковник. — Ввиду очевидности того факта, что оружие мною было применено правомерно. Свидетелей куча, к тому же и Комар пулю схлопотал... Форс-мажор! Мне Кротов даже премию выписал, три тысячи рублей, — усмехнулся Бурцев. — На свинину и водку хватит. Считай, что премию нам на двоих выдали — я бы ее не получил без твоего заключения.

— Замечательно! — хлопнул себя по ляжкам и картинно воздел руки к небу Сергей Сергеевич. — Доктор Груздин уже подписывает ложные заключения за бутылку водки! Надеюсь, хотя бы хорошей...

Подполковник почувствовал себя виноватым. Сергей Сергеевич явно ждал объяснений.

— Серега...

— Ничего слышать не желаю, — буркнул доктор, — кроме правды. Иначе поедешь ловить рыбу один.

— Шантажист, — сокрушенно вздохнул Бурцев. — В общем... Считай, что Пискунова грохнул Истребитель. Петр Шилов. С того света. Если мозги у тебя есть, ты должен все понять.

— Понял, Макс. Так бы сразу и сказал, — смиренно ответил Груздин. — Она... С ней все в порядке?

— Угу. Скоро выйдет из психбольницы и заживет обычной жизнью. В смысле — как законопослушная гражданка. Надо помочь ей в институт поступить... Знаешь, студенческая жизнь — она здорово встряхивает, да к тому же с ее-то внешностью... Скучать не дадут.

— Отстал ты от жизни, сыщик, — усмехнулся Груздин. — Сейчас студент совсем другой пошел, не тот, что в наше время. Каждый сам по себе... Ни тебе факультетских рок-групп, ни спортивных баталий... Даже не бухают шумными компаниями, всяк ищет «нужных» друзей-собутыльников.

Бурав, будто сделав какое-то открытие, удивленно посмотрел на доктора:

— Но ты-то откуда все это знаешь? А?

— Да уж знаю... — попытался свернуть разговор Сергей Сергеевич.

— А ну колись, бородатый ловелас! — хохотнул подполковник. — Значит, та студенточка-практиканточка в очках и с ногами до ушей... То-то она за тобой хвостом ходит! Надеюсь, ты не собираешься тащить ее с собой ко мне на дачу?

— Не-ет! — протянул Груздин.. — Нужен тайм-аут...

Они уже подъехали к теперешнему жилищу Бурава в Южном Чертанове, подполковник заглушил двигатель.

— Макс, ты что-то закис в последнее время, — вдруг осторожно проговорил Сергей Сергеевич. — Может, тебе тоже стоит кого-нибудь завести, а? Это я как врач говорю, между прочим. Живешь букой, никаких житейских радостей... Так действительно спиться недолго.

— Да ну их, — отмахнулся Бурцев. — Знаешь, как представляю, что нужно будет пыжиться, выставлять из себя этакого Ланселота, говорить всякие избитые пошлости, слушать в ответ идиотский смех... Сразу всякое желание пропадает.

Максим уже открыл дверцу машины, но Груздин с серьезным видом положил ему руку на плечо.

— Пстой, Макс...

— Чего ты?

— Я ведь, как ты мог заметить, на следующий день после пьянки всегда все помню отлично, в мельчайших деталях. Про лишний патрон в твоей обойме тебе наутро напомнил, как ты и просил...

— Ну, и к чему ты это? — насторожился Бурцев.

— А вот к чему, — Сергей Сергеевич расстегнул саквояж и вытащил довольно увесистую папку. — Я скачал из Интернета все, что там имеется на князя Анатоля Долгорукого. Все публикации, ссылки, светскую хронику, биографию... С российских, украинских, европейских и американских сайтов. Держи, ознакомься на досуге. Много интересного почерпнешь, обещаю. Там и фотографий целая куча...

Бурав хмуро открыл папку. На него смотрело породистое, благообразное лицо старика с ухоженной бородкой а-ля рюс. Пронзительные, всеведущие глаза Долгорукого смотрели куда-то в глубь веков. Он повернулся к Груздину, но тот жестом прервал вопрос, готовый сорваться с его губ, и произнес:

— Макс, ты ведь слышал о скандальных фотоснимках обнаженных кинозвезд и певиц? — начал Сергей Сергеевич. — Открываешь журнал — а там какая-нибудь Бриттни Спирс в чем мать родила... Так вот, никому она в костюме Евы не позировала, все это — новейшие компьютерные технологии, которые позволяют раздеть сфотографированную женщину и представить ее истинное тело с точностью до 99 процентов. Так вот, Макс, я проделал означенные манипуляции с физиономией князя Долгорукого, снял с нее на компьютере всю кожу, оголил череп, а потом по методу профессора Герасимова воссоздал истинный облик этого князьки. Природный, так сказать. Вот, держи. Признаюсь, я побоялся класть его в общую папку.

Бурцев с волнением взял лист бумаги, который доктор извлек из внутреннего кармана. На подполковника смотрело лицо академика Ардашкина. Оно лишь чуть постарело по сравнению с тем обликом, который врезался в память Бурцеву еще в 1999 году, когда оперативник допрашивал Анатолия Семеновича в его директорском кабинете секретного НИИ Минобороны.

— Я надеюсь, теперь у тебя не осталось никаких сомнений? — как бы между прочим, спросил Груздин.

ЭПИЛОГ

Анатолий Семенович Ардашкин, отфыркиваясь, медленно шел по каменистому дну к ухоженному пустынному пляжу. Сердце все еще замирало от мощной встряски, полученной в ледяной купели. Хоть сейчас не лучшее время для купаний, особенно в балтийских водах, академик упрямо насиловал свой организм, поддерживая его жизненный тонус физическими упражнениями, обжигаясь холодной морской водицей и раскаленной финской сауной. Семьдесят пять — это не тот возраст, когда можно почить от бурных дел. Тем более что главные дела еще только впереди.

Слуга подал ему ворсистое полотенце, и Анатолий Семенович принялся яростно растирать свое жилистое тело. Пляж, как и особняк, тоже

был собственностью Леонида Трофимова, и Ардашкин чувствовал себя весьма комфортно, памятуя об автоматчиках, расставленных по периметру частной береговой полосы. К тому же метрах в семидесяти от кромки пляжа покачивался на волнах сторожевой катер академика Трофимова.

Анатолий Семенович накинул турецкий халат с капюшоном и побрел вверх, к белокаменному особняку. Телефонная трубка в руке слуги нежно запиликала.

— Ваша светлость, на связи господин Камышев, — вполголоса доложил слуга.

— Давайте, — протянул руку Ардашкин.

Николай Камышев был финансовым менеджером Анатолия Семеновича, и Ардашкин догадывался о причинах, побудивших его звонить сюда, в поместье Леонида Трофимова.

Камышев дипломатично осведомился о здоровье его светлости, чем привел Ардашкина в едва сдерживаемое бешенство. С недавних пор он болезненно воспринимал подобные расспросы, хотя и осознавал, что они — лишь часть общепринятого этикета. И все же каждый раз Анатолий Семенович слышал в голосе учтивого собеседника намек на преклонный возраст князя-академика, а то и скрытое пожелание, чтоб Ардашкина-Долгорукого поскорее забрали черти...

— Давайте к делу, Николай Александрович, — раздраженно перебил Камышева академик.

Тот заговорил торопливо, сбивчиво. Мол, счел нужным поставить его светлость в известность о загадочном исчезновении полковника Лисина... Что-то не обращается он за положенным ему денежным довольствием, к телефону не подходит, на электронные письма не отвечает. Канул Бог весть куда...

— Поздновато докладываете, — отчеканил Ардашкин. — Я уже в курсе... Более того, я располагаю достоверными сведениями, что Лисина больше нет в живых. Можете не искать его. Не поднимайте шума...

— Что же делать? — озадаченно и с явным испугом спросил Камышев.

— Ждать меня. На днях я представлю вам своего нового советника вместо Лисина...

Академик дал отбой, задумался. Для начала, конечно, следует лично встретиться с полковником Геннадием Кротовым, а там уж Анатолий Семенович примет свое окончательное решение...

Что ж, пора навестить Белокаменную, а то заплесневел он на курорте.

Ардашкин набрал номер Леонида Трофимова. После обмена приветствиями он пожевал губами и заговорил тоном, не терпящим возражений:

— Ты вот что, Леонид Северьяныч... Распорядись насчет самолета.

— Куда путь держишь? — деловито осведомился Трофимов.

— В Москву, к обеду хочу быть в родной столице...

— О'кей, будет сделано. Сейчас отдам все распоряжения. Ну, насчет воздушного коридора, посадки в Мячково... Машина встретит тебя по прибытии в Москву прямо у трапа.

— Спасибо, дорогой.

— Когда увидимся?

— Думаю, через недельку-другую. Порыбачим, в сауне попаримся...

— Ты там насчет сырья для моего завода похлопочешь? — осторожно спросил Трофимов.

— Уже похлопотал... Мы вышли в завершающую фазу. Так что готовь производственные мощности.

— Вот это отрадно слышать! — повеселел Леонид Северьянович. — Тебе позвонят, когда все будет готово, а слуга доставит тебя на взлетную полосу.

Анатолий Семенович позавтракал на солнечной террасе, выпил чашечку крепкого чая — кофе он не употреблял уже примерно год. Слуга доложил, что самолет академика Трофимова готов к вылету.

Частная взлетная полоса, построенная Леонидом Северьяновичем, располагалась километрах в пятнадцати от шумного Калининграда. Специально построенный для академика Трофимова сверхзвуковой «Ту-144» свистел разогретыми турбинами. На борту красовалось название авиакомпании, выведенное кириллицей: «Тролль». Очевидно, подразумевалось нечто производное от фамилии и имени Трофимова...

Ардашкин степенно вышел из черного «роллс-ройса», держа в руке один лишь металлический чемоданчик; бодро взбежал по трапу, на верху которого его приветствовали пилот и штурман истребителя. В салоне Анатолий Семенович погрузился в удобное кресло, положил чемоданчик на столик из дымчатого стекла, надел наушники.

— Прикажете взлетать? — раздался в наушниках голос пилота.

— Взлетайте.

— С Богом, ваша светлость!

Академик вжался в мягкую спинку кресла, отброшенный назад стремительным ускорением самолета. Сверхскоростной лайнер с чудовищной быстротой набрал высоту и уже через несколько минут после взлета преодолел звуковой барьер. Какой-то час, а то и меньше, и они совершат посадку в подмосковном Мячкове...

Салон был отделан дорогой кожей, но, тем не менее, академик вскоре стал нестерпимо мерзнуть. Надо было одеться потеплее, но ведь не предупредили же, сволочи! Или они и впрямь считают, что Анатолий Семено-

вич — небожитель, для которого температура окружающей среды значения не имеет?

Ардашкин в раздражении надавил на красную кнопку вызова. Пусть хоть одеяло дадут, ведь не может же такого быть, чтобы на борту не нашлось теплого пледа.

Он давил еще и еще, однако импровизированная дверца в кабину пилотов оставалась наглухо закрытой. Идиотство... Что у них, сигнал не работает?

Анатолий Семенович поднялся из кресла, двинулся, чуть пошатываясь, к металлической переборке в носу истребителя. Нажал на ручку, и дверь подалась...

Академик едва не задохнулся от шквального порыва ледяного урагана, хлынувшего ему в лицо. Откидной металлический колпак кабины был откинут, ремни катапультирования раскачивались перед носом Анатолия Семеновича. Навстречу неслись облака. Кабина пилотов была пуста. Лишь рулевой штурвал покачивался в такт вибрации истребителя...

Смертная, доселе неиспытанная тоска захлестнула Анатолия Семеновича. Итак, он был один-одинешенек между Космосом и Землей, один во всей Вселенной! Наверное, такое внутреннее состояние и называют богооставленностью... В сердце будто вонзился кусок льда, это было так больно, что Ардашкин застонал. И тут же проснулся.

Он обнаружил себя скорчившимся в кресле перед стеклянным столиком, за иллюминатором простиралось темно-синее небо. Ба, да он элементарно уснул под свист и шум турбин... Вместе с этим радостным открытием Анатолий Семенович осознал, что окончательно заоченел и нажал красную кнопку вызова.

Тут же в салоне появился услужливый штурман.

— Одеяло, — прохрипел Ардашкин. — Холод просто собачий.

Штурман заботливо укутал Анатолия Семеновича пледом, взглянул вопросительно:

— Может, коньяку, ваша светлость?

— Да, пожалуй, — проворчал Ардашкин.

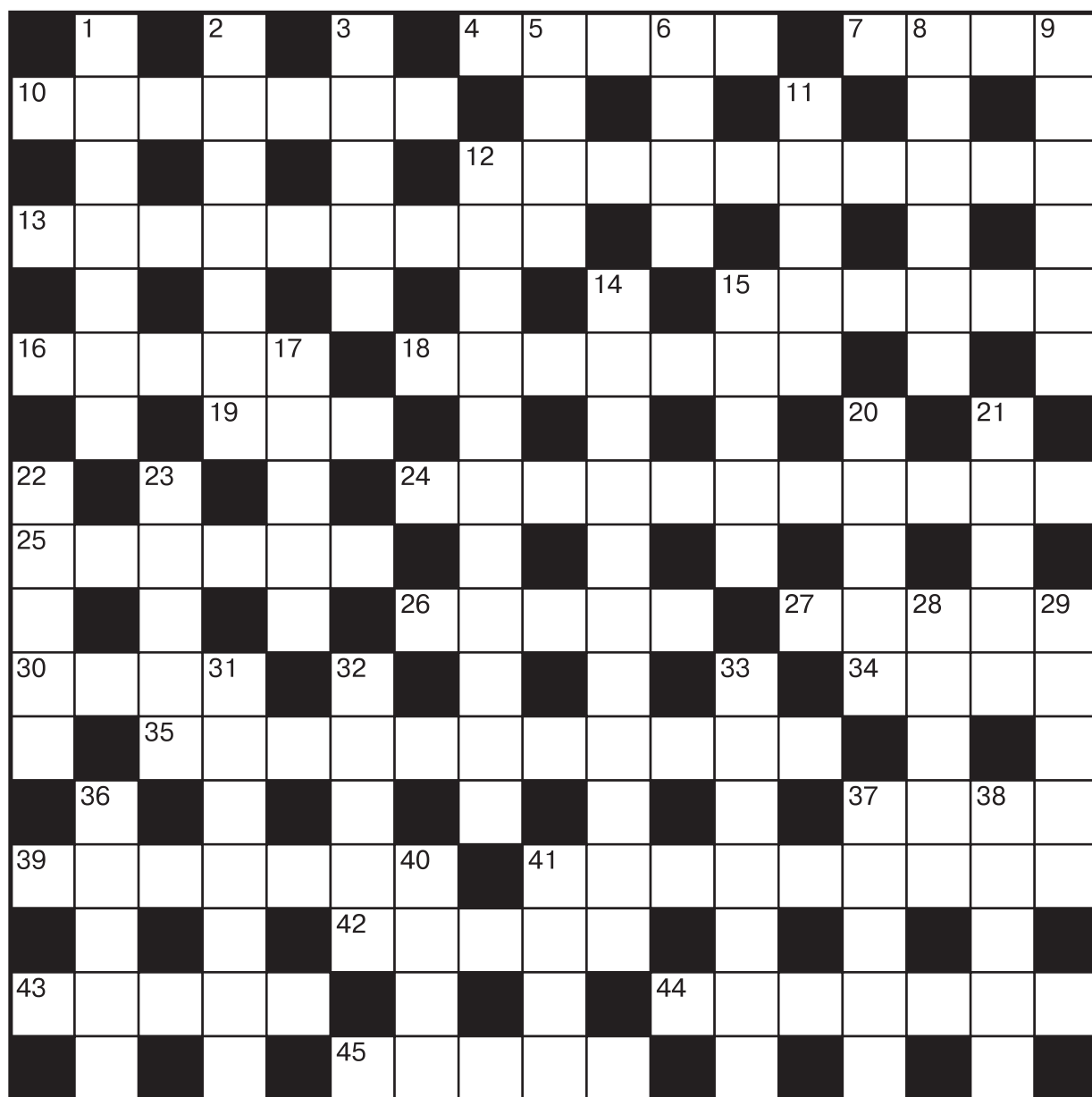
Когда он выпил треть фужера «Камю», лоб покрылся жаркой испариной.

— Заходим на посадку, — сообщил штурман.

Академик молча кивнул. Леденящая боль в груди и чувство богооставленности не покидали Анатолия Семеновича Ардашкина... □

От редакции: Дорогие читатели, это еще не полное окончание романа, автор работает над второй частью, которую мы предполагаем опубликовать в 6–7 номерах этого года.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Самая неприхотливая аквариумная рыбка. **7.** Что вызывает астму у каждого десятого ребенка в Соединенных Штатах? **10.** «Флаг тебе в руки и ... на шею». **12.** Какой мастер лысому не нужен? **13.** Гармошка и пианино «в одном флаконе». **15.** Английский классик, чей дядюшка подарил имя Эвересту. **16.** Биограф Одиссея.

18. Каждая из букв латинского алфавита, способствующая жизни всякого человека, даже не знающего латыни. **19.** Песня «В далеком созвездии ... Кита» у Владимира Высоцкого. **24.** Все те, кому хватило денег, чтобы купить власть. **25.** Катализатор кваса. **26.** Приглашение на премьеру. **27.** Какой из индийских штатов слывет самым чайным в стра-

не? **30.** Пижонская черта в имидже. **34.** «Наверное, есть в шальных деньгах какая-то гнусная ...!» **35.** Кто начинает играть после команды «Мотор!» **37.** Классик французского кино, чей русский дед был дипломатом в Париже. **39.** К какому городу восходит английское слово «bedlam» в значении «сумасшедший дом»? **41.** Зрительская ... обеспечивает рейтинг телепередачам. **42.** Время кинопоказа. **43.** Жанр у Эзопа. **44.** Украинский шнапс. **45.** Движение айсберга.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Худший из должников. **2.** Кого инквизиторы провозгласили главным идолом тамплиеров? **3.** Попытка вывести из игры ферзя. **5.** Кавалерист «в легком весе». **6.** Что получается из ничего? **8.** У кого киностудия «Мосфильм» позаимствовала скульптуру для своей заставки? **9.** Какой привкус обиду с полынью объединяет? **11.** Откуда звучат проповеди? **12.** Где больные обмениваются опытом? **14.** Кладовщик из армейской казармы. **15.** Какой столовый прибор французский

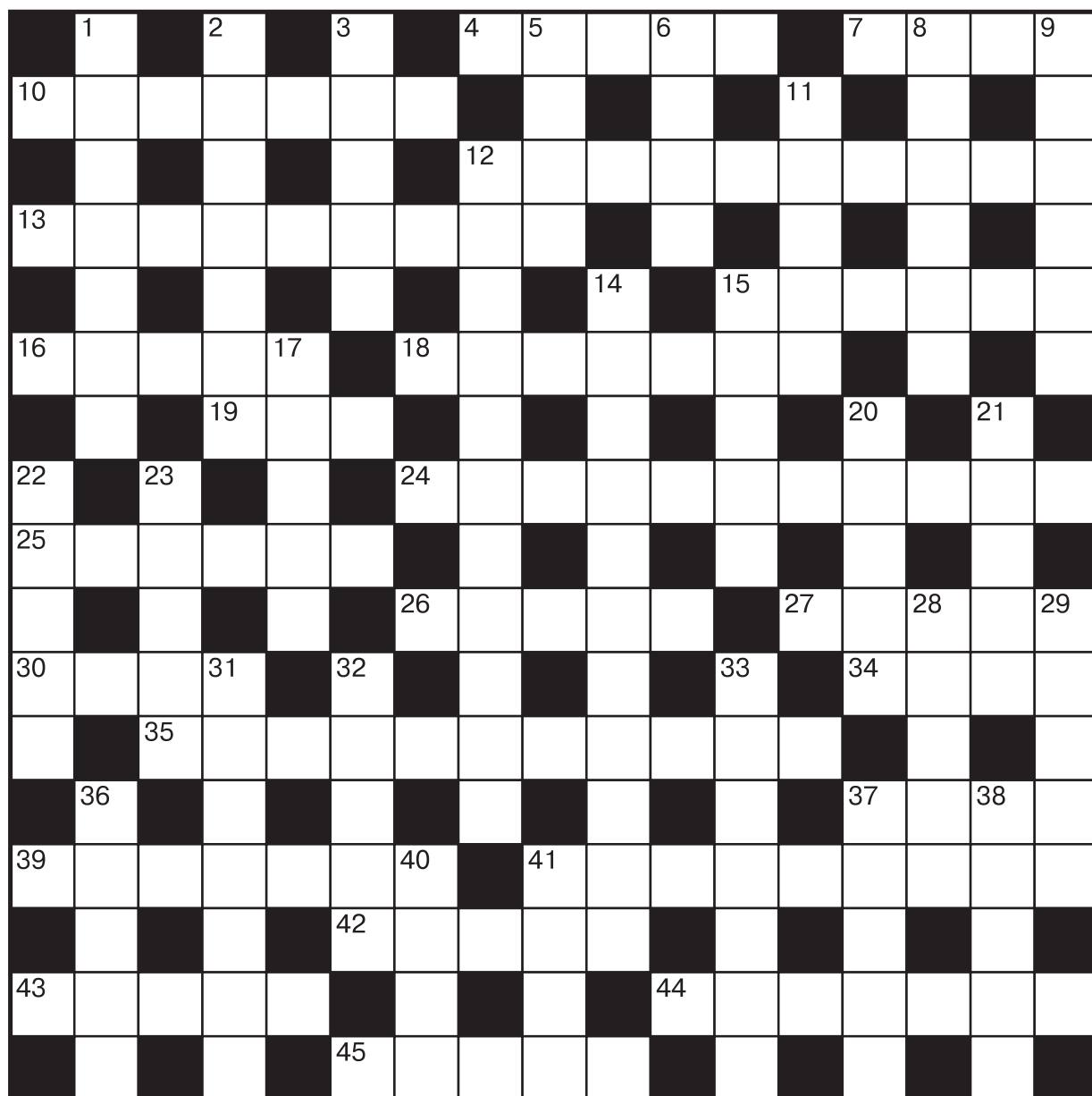
король Людовик XVI признал только к концу своего правления? **17.** Легендарный слон, чье изображение попало на банкноты Шри-Ланки. **20.** Немецкий ученый, чьим именем назвали «электромагнитную пушку». **21.** Кто мечтал построить филиал Голливуда в окрестностях Кишинева? **22.** Какую эстрадную звезду уже окрестили «новой Эми Уайнхаус»? **23.** Для чего нужен Google? **28.** На каком индийском инструменте играл Джордж Харрисон? **29.** Что изучала система институтов Ананербе («Наследие предков») во времена Третьего рейха? **31.** Кто из английских классиков дважды отказался баллотироваться в парламент от Консервативной партии? **32.** Какая эстрадная певица любит сама себя называть принцессой Fancypants? **33.** Какого министра сыграл Владимир Меньшов в сериале «Брежнев»? **36.** Поворот гонщика. **37.** «Сердце страны самураев». **38.** Слесарное приспособление против недержания. **40.** Квадратный... **41.** «Каждый думает, что Бог на его стороне, а богатые и могущественные это знают» (французский драматург).

Ответы на кроссворд, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Прадо. **6.** Звезда. **10.** Рупия. **12.** Благополучие. **13.** Маркс. **15.** Отпечаток. **17.** Трус. **20.** Нос. **21.** Ариэль. **22.** Жир. **24.** Овен. **26.** Калиф. **28.** Изгнание. **29.** Кернер. **30.** Вид. **31.** Бог. **33.** Литий. **34.** Гольш. **37.** Базар. **39.** Тайна. **40.** Эстония. **41.** Якорь. **42.** Жрица. **43.** Витрина. **44.** Клавдий. **45.** Акула. **46.** Адель.

ПОВЕРТИКАЛИ: **1.** Мулан. **2.** Диско. **4.** Рылеев. **5.** Догматик. **7.** Волк. **8.** «Зачарованный». **9.** Александра. **11.** Шпион. **14.** Стеллаж. **16.** Комик. **18.** Мафия. **19.** Диагноз. **23.** Радий. **25.** Нижинский. **27.** Федот. **30.** Виноград. **31.** Баскюль. **32.** Габрово. **35.** Лавраки. **36.** Шницель. **38.** Сигнал. **43.** Вий.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** На каком острове отошел к праотцам Роберт Стивенсон? **7.** Что подменила Варвара из драмы «Гроза»? **10.** Грузинский пирог с начинкой из фасоли. **12.** Зависимость красоток от загара. **13.** Горн, чье изобретение приписывают библейскому Моисею. **15.** Последний крупный роман Ста-

нислава Лема. **16.** Кто из классиков английской литературы чуть ли не первым заметил, что птицы могут спать с одним открытым глазом? **18.** Игра с переодеванием в костюмы героев комиксов. **19.** «Театр масок» у японцев. **24.** Бычок с шипами на голове. **25.** Символ брэнности в парадном облачении византий-

ского императора. **26.** Что примеряет Мачеха из фильма «Золушка»? **27.** «Икра для бедняков» у сербов. **30.** «Кубик льда», ставший талисманом ОИ в Турине. **34.** Из какой колоды «родился» джокер? **35.** Наш областной центр с памятником сапогу барона Мюнхгаузена. **37.** Повелитель лесов и птиц из мифов маори. **39.** Учитель Иоанна Златоуста. **41.** «Ореховая тыква». **42.** Античная ваза для оливкового масла. **43.** Вишневый торт. **44.** Шило сапожника. **45.** Приз кинофестиваля в Мар-дель-Плата.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ритуальный танец у мексиканских индейцев. **2.** «Растительный минерал». **3.** Либийский великан. **5.** «Буквальный» метод толкования священных текстов в иудаизме. **6.** В каком французском городе проходит Всемирный конкурс поваров? **8.** У какой рыбы обоняние развито почти так же сильно, как и у собак? **9.** Какого ученого с европейским именем арестовали 21 июля 1930 года за призыв к семейному крестьянскому хозяйству в условиях рыночной экономики?

11. Что открыл Роберт Бунзен, исследуя минералку из Шварцвальда? **12.** Кто из патриархов нашего кино исполнил гитарное соло в фильме «Весна на Заречной улице»? **14.** Прибор, с помощью которого астрономы получили большую часть сведений о составе звезд. **15.** Кто, независимо от Блеза Паскаля, разработал основы теории вероятности? **17.** Копье с Окинавы. **20.** Какую золотую монету из Англии украшала библейская надпись «Соединю вас в один народ»? **21.** Сканирующий аппарат. **22.** Корейский барабан. **23.** Легкий охотничий плот. **28.** «Дракон с острова Комодо». **29.** Классик «петушиного стиля» в русской архитектуре. **31.** Сандалии «болгарской национальности». **32.** Эмблема из полумесяца со звездой. **33.** Сооружение с «дьявольской дырой» из романа «Ангелы и демоны». **36.** Ошибка исполнения прыжка в фигурном катании на коньках. **37.** Пастилки из аптеки. **38.** Рыба, чье мясо теряет вкус после заморозки. **40.** Что придает фасонной пряже эффект шероховатости? **41.** Предтеча колокола на Руси.

Ответы на эрудит, опубликованный в №12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Хэнкс. **6.** Орчата. **10.** Тибет. **12.** Полиоркетика. **13.** Тефис. **15.** Звездопад. **17.** Масу. **20.** Крю. **21.** Абсирт. **22.** Чиж. **24.** Крии. **26.** Негев. **28.** Азазелло. **29.** Журнад. **30.** Бич. **31.** Пит. **33.** Абтах. **34.** Виски. **37.** Бегин. **39.** Чианг. **40.** Стамати. **41.** Эннен. **42.** Евбул. **43.** Возраст. **44.** Пекинес. **45.** Янцзы. **46.** Плеве.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Липец. **2.** Хевиз. **4.** Эмодзи. **5.** Кринолин. **7.** Ржев. **8.** Аниматроника. **9.** Аматузида. **11.** «Ермак». **14.** Свормер. **16.** Дрмеж. **18.** Хабар. **19.** Ассатиг. **23.** Жених. **25.** Альбатрос. **27.** Вулич. **30.** Балморал. **31.** Пейнтер. **32.** Тиберий. **35.** Сиквенс. **36.** Индуизм. **38.** Стасов. **43.** Веа.

**Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2021 года
через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:**

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 179 рублей 30 копеек	За 1 номер — 215 рублей 60 копеек
За полугодие — 1075 рублей 80 копеек	За полугодие — 1293 рубля 60 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru | в мобильном приложении Почты России | через почтальона

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт [PODPISKA.POCHTA.RU](http://podpiska.pochta.ru)

- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
  - по индексу,
  - по теме и профессиональным интересам,
  - по алфавиту,
  - по части названия,
  - из списка самых популярных
  - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

- Зайдите в мобильное приложение Почты России.
- В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
- Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
  - по индексу,
  - по теме и профессиональным интересам,
  - по алфавиту,
  - по части названия,
  - из списка самых популярных
  - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны –
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше “мышки”?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению – ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года. Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

